

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Л. М. ВИШНЕВЕЦКИЙ, Б. И. ИВАНОВ, Л. Г. ЛЕВИН

ФОРМУЛА ПРИОРИТЕТА

„НАУКА” Ленинградское отделение

ФОРМУЛА ПРИОРИТЕТА

Л. М. ВИШНЕВЕЦКИЙ, Б. И. ИВАНОВ, Л. Г. ЛЕВИН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «История науки и техники»

**Л. М. Вишневецкий,
Б. И. Иванов, Л. Г. Левин**

ФОРМУЛА ПРИОРИТЕТА

**Возникновение и развитие
авторского и патентного права**

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1990

В книге освещаются аспекты исторического развития авторского и изобретательского права, необходимость защиты интеллектуальной собственности в различных областях творчества. Читатель узнает о загадках, курьезах и конфликтах, связанных с авторским правом.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

Ответственный редактор:

д-р филос. наук К. С. ПИГРОВ

Рецензенты:

д-р ист. наук А. В. КОЛЬЦОВ,

д-р психол. наук А. Ф. ЭСАУЛОВ

В $\frac{1202000000-674}{054(02)-90}$ 23-89 НП

© Л. М. Вишневецкий,
Б. И. Иванов, Л. Г. Левин, 1990

ISBN 5-02-027211-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Объективные основания возникновения авторского и изобретательского права неразрывно связаны с творческой трудовой деятельностью. Вехами в истории развития материальной культуры человечества служат великие изобретения и открытия независимо от того, являются ли они плодом ума одного человека, созданы ли в результате коллективного опыта, или явились из тьмы веков, будучи продуктом тысячелетнего накопления знаний поколениями людей. Открытие и применение огня, изобретение лука и стрел, топора и палицы, пороха и книгопечатания, компаса и колеса, открытие пара и электричества, освоение атомной энергии и космоса — эта цепь изобретений сопутствует не только развитию материальных средств воздействия на природу, но и эволюции общественных отношений, оказывая на них порою существенное влияние.

Желание человека извлекать из окружающей природы наибольшее количество благ при наименьшей затрате сил является объективным фактом и независимо от его воли и сознания приводит его в состояние непрекращающейся творческой деятельности, ибо никогда человек, достигнув какого-либо результата, не бывает им удовлетворен окончательно, он всегда ищет пути и средства этот результат улучшить, использовать для достижения каких-то новых целей.

Для творческой деятельности существуют объективные и субъективные мотивы. Что же касается соотношения их в ряду наука—техника—искусство, то в нем последовательно нарастает мотив субъективного при сохранении общей объективной основы духовной деятельности человека.

Стремление инженера изготовить более совершенную машину, ученого — разрешить научную проблему, писателя и художника — создать произведение искусства — все это проявления творческой целеустремленности, которая присуща человеку.

Одновременно с началом сознательной деятельности у человека возникло желание сохранить и закрепить за собою преимущества и выгоды, получаемые вследствие действия на природу или создания художественных произведений.

Так, уже на заре человечества тщательно оберегался и передавался из рода в род секрет добычи огня, в строжайшем секрете египетские жрецы держали технические средства «сотворения» различных религиозных чудес, свое умение предсказывать затмения Солнца и Луны, на этом они в значительной степени строили свое влияние на все слои общества.

В дальнейшем сохранение в тайне секретов производства (например, тайна изготовления венецианского стекла, многих красок и эмалей, производство некоторых видов стали) давало их создателям определенные преимущества и до XVI—XVII вв. являлось по существу единственным средством их охраны.

С развитием капитализма рамки средневековых цеховых корпораций становятся слишком узкими и не позволяют членам цехов извлекать из создаваемых ими технических усовершенствований выгоду, оправдывающую затраты сил и средств, израсходованные на их применение.

Промышленная революция XVI—XVII вв. ускорила становление капитализма в странах Европы. В сложившейся к тому времени обстановке сосредоточения на мануфактурах большого числа рабочих, не обязанных хранить секреты производства, всякое техническое новшество быстро становилось предметом гласности и любой предприниматель мог его использовать. Зачастую секреты производства переставали быть секретами сразу, как только товар, изготовленный на их основе, поступал на рынок.

Капиталисты, в основном выходцы из среднего сословия, прекрасно понимая и оценивая возможности обогащения в результате развития техники, смогли заставить государственную власть ввести в законодательном порядке охрану их имущественных интересов, возникающих в связи с созданием и применением технических новшеств.

Таковы коротко объективные причины, вызвавшие к жизни правовой институт — изобретательское и авторское право, которое в наши дни приобрело значение фактора не только экономического, но и политического, служащего основой для проведения таких коммерческих

операций, масштабы и значимость которых выходят далеко за пределы лишь научно-технического обмена и экономических отношений.

На страже интересов авторов должны стоять законы об охране интеллектуальной собственности.

Человек, профессионально занимающийся творчеством, должен получать плату за свой труд, так как чаще всего он не имеет других источников материальных средств для поддержания своего существования. Если профессионал обладает деловой сноровкой, предприимчивостью, то эти качества способствуют успеху созданных им изобретений или произведений искусства, принося устойчивые доходы и материальное благосостояние (Даргер, Эдисон, Тесла, Рерих, Дягилев).

Многих изобретений, научных открытий, произведений искусства и культуры не поняли и не понимают современники. Этому часто способствует инерционность мышления, стремление как можно реже менять принятую точку зрения. Власть авторитета способна защитить и даже навязать заведомо ошибочные представления. Преодолеть инерцию, предрассудки трудно. Нужны не только оригинальные идеи, но и люди, готовые их отстаивать наперекор большинству.

Пример пионеров нового показывает необходимость веры в истинность идей, убежденность первооткрывателя в правоте своего дела, хотя иногда оно кажется еретическим (Коперник, Кеплер, Эйнштейн, Лобачевский).

Рассказывая о судьбах выдающихся творцов нового, о трудностях и препятствиях, с которыми они сталкивались, авторы надеются, что это поможет понять психологию творчества, уяснить тенденции развития законодательств по охране прав на интеллектуальную собственность, мотивы поведения и поступков нарушителей этих прав, будет способствовать пониманию того, как важно охранять и отстаивать приоритет не только в историческом аспекте, но и для защиты коренных интересов страны.

Глава I

Зарождение авторского и изобретательского права

Авторы и издатели в древнем мире

На заре цивилизации не было ни фактических прав, ни юридических документов на результаты творческого труда. Первые привилегии, грамоты, патенты охраняли личную имущественную собственность. Такие документы появились в глубокой древности. Они защищали материальную собственность владельцев от посторонних посягательств. Старейшая из дошедших до нас привилегий («иммунитетных грамот») принадлежит правителю Темпт-Акуну I из Лилаирташа в Месопотамии (начало XVII в. до н. э.) [1]. Эта грамота, приобретенная крупным сановником у царя Кук-Нашура за плату, давала ему право на владение большим участком земли («...поля его, заливные луга его, поля пастухов, воинов, запасных»). В своеобразной форме гарантировалась защита этой собственности: «Пусть на него распространится сень и магическая защита, и никто не должен отбирать у него поле». Предусматривалась и санкция к возможному нарушителю: «По слову богов жезл Кук-Нашура на его голову да упадет».

История не донесла до нас имен первых изобретателей и авторов книг, но известно, что родиной книги является Древний Египет.

Древний Египет. Характерная черта авторов Древнего Египта — стремление не связывать созданное произведение со своим именем. Очевидно, древнеегипетские авторы полагали, что если припишут свой труд какому-либо богу, фараону или принцу, то это будет лучшей гарантией долговечности их творения. Египетская литература переживает период своего расцвета в эпоху Среднего царства XXI—XVIII вв. до н. э. Самые старые тексты религиозно-магического содержания начертаны на стенах погребальных камер фараонов Древнего царства. С большой степенью вероятности можно считать, что первой в истории человечества книгой, предназначенной для массового чтения, была «Книга мертвых». Книги представляли собой

папирусные свитки, свернутые в виде цилиндра. Наряду с религиозной литературой существовала и светская. Древнейшим сохранившимся до нашего времени образцом такой светской египетской книги является «Папирус Присс», названный по имени французского ученого, купившего этот папирус в XIX в. [2]. Во времена Среднего царства в книгах уже начинают встречаться имена авторов, что говорит об интересе к личности самого сочинителя. Авторами книг чаще всего выступают вельможи или же видные чиновники государственного аппарата, еще с детства обученные сложному искусству письма.

Афины. Издательское дело и книготорговля достигли высокого развития в древнегреческом полисе Афины. В Древней Греции возникло понятие изданной книги, издания (экдосис — эк — приставка, переводимая как «из», досис — «давать»). Постепенно вырабатывался определенный процесс издания книг [2]. Лично автором или под его наблюдением писцами изготовлялся оригинал литературного произведения, затем с него переписывались заказанные копии. Копии сверялись с оригиналом самими писцами или поставленными над ними людьми, они же редактировали и исправляли текст. Выверенные экземпляры поступали в продажу или дарились автором. Литературные произведения переписывались всеми желающими без ведома и контроля автора, что вело к увеличению числа книг с искаженными по сравнению с оригиналом текстами. Оригиналы, эталоны, хранились в афинских государственных учреждениях и высоко ценились. Издания с авторского экземпляра могли быть в основном только прижизненными. После смерти автора, когда оригинал чаще всего терялся, издания осуществлялись с копий, качество которых определяли ученые-грамматики. Известной гарантией качества издания служило имя издателя, из мастерской которого выходили книги, завоевавшие всеобщее признание. Если автор при жизни не успевал сам подготовить к изданию свои сочинения, он в завещании называл лиц, которые должны были взять на себя этот труд. Сочинения, оставшиеся не изданными после смерти автора, обычно назывались «анекдота».

Конечно, никаких законов о правах авторов и издателей не было, но существовало понятие литературной собственности, подтверждаемое многочисленными примерами [2]. Аристофан неоднократно упрекал своих соперников в плагиате и в то же время сам часто использовал

мотивы других авторов. Филострат из Александрии обвинил Софокла в заимствованиях из трагедий Эсхила, а Эсхила — в заимствованиях у Фриниха. В комедии Аристофана «Лягушки» бог Дионис, притворно поражаясь таланту Еврипида, осторожно старается выяснить, кому же на самом деле принадлежат стихи — самому Еврипиду или Кефисофону.

Издание книг требовало очень высокой квалификации писцов, и не все греческие полисы могли наладить у себя это производство. Чаще всего за издания брались книготорговцы, организующие свои собственные предприятия — скриптории. Если требовался массовый тираж, то работа по изготовлению копий осуществлялась под диктовку опытного чтеца [2].

Другим крупным издательским центром позднее стала Александрия. Птолемеем I Сотером в этом городе были основаны библиотека и музей («храм Муз»).¹ Птолемеи отовсюду созывали в Александрию выдающихся ученых, изобретателей,² писателей и поэтов. Все они находились на содержании царя. Музей и составлял часть царского дворца Брухейон. Римский историк Страбон сообщает: «Это собрание ученых обладает большим денежным фондом. Во главе Музея стоит „жрец начальник Музея“, который прежде назначался царями, ныне назначается Цезарем» [2, с. 157]. В Александрийском музее жили известные нам первые изобретатели Ктезибий (водяные часы), Герон Александрийский (прообраз паровой машины, первые автоматы), Архимед (подъемные и боевые механизмы, архимедов винт), Ипатия (ареометр, астролябия).³

Многочисленные корабли, посещавшие гавань Александрии, должны были отдавать свои книги и взамен получать копии. Насколько высоко ценились оригиналы литературных произведений, видно из того, что Птолемей III Эвергет, одолживший у Афин государственный экземпляр произведений афинских трагиков, не вернул

¹ Александрийский музей просуществовал шесть столетий до разрушения царского дворца в 273 г. н. э. солдатами римского императора Аврелиана.

² Название «изобретатель» впервые употребил, по свидетельствам Секста Эмпирика и Диогена Лаэртца, Аристотель, назвав Зенона из Элси «изобретателем диалектики».

³ В 415 г. н. э. руководители христианской секты в Александрии распустили слух, что она колдунья и свои злые чары использует против христиан. Ее подстерегла и растерзала толпа религиозных фанатиков.

его, потерял огромный залог в 15 талантов (45 тыс. р. золотом). Афинам была возвращена только копия, изготовленная в Александрии.

В Александрийских библиотеках при приведении в систему и каталогизации огромной массы книг возникла проблема авторства. Многие книги не имели авторов, а некоторые были приписаны подчас намеренно другим лицам. Часто авторы носили одинаковые имена, что также создавало немалые трудности.

В литературной жизни Александрии была распространена практика заимствований из чужих произведений. В VII книге трактата Витрувия «Об архитектуре» рассказано о проводившихся в Александрии литературных состязаниях в честь Аполлона и Муз. Судья состязания, грамматик Аристофан, присудил награду далеко не лучшему писателю. На вопрос о мотивах подобного решения Аристофан ответил, что все остальные участники состязания представили точные копии с произведений других авторов. После этого все плагиаторы были изгнаны из Александрии.

Блага, предоставляемые царями в Александрийском музее, соблазняли, однако, не всех. В кругах античных ученых с насмешкой говорили о живших в музее, которые должны в уплату за получаемое содержание отказаться от элементарной свободы творчества и во всем следовать указаниям царского двора. Отказались жить в Александрии философ Феофраст и драматург Менандр.

Поэт Тимон писал:

Множество кормится там, во многоязычном Египте,
Книжных бумагомарак, меж собой беспрестанно враждуя,
В клетке для Муз. . .

[2, с. 158]

Помимо Александрийского подобные музеи имелись в Антиохии, Пергаме, Сиракузах и других крупных городах. Цари, их придворные и просто богатые люди не жалели средств на привлечение ученых, художников, писателей и поэтов, а также на пополнение и содержание библиотек, рассматривая свое покровительство как одно из средств укрепления собственного авторитета внутри страны и за ее пределами.

Рим. В Рим издательское дело пришло из Греции. Обычно издателем становился раб — переписчик книг, получивший вольную, так как в условиях все возрастающе-

го интереса к книге в Риме конца республики это было весьма прибыльно. Скрипторий и продажа книг обычно совмещались и носили название *taberna libraria* (книжная лавка) [2]. Издавались не только новые книги. Существовали и переиздания, особым спросом пользовались старые книги.

Упоминаемый в сочинениях Лукиана Каллин был одним из лучших римских издателей. Книги, выпущенные его скрипторием, отличались красотой отделки.

Книжные лавки помещались обычно в самых оживленных местах Древнего Рима. Тиражи книг, как следует из переписки Плиния Младшего, доходили иногда до 1000 экземпляров. Один из авторов «Истории Августов» сообщает, что император Тацит издал эдикт, согласно которому все библиотеки империи должны были иметь сочинения его предка, знаменитого историка Тацита.

Издателем сочинений Цицерона был его друг Тит Помпоний Аттик. Уже в первых письмах Цицерона к Аттику (а они составляют 16 книг) говорится об издательской деятельности. В июне 60 г. до н. э. Цицерон пишет: «Ты же, если книга тебе понравится, позаботься о том, чтобы она была в Афинах и в прочих городах Греции. . .» [2, с. 183]. Аттик должен был издать сочинение Цицерона о его консульстве и начать его продажу в различных греческих городах. Аттик, хозяин издательства и его «главный редактор», не жалел средств на приобретение рабов-переписчиков для своего большого скриптория, находившегося, по всей видимости, в Афинах. Для изданий требовалось разрешение автора. В одном из писем Цицерон задает Аттику вопрос: «Скажи мне, ты хочешь сначала издать без моего распоряжения? Этого даже Гермодор не делал — тот, кто обычно распространял сочинения Платона. . .» [2, с. 185]. Цицерон в этом письме упрекает Аттика за самовольное издание диалога «О границах добра и зла», посвященного Бруту. В письме ощущается обида человека, на собственность которого посягнули без его разрешения. Получал ли Цицерон от Аттика гонорар? Одно место из их переписки позволяет считать такое предположение допустимым: «Речь „о Лигарии“ ты распродал прекрасно . . . Впредь, что бы я ни написал, распространение поручу тебе» [2, с. 186]. Сложившиеся отношения были взаимно выгодными, и Цицерон рассчитывал не только на славу, отдавая Аттику свои сочинения.

Официальной идеологией Рима начала империи стала миссия господства над всеми народами для их счастья и мира, которая во многом предопределила развитие духовной жизни общества [3]. Придворное общество состояло из военных, чиновников, их семей. К ним примыкало множество всевозможных «друзей» и «собеседников» императора. Покровительство двора литераторам, художникам и ученым оказало свое влияние на содержание и форму литературно-художественных произведений. Их характерными чертами стали высокопарность, манерность, нарочитое изящество стиля. В Риме было много литературных кружков. Самым известным был кружок богача Мецената. Его роскошная вилла находилась на Эсквилинском холме. Здесь, в огромном, богато украшенном зале собирались поэты, писатели и актеры, читали и разыгрывали перед Меценатом свои произведения. Развалины этого зала, аудитории Мецената, сохранились до нашего времени. Знатный вельможа привлекал в свой кружок самых талантливых литераторов и щедро одаривал их. По его милости поэты и художники могли получить почетные и выгодные должности при дворе императора. Он тратил свои личные средства на их житейские нужды, делал им дорогие подарки, выделял из своих поместий земельные участки, виллы, дарил рабов и рабынь. За эти милости ученые, писатели, художники должны были служить императору, как это произошло со знаменитым поэтом Горацием.

В одной из сатир Гораций говорил о себе: «Дерзкая бедность заставила меня писать стихи». Очевидно, кроме службы в коллегии писцов Горацию приносило доход его творчество. Его уже можно считать профессиональным литератором. На Горация обратил внимание Вергилий, который взял на себя роль покровителя бедного чиновника, ввел его в кружок Мецената. Меценат быстро оценил дарование поэта. На него посыпались милости: под предлогом вознаграждения за потерю имения отца было подарено поместье в Сабинских горах. Гораций смог полностью посвятить себя поэзии. Имя Мецената стало нарицательным, им называют богатых покровителей наук и искусств.

В первой книге «Посланий» (около 21 г. до н. э.) Гораций упоминает своих издателей и книготорговцев Сосиев: «Кажется, ты, моя книга, уже пристально смотришь в сторону Бертумна и Януса, отполированная пемзой Сосиев — ра-

зумеется, желая быть выставлена на продажу. . . Так беги же туда, куда ты стремишься; вышедшей в свет тебе не будет возврата» [2, с. 190—191].

То, что литературный труд давал доход и служил источником существования, делая сочинителя профессионалом, можно судить и по переписке Плиния Младшего, племянника известного историка Плиния Старшего. Сам Плиний Младший достиг высокого положения на государственной службе, став близким лицом императора Траяна. Службу Плиний совмещал с литературными занятиями. Литературный труд служил для людей того круга, к которому принадлежал Плиний, лишь средством выражения мыслей и чувств и вместе с тем средством удовлетворения своего честолюбия и приобретения популярности.

Литературное наследство Плиния Младшего заключается в переписке с императором и друзьями. Из этой переписки мы узнаем, что автора занимают дела его друга, Аттилия Крескента, которому остался должен значительную сумму недавно скончавшийся Валерий Вар. Плиний просит друга оказать содействие в получении Аттилием долга у наследника Вара: «Ибо занятиям литературой, в которых Аттилий Крескент достиг выдающихся успехов, он посвящает себя только ради удовольствия и славы» [2, с.186]. Отсюда можно заключить, что другие писатели Рима могли заниматься литературным трудом не только ради удовольствия и славы, но и для заработка.

Врач Гален, современник Плиния Младшего, вообще долгое время не издавал своих сочинений и только изредка дарил их друзьям. Часть его сочинений была похищена рабами, а затем издана без разрешения автора [2]. Очевидно, рабы Галена и издатели, купившие его сочинения, знали об их истинной ценности.

О литературной жизни Древнего Рима, взаимоотношениях авторов, издателей и книготорговцев можно узнать также из эпиграмм Марциала. С 85 по 101 г. н. э. было издано 14 книг с его эпиграммами. Для издания книги автору необходимо было приобрести определенную известность, без которой он не мог рассчитывать на успех у читателей. Издатель должен был иметь гарантию, что продажа книги принесет прибыль. Книги Марциала стоили от 4 до 20 сестерциев: «Эти „гостинцы“, что здесь в этой маленькой собраны книжке, все за четыре купить можешь сестерция ты». Из эпиграмм Марциала

также можно понять, что и другие поэты торговали своими сочинениями. В своих книгах римские писатели и поэты обращались непосредственно к читателям. Покупатель, разворачивая свиток, сразу наталкивался на это обращение. Марциал, например, иронически намекал, чтобы читатель, не торгуясь, покупал его книги:

Право, насытиться мог ты, читатель, такой бесконечной Книжкой, а просишь еще несколько дистихов ты!

Но ведь и Луп⁴ свой процент, и харчей себе

требуют слуги,

Что же, читатель, плати! Или не слышишь?

Прощай.

[2, c. 194]

Между издателем и автором могло быть заключено соглашение об опубликовании книги, по которому определенный процент выручки оставался у книготорговца.

В Древнем Риме, кроме писателей и поэтов, получавших материальные средства за свой интеллектуальный труд, т. е. фактически бывших профессионалами, существовали также профессиональные актеры, художники и архитекторы. Никаких твердых гонораров не было, и выплата материальных средств могла быть прекращена в любое время хозяевами, которым служили люди искусств. Только в XV—XVII вв. в Европе появляются законы, охраняющие права творчества.

Тайна печатного станка

Привилегии в Средневековье. С X в. в Европе стали появляться гильдии (цехи), объединявшие ремесленников одной специальности. Это было вызвано стремлением к противодействию феодалам, потребностью в общих рынках, ростом конкуренции со стороны стекавшихся в города беглых крепостных. На первом этапе суровый надзор гильдии за работой отдельного мастера способствовал развитию ремесленной техники, но в дальнейшем мелочная опека стала сковывать производственную инициативу и препятствовать этому развитию.

Гильдии строго следили за тем, чтобы никто не опередил своих товарищей. Мысль, что изобретатель может

⁴ Луп — римский книготорговец.

и должен иметь особое право на свое изобретение, была чужда членам гильдий. Нередко использование нового изобретения просто запрещалось. Цехи стали тормозом для технического прогресса, требуя от всех членов соблюдения традиционных приемов и орудий производства. «Да будет известно, что к нам явился Вальтер Кезенгер, предложивший построить колесо для прядения и сучения шелка. Но, посоветовавшись и подумавши со своими друзьями... совет нашел, что многие в нашем городе, которые кормятся этим ремеслом, погибнут тогда. Поэтому было поставлено, что не надо строить и ставить колесо ни теперь, ни когда-либо впоследствии» (1412—1413 гг.) [4, с. 389].

Изобретателя заставляют покинуть город, так как его изобретение помешает «кормиться ремеслом», которое призвано обеспечить одинаковый доход всем цеховым производителям. «Уравниловка» проявляется здесь в неприкрытом виде, подавляя творческие порывы изобретателей и сдерживая дальнейшее развитие производительных сил оковами цеховых правил, которые впоследствии были разбиты становлением капиталистической мануфактуры.

Охрана прав изобретателей началась впервые в Венецианской республике. 19 марта 1474 г. там был принят закон о монопольном праве автора на использование своего изобретения в течение 10 лет.

С конца XV в. в странах Европы, особенно в Германии и Англии, возникло много процветающих металлургических производств. Король и курфюрсты поощряли создание рудников и фабрик, часто сами скупали всю продукцию и продавали ее купцам, за высокую плату давали также привилегии на создание новых промышленных заведений.

Олдермены лондонского Сити уже с 1357 г. начали выдавать привилегии составителям деловых бумаг, переписчикам рукописей и иллюстраторам, которые объединились в гильдию переписчиков и художников-иллюстраторов. Гильдия присвоила себе монопольное право на издание всех книг, выходящих в Лондоне.

Удовлетворение духовных потребностей людей Средневековья, выпуск книг, не соотносилось в их сознании с материальным производством. Доходы приносили сопутствующие книгам предприятия: бумажные, пергаментное и переплетное дело.

К началу XV в. сложилась заинтересованность ремес-

ленников в распространении наиболее насущных с их точки зрения книг именно с просветительской целью, а не для увеличения доходов. Требовалось значительное число экземпляров относительно небольшого подбора религиозно-просветительских текстов. Можно считать, что мысль об изобретении книгопечатания, «вторжении техники в область духа», носилась в воздухе.

Изобретение книгопечатания. Изобретение книгопечатания стало фундаментом, на котором возникло законодательство об охране интеллектуальной собственности: совокупность правовых норм, регулирующих отношения издателей, авторов и изобретателей с другими лицами. Судьба И. Гутенберга и его изобретения имеет характерные черты, повторяющиеся в той или иной степени в судьбах изобретений и их авторов вот уже более пяти столетий: сохранение тайны творчества, приобретение материальных средств для осуществления изобретения, защита от посягательств на приоритет, установление истинного авторства.

Рождественским утром 1438 г. открылись ворота монастыря св. Арбогаста близ города Страсбурга. Толпа прихожан расступилась, и небольшая похоронная процессия направилась к монастырскому кладбищу. Первым за гробом шел высокий человек с энергичным лицом, закутанный в плащ, в большой круглой шапке. Это был Иоханн Сулченох Генсфлейш по прозвищу Гутенберг.⁵ Он хоронил своего бывшего компаньона по «предприятию с искусством» Андреаса Дритцена. Более двух лет Андреас учился у Гутенберга ювелирному делу, но однажды случайно узнал, что его учитель занят какой-то тайной работой. После долгих просьб Гутенберг согласился взять Андреаса в компаньоны, но с условием, что он сохранит секрет и вложит в это «дело» все свои средства. Дело будто бы состояло в изготовлении зеркал для паломников. Был составлен письменный договор, и новый компаньон стал выполнять задания учителя. По условиям договора, Гутенберг не обязан был сообщать своим помощникам, какими еще «искусствами» он занят. Вскоре, однако, Дритцен узнал, что Гутенберг, кроме зеркал, занят еще чем-то, «что относится к печатанью». После его настоячивых просьб был составлен новый договор сроком

⁵ Отец И. Генсфлейша владел замком Гутенберг близ г. Майнца.

на 5 лет. Гутенберг вносил половину общего вклада, все его помощники и компаньоны — другую. Очевидно, только таким образом изобретатель мог иметь преимущественное право на свое дело.

По договору, в случае смерти кого-либо из компаньонов его наследники получали денежную компенсацию 100 гульденов, но секрет производства не должен был раскрываться. Оборудование и готовые изделия оставались собственностью подписавших договор. Никто из близких не знал, чем занимаются эти люди. После неожиданной смерти А. Дритцена его братья начали с Гутенбергом тяжбу о наследстве. Они требовали, чтобы мастер либо взял их вместо брата, либо вернул его денежный взнос. Так как Андреас был еще должен за обучение 85 гульденов, Гутенберг отдал братьям 15 гульденов, что и положило конец тяжбе. Но Гутенберг понял, что, если не ускорит работу по созданию печатного станка, его изобретение не сможет долго оставаться тайной.

В 1440 г. вышла первая, не сохранившаяся до нашего времени печатная книга, в которой Гутенберг объявил о своем изобретении.

В сентябре того же года при угрозе захвата монастыря Гутенберг выбыл в неизвестном направлении, захватив все оборудование типографии.

В 1444—1446 гг. в Авиньоне появился ювелир Прокоп Вальдфогель, который брал со своих учеников клятву полного сохранения тайны и обучал их «искусству искусственно писать». Чтобы его секреты все же не были открыты, учитель брал за обучение значительную сумму с условием, что ученики поселяются вместе с ним. С каждым учеником заключался отдельный договор, что он никого не будет обучать своему искусству, не будет разглашать, кто был его учителем. В то же время ученикам разрешалось использовать полученные знания в других городах.

В 1446 г. П. Вальдфогель бесследно исчезает из Авиньона, и в том же году И. Гутенберг становится жителем Майнца.

С ростовщиком И. Фустом, одним из богатейших граждан Майнца, Гутенберг заключает письменное соглашение о крупной ссуде под проценты. На полученные деньги он обзаводится небольшой типографией. Через два года, убедившись в недостаточности собственных средств, Гутенберг заключает с Фустом договор об общем деле. Фуст, уверившись в надежности и перспективности пред-

ложенного соглашения, с готовностью подписывает договор. В 1455 г. Фуст предъявил Гутенбергу судебный иск о взыскании долга в сумме более 2000 гульденов. Гутенберг, очевидно, не смог внести требуемую сумму и был исключен из числа компаньонов. Имея опыт в коммерческих сделках, И. Фуст воспользовался тем, что Гутенберг не закончил «дело книг» к сроку, указанному в договоре, и решил получить в собственность оборудование для печатания, избавившись от ненужного ему теперь изобретателя, и стать монополистом в печатном деле.

Менее чем через два года после суда в Майнце вышла в свет великолепная «Псалтырь» с двумя крупными шрифтами и двухцветными заглавными буквами. В конце книги значилось, что «настоящая книга псалмов, красотой инициалов украшенная и рубрикацией достаточно разделенная, при помощи искусного изобретения книгопечатания и набирания литер, без какого-либо применения канала⁶ так изображена и ко славе Божьей совершена умением майнцкого гражданина Иоханна Фуста и Петра Шеффера⁷ из Гернсхейма в год 1457 в канун Успения» [5].

После смерти И. Фуста типография перешла к ставшему его зятем Шефферу и просуществовала почти столетие. Этим двум людям с конца XV в. и приписывалось изобретение книгопечатания.

Но И. Фусту не удалось, несмотря на выигранный судебный процесс, стать полным владельцем изобретения. Гутенбергу по решению суда осталась та часть типографского имущества, которая была создана раньше, чем он взял ссуду. Кроме того, многим людям уже было известно имя Гутенберга по книгам, изданным в 1440 г.

Французский король Карл VII ордонансом 1458 г. направил ювелира Н. Жансона в Майнц к «мессире Жану Гутенбергу» выведать секреты книгопечатания. Это, по-видимому, был первый случай промышленного шпионажа. В дальнейшем Жансон во Францию не вернулся, а сам стал печатником в Венеции. И все же известны французские притязания на приоритет Н. Жансона в изобретении книгопечатания [5].

⁶ Палочка для письма.

⁷ Ученик Гутенберга, обученный им работе на печатном станке.

В 1461—1463 гг. Гутенберг считался первым печатником Майнца и в конце жизни стал придворным архиепископа Адольфа Нассау.

После смерти Гутенберга в Страсбурге также объявился претендент на изобретение книгопечатания, И. Ментелин, ставший основателем типографской фирмы Шоттов.

Официальное признание как изобретатель И. Гутенберг получил только через 300 лет после опубликования исследования профессора Геттингенского университета Д. Келлера «Высокозаслуженное и подлинными актами подтвержденное спасение чести И. Гутенберга». Интересно отметить, что голландский ученый XIX в. А. ван дер Линде, пытавшийся доказать приоритет своей страны в изобретении книгопечатания, установил бесспорное авторство Гутенберга, за что был лишен голландского гражданства.

Издательское право получает «права гражданства»

Теперь, после изобретения книгопечатания возникают предпосылки появления прав издателей как охрана их имущественных интересов, защита их от контрафакции.⁸ О защите прав авторов книг, печатавшихся издателями, никто и не помышлял, даже сами авторы.

Первые привилегии по защите издательского дела были выданы в 1491 г. в Венеции владельцам типографий Ратдольфу и А. Мануцию. Авторы же существовали за счет собственных доходов, либо за счет средств, получаемых от основной профессии, либо на пенсии и другие проявления милости власть имущих.

Но и в то, уже далекое время не все издатели брались за типографское дело с целью обогащения. В средние века социальные преобразования общества связывались с идеей реформации церкви. Не все издаваемые книги проповедовали господствующую идеологию, на что указывает появление законов о цензуре. В 1479 г. Кельнский уни-

⁸ В «Положении о правах сочинителей, переводчиков и издателей» от 8 января 1830 г., принятом в России, дается следующее определение: «Никто, кроме законного обладателя права, не смеет издавать его сочинения, хотя бы то было с переводом на другой язык или с присовокуплением иного заглавия, предисловия, замечаний и тому подобного, каковой поступок называется контрафакцией» (Полн. собр. законов Российской империи : Собр. 2. Т. 5. 1830. Отд-ние 1. СПб., 1831. С. 17).

верситет получил привилегию от папы Сикста IV на цензуру религиозных печатных книг. Первым результатом действия цензуры было запрещение продажи двух изданий анонимной немецкой Библии. В 1485 г. в г. Майнце архиепископом Бертольд фон Хеннебергом была учреждена цензурная комиссия с целью пропуска печатных изданий для продажи на франкфуртской ярмарке.

После изобретения книгопечатания крупные типографские центры появляются в Германии, Швейцарии, Италии. Печатная книга быстро стала более чем в 10 раз дешевле рукописной. Только консервативные англичане неохотно заводили типографии. В последней четверти XV в. в Англии действовали лишь три типографии, в то время как в Венеции их было более 50.

В 1484 г. Ричард III издал указ, по которому иностранные типографы получали от короля привилегии и патенты на монопольное издание книг определенной тематики. Первая привилегия на исключительное право издания таких книг была дана Р. Пайнсону в 1518 г. сроком на два года.

В 1529 г. был опубликован список запрещенных книг, а через 4 года Генрих VIII после разрыва с папой запретил ввоз книг в Англию без особой на то его лицензии. Еще через 5 лет был принят закон о цензуре.

В 1546 г. вышел королевский указ, по которому любое произведение, напечатанное на территории Англии, должно было быть снабжено сведениями об именах автора и типографа, иметь дату публикации. Первый экземпляр в обязательном порядке должен был поступать к мэру города для просмотра, а весь выпуск храниться не менее двух дней после поступления первого экземпляра на просмотр. Тираж книг почти никогда не указывался.

Английские типографы и книготорговцы, не имевшие королевских привилегий, искали выход в получении каких-либо долгосрочных гарантий от государства по защите их экономических и юридических интересов. 4 мая 1557 г. Мария Тюдор пожаловала королевскую хартию на создание лондонской ливрейной гильдии⁹ 33 владельцам типографий и 64 книготорговцам. Гильдия получила монополь-

⁹ Право ношения ливреи определенного цвета давалось наиболее влиятельным членам привилегированных гильдий и символизировало обладание соответствующими привилегиями. Члены гильдии печатников и книготорговцев носили красно-коричнево-голубые ливреи.

ное право на печатание книг в Лондоне, Кембридже и Оксфорде и распространение их по всей Англии.

Одним из старшин гильдии был выбран Джон Дей, которого католичка Мария Тюдор посадила в Тауэр за печатание реформатских книг. Из тюрьмы Дею удалось пробраться в Германию. Тем не менее его имя было упомянуто в списке владельцев типографий, получивших королевскую хартию, и он смог возвратиться в Англию, где вскоре стал самым богатым печатником страны. В 1560 г. Дей первым получил пожизненную привилегию на монопольное издание азбуки и катехизиса, затем У. Северес — на печатание псалтырей и проповедей. Любая рукопись до печатания должна была получить одобрение руководства гильдии. Нарушители этой традиции подвергались штрафам. Старшины гильдии обладали также правом производить обыск любой типографии или книжной лавки для выявления запрещенных или нелегально напечатанных книг, которые конфисковывались. Велся реестр гильдии, где регистрировалась каждая рукопись, получившая разрешение на издание. Запись в реестре играла роль расписки в получении гильдией денег от издателя, юридически разрешала издателю печатать данную книгу и фиксировала монопольное право издателя на пользование рукописью.

Большинство книг издавалось по внешним и внутренним лицензиям. Внутренние лицензии выдавались руководством гильдии на издания, не касавшиеся церковных и государственных интересов. Внешние лицензии выдавались правительственными органами. Издатели, получив лицензию, часто печатали на титульных листах своих книг формулу: «Выпущено и разрешено к продаже согласно предписаниям его величества», а позднее — «Просмотрено и разрешено».

Печатники, имевшие королевские патенты и привилегии, не были обязаны вступать в гильдию и печатали книги без всякого разрешения со стороны ее руководства. Вместе с тем члены других гильдий, имевшие права на печатание, охотно регистрировали свои издания в реестре гильдии печатников и книготорговцев, чтобы закрепить свое право на рукопись.

В 1533 г. было официально зарегистрировано первое нарушение издательских прав, когда Уинкин де Уорд обнаружил, что его монополия на издание «Синтаксис» была нарушена типографом Питером Треверисом. В 80-е гг.

XVI в. целая группа книгопечатников, не имевших патентов, отказалась подчиняться установлению какой-либо монополии в книгоиздательском деле. Возглавляли эту группу Джон Вульф и Роджер Уорд.

Джон Вульф, выучившись типографскому делу у Джона Дея, несколько лет провел в Италии, затем возвратился на родину и завел собственное дело. В первые годы своей деятельности он регистрировал намечаемые к изданию книги как полноправный член гильдии. Постепенно все больше изданий Вульфа стало печататься нелегально, без всякой регистрации и продавалось по всей стране. Иногда для маскировки на титульном листе указывалось имя патентовладельца, печатался его девиз или эмблема. Вульф привлек к своей деятельности многих бедных издателей, не имевших патентов, обосновав неподчинение указам гильдии тремя причинами: необходимостью иметь твердый заработок, чтобы не умереть с голоду, правом каждого свободного гражданина лондонского Сити заниматься своим ремеслом,¹⁰ отсутствием у короля прав на раздачу привилегий.

Вульфом и его друзьями занялся сам всемогущий глава королевской секретной службы сэр Фрэнсис Уолсингем. По его указанию власти решили переманить Вульфа на свою сторону. После смерти Джона Дея Вульфу спешно выдали патент на издание азбуки и катехизиса, принадлежавший Дею. Мятежный издатель полностью устранился от дальнейшей защиты прав бедных членов гильдии и в конце жизни даже стал сыскным агентом гильдии по выявлению незаконных изданий своих бывших товарищей.

Роджер Уорд начал свою деятельность как издатель пуританской литературы, не обладавший патентом. Уорда неоднократно сажали в тюрьму, уничтожали оборудование типографии, но он до самой смерти так и не подчинился официальным правилам гильдии.

Издатели, авторы и «пираты»

Отношения издателей и авторов. Рукописи, попадавшие в руки издателей, печатались с молчаливого согласия

¹⁰ Свободный гражданин (фримен) самоуправляющегося центра Лондона — Сити имел привилегию на ремесла или торговлю определенным товаром внутри стен Лондона и освобождался от пошлин при торговле по всей стране.

авторов. Никаких гонораров не выплачивалось. Автор мог получить вместо гонорара денежную сумму в подарок от своего покровителя, которому посвящалось издаваемое произведение. Авторы, имевшие собственные средства, иногда сами субсидировали расходы на издание и получали определенную долю прибыли от продажи книг.

Практически все крупные писатели и поэты стремились попасть в высшие круги английского общества, что исключало для них возможность получать какие-либо выплаты от книгопечатников и книготорговцев, стоявших значительно ниже на общественной лестнице. Поэтому такие авторы формально возражали против публикации своих произведений, стремясь отделиться от бедных литераторов. Издатели обычно не обращали внимания на их протесты.

Советский исследователь К. М. Сухоруков на основе изучения большого числа трудов английских ученых воссоздал картину взаимоотношений великого английского поэта и драматурга Вильяма Шекспира с издателями его произведений [6]. Такие отношения были типичны для Англии XVI—XVII вв. до принятия закона об авторском праве 1710 г.

Шекспир против Шекспира. Первые поэмы В. Шекспира «Венера и Адонис» и «Лукреция» появились в печати в 1593—1594 гг. Издал их с подлинных рукописей автора его приятель Ричард Филд. За эти издания, пользовавшиеся среди публики большим успехом, Шекспир не получил гонорара.

В этот период Шекспир со своей труппой начал выступать при дворе королевы Елизаветы, и для него невозможно было иметь коммерческие дела с издателями, заводить споры и судебные разбирательства. Драматург не занимался публикацией своих пьес, предоставив инициативу актерам своей труппы, неоднократно пресекавшим попытки издания той или иной пьесы Шекспира. Актеры были чрезвычайно заинтересованы в сохранении монополии на текст пьес, тогда как их публикация дала бы возможность другим труппам ставить эти пьесы в своих театрах. Издатели предпринимали самые невероятные ухищрения, чтобы любым путем получить текст шекспировских пьес для выпуска шестипенсовых книжек форматом кварто, приносящих большую прибыль. Нередко в труппе Шекспира подкупали второстепенного актера, временно занятого в эпизодической роли, чтобы он по

памяти восстановил весь текст пьесы, которая затем нелегально издавалась, часто с грубыми ошибками и пропусками. Нанимаемые издателем профессионалы-писцы во время представления вели стенографические записи пьес, что также приводило к большим искажениям текста. Были случаи, когда сама труппа ввиду невозможности предотвратить выпуск первого издания пьесы соглашалась предоставить издателю подлинный текст для ее повторного издания с пометкой «исправлено», «отредактировано заново».

В 1599 г. вышло нелегальное издание произведений Шекспира «Страстный пилигрим», выпущенное типографом без патента Уильямом Джаггардом. Это издание, принесшее Шекспиру всеобщее признание, включало 21 произведение, приписанное издателем одному автору. Фактически часть произведений принадлежала перу неизвестных авторов, подражателей Шекспира, другие были написаны К. Марло, Б. Грифффином, Р. Барнфилдом. Перед сдачей в набор «Страстного пилигрима» Джаггард предложил У. Лику, владельцу издательского права на шекспировскую поэму «Венера и Адонис», принять участие в распространении новой книги. Лик был известен как торговец шекспировскими изданиями и представлял живую гарантию подлинности нелегально выпущенной книги. Третье издание «Страстного пилигрима», переработанное и расширенное, привело Джаггарда к крупным неприятностям. Джаггард увеличил объем издания, приписав Шекспиру авторство текстов, взятых из поэмы Хейвуда «Троя Британики». Хейвуд, будучи давним клиентом Джаггарда, отказался давать ему свои рукописи, считая, что теперь многие читатели будут думать, что все его ранее напечатанные произведения также являются произведениями Шекспира. Кроме того, на это издание имеется единственный зафиксированный протест самого Шекспира (1612 г.) по поводу использования издателем его имени для книги, не принадлежавшей его перу, что могло навлечь на него подозрения в плагиате.

В 1609 г. лорд-гофмейстер, ведавший разрешением на постановку пьес, запретил публикацию новых пьес Шекспира, чтобы прекратить их издание без согласования с шекспировской труппой. В начале 1619 г. Джаггард без разрешения издал 9 книжек кварто с десятью пьесами Шекспира (две из них были приписаны Шекспиру). На

5 книжках стояли фальшивые даты — 1600 и 1608 гг. — когда не было запрещения публикации пьес. Узнав о предполагаемом издании, лорд-гофмейстер запретил его печатать, но большинство экземпляров тиража уже находилось для распродажи у компаньонов издателя, а остальная часть была вывезена за пределы Лондона.

Через несколько лет Джаггард с сыном предприняли легальное издание третьего полного сборника пьес Шекспира (18 пьес), занеся его в реестр гильдии. Для привлечения капиталов и организации продажи в дело были приняты еще несколько издателей, имевших издательское право на ряд новых пьес Шекспира.

Издатель Т. Торп приобрел известность, напечатав первым «Сонеты» Шекспира. В 1609 г. Торпу удалось раздобыть рукописи сонетов, которые многие годы были знакомы лишь близким поэта. Первое издание «Сонетов», которое напечатал для Торпа типограф Д. Элд, появилось в двух вариантах: с надписями «продаются У. Аспли», «продаются Д. Райтом».

Статут королевы Анны. С начала XVII в. все наиболее прибыльные по тематике категории изданий оказались закрепленными, на основании королевских патентов, за узкой группой влиятельных печатников. Эти права в случае смерти издателя переходили к его наследникам, что вызывало недовольство основной массы членов гильдии. Руководству гильдии пришлось принять меры, несколько ограничивающие исключительные права на издание и продажу самой доходной литературы. Тиражи таких изданий были установлены в количестве 1500 экземпляров, после чего набор должен был быть рассыпан. В случае отказа печатника переиздать рукопись гильдия получила право через шесть месяцев после соответствующего предупреждения получить эту рукопись в общую собственность для издания в пользу «неимущих братьев и подмастерьев».

Для умиротворения недовольных и привлечения дополнительных капиталов большое распространение приобрела практика дележа патентовладельцами своего монопольного права с рядом правопреемников, что поощрялось руководством гильдии. Кроме того, с целью сохранения высоких прибылей наиболее влиятельные члены гильдии ввели своеобразную коллективную монополию на литературу, пользовавшуюся наибольшим спросом, — акционерное общество по изданию и распространению

книг. Патенты, которыми обладали члены гильдии, поступали в коллективное пользование общества. Все его члены объединили свои капиталы, избрали пайщиков и казначея и стали активно скупать патенты, нередко прибегая к помощи судебных властей. Через десять лет после формирования число акционеров превысило сотню, и Яков I даровал обществу королевский патент на исключительное право публикации самых ходовых изданий, закрепив за ним правительственное признание. Акционеры были разделены на три группы в соответствии с их положением в гильдии. Этим определялась и стоимость акций, которыми владел каждый. 2,5 % годовой прибыли общества поступали в пользу бедных членов гильдии.

К началу XVII в. в Лондоне было сконцентрировано 90 % объема производства и торговли книгами.

11 января 1709 г. в палате общин под давлением лондонских книготорговцев был заслушан проект закона «О поощрении образования путем закрепления за авторами или приобретателями копий печатных книг прав на последние на время, устанавливаемое отныне». 10 апреля 1710 г. проект получил силу закона, известного под названием «статут королевы Анны».

В соответствии с этим законом, охранявшим только книги, право на издание закреплялось на 21 год за владельцем рукописи, уже опубликованной к моменту принятия закона, независимо от того, является владельцем автор или издатель. Авторы новых произведений получили право продавать свои произведения на 14-летний срок после регистрации в реестре гильдии. После 14 лет право на издание возвращалось к автору, если он был еще жив, и он мог снова продать рукопись в аренду еще на 14 лет. Автор мог также разрешить лишь одно издание и в случае его успеха повысить цену аренды, обеспечивая себе часть прибыли, ранее целиком достававшуюся издателю.

С принятием этого закона потеряла свое значение запись в реестре гильдии, прежде закреплявшая издательское право на рукопись. Издатель теперь мог заключить с автором долгосрочный контракт на еще не написанные произведения, и это соглашение имело бóльшую силу, чем уведомление в реестре. Гильдия печатников и книготорговцев превратилась в своего рода книжный клуб, членство в котором и до настоящего времени остается почетным, но не приносящим особых выгод. Ликвидация преимуществ членов гильдии привела к быстрому

росту числа издателей и бурному развитию журналистики, поскольку право издавать газеты и журналы не было ограничено законом.

Первое в истории авторского права соглашение о выплате издателем гонорара литератору, подтверждающее право автора получать деньги за свой интеллектуальный труд, было заключено между С. Симмонсом и поэтом Джоном Мильтоном в 1667 г.

Из германских государств Саксония первой в 1694 г. приняла закон о защите авторских прав, и первым профессиональным литератором Германии стал великий немецкий мыслитель, литературный критик и писатель Г. Э. Лессинг.

Во Франции Людовик XVI издал в 1777 г. 6 ордонансов, признавших за авторами права на публикацию и продажу своих произведений. До этого времени авторы существовали лишь на пенсии и проявления милости со стороны богатых меценатов. Драматургу П. Корнелю, хотя и была назначена пожизненная пенсия в 2000 ливров, но из-за неаккуратных выплат королевской казны этот известный всей Франции человек находился на грани нищеты. Такие же пенсии получали поэты Н. Буало и Ж. Расин. Писатель Жан де Лафонтен существовал на милости меценатов, пока не перешел на содержание к г-же Сабльер. В период Великой французской революции Учредительное собрание отменило все привилегии частных лиц, в том числе авторов и издателей. Позднее декретами 1791 и 1793 гг. было установлено право на использование произведения и исключительное право автора на воспроизведение своего литературного труда. В эти же годы появились первые федеральные законы Североамериканских Соединенных Штатов на охрану книг, карт, спектаклей и других форм творчества.

Глава II

Авторское право в России

Печатник Иван Федоров. Первые типографы и издатели

Иван IV любил печатные книги, предпочитая их рукописным, собирал их, посылая своих людей в другие страны. На организацию и строительство государственной типографии в Москве царь отпустил в 1553 г. большие средства. Митрополит Макарий одобрил это начинание. Руководил стройкой дьякон Иван Федоров, он отливал и литеры.

В 1564 г. появился первопечатный «Апостол» как завершение трудов И. Федорова по изобретению русского книгопечатания. «Благоверный же царь повеле устроити дом от своея царския казны, идеже печатному делу строится, и нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем, Николю чюд. Гостунского диакону Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу, на составление печатному делу и к их успокоению, дондеже и на совершение дело их изыде», — говорится в Послеловии к «Апостолу» [1, с. 244]. В октябре 1565 г. за два месяца была напечатана вторая книга — «Часовник», сборник молитв.

Изгнанный завистниками из Москвы, Иван Федоров нашел приют у гетмана Ходкевича в белорусском местечке Заблудово. Там, в 1569—1570 гг. он напечатал две книги. Ходкевич состарился и предложил Ивану Федорову закрыть типографию и остаться у него арендатором небольшого земельного надела. И. Федоров отказался, он хотел «рассеять духовные семена во Вселенной» и переехал с семьей во Львов. Здесь с большими трудностями, взяв у ростовщиков деньги под проценты, он открывает типографию. В 1573 г. Федоров приступил к созданию первой печатной украинской книги — «Апостола» и напечатал ее в следующем году. Ростовщики потребовали срочной уплаты долга, и И. Федорову пришлось отдать все оборудование типографии и напечатанные книги. По предложению богатейшего украинского магната, князя Острожского И. Федоров переезжает в г. Острог, оборудует

там типографию и печатает Библию, вышедшую двумя изданиями в 1580 и 1581 гг. Затем И. Федоров опять переезжает во Львов, и здесь его настигает иск князя Острожского о выплате большой суммы долга. Львовский суд постановляет наложить арест на имущество семьи Федорова. Преследования подкосили здоровье первопечатника и в декабре 1583 г. он скончался.

Печальное сходство отмечает трагическую судьбу немецкого и русского первопечатников. Отдав все свои силы просвещению соотечественников, открыв в культурной жизни человечества новую эру — книгопечатание, И. Гутенберг и И. Федоров ушли из жизни под бременем долгов и невзгод.

С конца XVI в. на Руси появляются странствующие типографы-издатели. Останавливаясь со своим оборудованием при монастырях, они на средства местных помещиков издавали книги религиозного и светского содержания. Самыми известными странствующими книгопечатниками конца XVI—начала XVII в. были Иван Вышенский и Павел Домжив-Люткович [2].

Книгопечатание в России находилось в ведении патриарха, и духовная власть осуществляла строгую цензуру. Например, Устав церковный (1610 г.) или Кормчую (1650 г.) пришлось перепечатывать. В 1673 г. московская цензура наложила запрет на продажу 14 книг киевской печати, присланных на продажу. Позднее недоверие к киевским, белорусским, литовским изданиям перешло в открытое гонение.

С 1678 г. в Кремле, в верхних покоях царского дворца, была оборудована постоянно действующая типография.

Только в царствование Петра I появились люди, занимавшиеся регулярным литературным трудом, — переводчики западноевропейских книг. Жили они на средства, доставляемые государевой службой в приказах, преподаванием в Московской и Киевской духовных академиях. Царь сам выбирал и назначал переводчиков, издавал указы о переводах, иногда сам исправлял их, требуя, чтобы переводчики писали простым слогом.

Голландцу Тессингу и поляку Копиевскому Петр дал привилегию (1698 г.) печатать для России книги, карты и чертежи. Они основали в Москве гражданскую типографию, находившуюся в Китай-городе у Спасского моста. Там была издана «Арифметика» Леонтия Теляшина.

За обширные знания точных наук царь дал ему прозвище-фамилию Магницкий. Сохранилась «выпись» Оружейной палаты 1701 г.: «Февраля в 1 день взят в ведомость Оружейной палаты ошашковец Леонтий Магницкий, которому велено ради народная пользы издать через труд свой словенским диалектом книгу арифметику» [3, с. 56]. «Арифметика» была напечатана тиражом 2400 экз. в очень короткий срок — 11 месяцев. В награду автор получил 49 рублей 31 алтын 4 деньги из расчета 5 алтын за день.

Через несколько лет Копиевский поссорился с Тесингом и получил отдельную привилегию на печатание книг для России.

В 1717 г. Петр I заключил договор с типографом Д. Леейвенем об издании Ветхого и Нового завета на голландском языке, на половине страниц. Через 4 года на чистых половинах страниц был напечатан славянский текст.

В этот период появляются издатели-профессионалы, арендующие государственные типографии, так как частных издательств в России в то время не было. Издатели вкладывали собственные средства, привлекали авторов и технических работников, осуществляли сбыт напечатанных изданий. Низкий покупательский спрос населения и медленная реализация книг часто приводили издателей на грань разорения. Им приходилось расплачиваться с авторами и персоналом типографий изданными книгами. Существовала также система бесплатных раздач книг, что еще более затрудняло получение доходов от их издания. Кроме того, издателям приходилось бороться с нередкими случаями контрафакции и кражи книг.

Начиная с Ивана Федорова, почти все издатели XVI—XVIII вв. изображали типографские знаки, по которым можно было установить имя издателя данной книги. Для затруднения подделок типографские знаки в книгах одного издателя размещались в разных местах: на обороте переплета, в нижней части рамки титульного листа и т. д.

Арендатор Московского печатного двора В. Киприанов предложил «все типографского дому печатные книги, листы, указы и картины клеймить особливим клеймом, которое определено будет» [3, с. 93]. Такая мера, по мнению издателей, могла бы помочь оградить их право на получение прибыли от реализации продукции.

В настоящее время издательские и типографские марки

являются одним из важных внешних признаков возникшей в XVIII в. профессионализации труда издателей.

Издатели помечали каждый экземпляр книги собственной издательской маркой или личной подписью. Притязания на защиту своих изданий первой в России предъявляет Петербургская Академия наук. С 70-х гг. XVIII в. «все выходящие из печати при императорской Академии наук книги, календари, ландкарты и купферштихи будут иметь академическое особое здесь припечатанное клеймо на заглавном листе; а которые найдутся без клейма, те за похищенные признаны будут» [4, с. 58]. Клеймо представляло собой овал красного цвета с изображением совы, а позднее и ключа.

Практика клеймения выпускаемых книг не могла, конечно, сыграть большую роль в охране издательского права, и уже в конце XVIII в. от нее отказываются.

Надо ли оплачивать литературный труд?

Русские литераторы XVI—XVIII вв. были в основном священнослужителями: наставник царевича Федора С. Полоцкий, местоблюститель патриаршего престола С. Яворский, епископ псковский Ф. Прокопович, митрополит ростовский Дмитрий, протопоп Аввакум (бывший «справщик» богослужебных книг при Московской типографии, виднейший писатель раскола).

Первыми светскими писателями в России можно считать Н. Посошкова, В. Н. Татищева и А. Кантемира.

Свою книгу «О скудости и богатстве» Посошков преподнес Петру I с просьбой, чтобы его имя осталось неизвестным «любителям неправды». Его опасения были не напрасны. После смерти Петра Посошков был посажен в Петропавловскую крепость, где и умер.

В. Н. Татищев, автор пятитомной «Истории Российской с самых древнейших времен . . .», а также нескольких книг нравственно-религиозного содержания, занимал важные государственные посты и имел значительные средства, которые тратил на издание своих книг.

Князь А. Кантемир начал писать с 1727 г., когда служил гвардейским офицером. Богатое наследство отца, молдавского господаря, досталось его старшему брату. При Анне Иоанновне Кантемир стал русским послом в

Лондоне. Живя на служебное жалованье, он занимался литературой: переводами, сочинением сатир, песен, басен. Кантемиру приходят мысли о том, что интеллектуальный труд, так же как и всякий другой, заслуживает должной оценки и вознаграждения. Вот что он писал в своей 1-й сатире:

Но поставим, что твои заслуги и нравы
Достойным являют тя лучшей мзды и славы;
Те, кои оной тебя неправо лишают,
Жалки, что пользу свою в тебе презирают.

Автор сатиры убежден, что он должен иметь право на достойную его творчества моральную и материальную оценку.

Трудным было положение поэта, писателя и переводчика В. К. Тредиаковского. Много вытерпел он как «придворный пиит», обязанный сочинять стихи на дворцовые торжества, не раз бивал его за неприготовленные к сроку стихи кабинет-министр А. Волынский. Еще Петр I называл В. Тредиаковского «великим тружеником». Занимаясь литературным трудом, Тредиаковский официальных должностей не имел и существовал на средства, предоставляемые влиятельными покровителями, в частности князем А. Б. Куракиным.

Для истории литературного гонорара и профессионализации труда писателя представляет интерес договор В. Тредиаковского с Петербургской Академией наук.

«Обязательства»

1. Помянутый Тредиаковский обязуется чинить по всей своей возможности все то, в чем состоит интерес ее императорского величества и честь Академии <...>.

5. Переводить с французского на русский все, что ему дается; за сие будет он иметь годового жалования 360 рублей, включая в них свечи, дрова и квартиру с титулом секретаря. Сие жалование начнется 1-го сентября и будет ему даваться из ларца Академии наук как и прочим, которые от нее зависят» [5, с. 150—151].

До этого Тредиаковский и другие переводчики получали в виде вознаграждения за труд лишь по несколько экземпляров книг, которые они продавали на рынке. В то же время придворные переводчики, особенно иностранцы (например, Арндт, переводивший на немецкий язык комедии Екатерины II), получали значительное денежное вознаграждение.

К концу XVIII в. группа писателей впервые пытается объединиться по профессиональному признаку. И. Ф. Богданович предлагает проект «К заведению и установлению общества российских писателей». Однако попытка эта не удалась.

А. Т. Болотов, автор знаменитых «Записок», считал себя профессиональным писателем и поссорился с экономическим обществом, когда ему вместо гонорара прислали серебряную медаль. Его книга «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков» построена на документальном материале.

Известный русский драматург Д. И. Фонвизин занимал видное положение в петербургском обществе и пользовался славой как автор и превосходный чтец своих комедий. Средства к существованию доставляли ему служба в Коллегии иностранных дел и доходы от имения.

А. И. Герцен в своих записках о княгине Е. Р. Дашковой писал: «Вдова Княжнина просила Дашкову издать в пользу детей его последнюю трагедию ее мужа за счет Академии. Сюжет был взят из истории покорения Новгорода. Княгиня велела ее напечатать. Фельдмаршал Салтыков, которого, говорит Дашкова, „нельзя было обвинить, чтоб он когда-либо прочел какую-нибудь книгу“, прочел именно эту книгу и натолковал Зубову о ее вредном направлении, Зубов сказал императрице. На другой день петербургский полицмейстер приехал в библиотеку Академии отбирать экземпляры зажигательной трагедии якобинца Княжнина; а вечером сам генерал-прокурор Самойлов приехал к Дашковой объявить о неудовольствии императрицы за издание в свет опасной пьесы. Дашкова холодно отвечала ему, что, верно, никто не читал эту трагедию и что она, без сомнения, меньше вредна, чем французские пьесы, которые дают в Эрмитаже.

Экс-либеральная Екатерина встретила Дашкову с нахмуренным лицом.

— Что я такое сделала, — спросила она ее, — что вы печатаете против меня и моей власти такие опасные книги?

— И Ваше величество в самом деле это думает? — спросила Дашкова.

— Трагедию следовало бы сжечь рукою палача» [6, с. 245].

В обществе, где даже звание писателя считалось

постыдным, «надобно было иметь немалую долю решимости, чтобы стать типографщиком и книжным торговцем и видеть в этих занятиях свое патриотическое призвание...». Так сказано в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона о Н. И. Новикове. В 1767 г. гвардейский офицер Н. И. Новиков был назначен для ведения протоколов в Комиссию по сочинению проекта нового Уложения. В течение двух лет, присутствуя на заседаниях комиссии, Новиков познакомился с состоянием дел русского государства, с потребностями и проблемами всех слоев общества. После окончания работы комиссии Новиков вышел в отставку и на собственные средства начал издавать в Петербурге сатирические журналы и книги. Через 10 лет он переехал в Москву, подальше от внимания императрицы. В Москве Новиков арендовал типографию Московского университета и принадлежавшую университету газету «Московские ведомости» и совместно с друзьями открыл «Типографическую компанию». Компаньоны на личные средства приобрели несколько типографий и впервые в России организовали регулярную книжную торговлю в различных городах. При Московском университете компания устроила переводческую семинарию, в которой содержала на свой счет неимущих студентов, поручая им переводы издаваемых книг.

Екатерина II заподозрила Новикова в замыслах, враждебных самодержавию, и приказала осмотреть все книги в лавках и типографиях компании. Сотни книг были конфискованы и сожжены.

В апреле 1792 г. начались повальные обыски в книжных лавках. Больного Новикова привезли на допрос к начальнику тайной канцелярии Шешковскому. Следствие длилось два с половиной месяца. Новикова признали виновным в издании «развращенных и противных закону православному книг» и приговорили к 15-летнему заключению. Его московский дом, типографии и книги были конфискованы. Четыре с половиной года провел Новиков в Шлиссельбургской крепости. По указу Павла I он был освобожден и до самой смерти в 1814 г. прожил в нужде и болезнях в своем подмосковном имении.

Государственная монополия на книжное дело, введенная в царствование Ивана IV, сохранялась до середины царствования Екатерины II. Возникновение частного издательства было санкционировано правительственным указом 1783 г. о позволении «каждому по своей собственной

воле заводить оные типографии»; характерно, что указом повелевалось «типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий». Екатерина в то время увлекалась писанием нравоучительных повестей и пьес и хотела прослыть просвещенной государыней. Поэтому она не только разрешила «вольные» типографии, но и дала им привилегии на издание книг.

В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится редкий юридический документ, зафиксировавший акт передачи прав на издание книги [7]. Речь идет о переводе книги Ж. Д. де Лагарпа «Слово похвальное Фенелону», сделанном П. Кильдюшевским: «1791 года нижеподписавшийся сим уступил Санкт-Петербургскому купцу Василию Сопикову совершенное право собственности на подлинник сей рукописи. . . с тем, чтобы по силе оного права волен он, Сопиков, сию книгу печатать или продать, как ему угодно. Я же, Кильдюшевский, напротив, как сам не должен печатать, так и никому другому позволения на то не давать, ибо оная книга принадлежит единственному означенному Сопикову» [8, с. 29].

А. Н. Радищев для напечатания своей знаменитой книги «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.), воспользовавшись указом 1783 г., с помощью И. Мейснера приобрел в долг печатный станок и шрифты у издателя Шнора и напечатал ее без указания имени автора [9]. Мейснер лично отнес книгу в Управу благочиния для получения разрешения на публикацию. Обер-полицмейстер Н. Рылеев разрешение подписал. В нарушение указа Управы благочиния от 1790 г., обязывавшего публиковать в печати сообщения о каждой вновь изданной книге, объявления о продаже «Путешествия» не было сделано.

Издатель и книготорговец Шнор, решив, что продажа книги Радищева принесет ему прибыль, попросил у него в счет долга до сотни экземпляров. Книготорговец Зотов продал все имевшиеся у него экземпляры с большим барышом и явился за новыми. Полиция, получившая приказ отыскать автора «Путешествия», сначала обнаружила Зотова, от него узнала о Шноре, который и назвал имя Радищева. Следствие, проведенное Тайной экспедицией, установило, что после цензуры в Управе благочиния Радищев внес много изменений в свое произведение.

Книга была прочитана членам Палаты уголовного суда Санкт-Петербургской губернии. Приговор А. Н. Радищеву гласил: «Лиша чинов и дворянства. . . казнить смертию,

а показанные сочинения его книги, сколь оных отобрано будет, истребить». Императрица заменила автору «Путешествия» смертную казнь ссылкой в Сибирь на 10 лет.

Знаменитый русский поэт Г. Р. Державин вторую половину жизни занимался только литературным трудом. Но так как этот труд никаким образом не вознаграждался, поэт смотрел на свои сочинения только как на забаву:

Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Фелица

Державин не ощущал общественной значимости своего творчества. Это вполне объяснимо, если вспомнить, что людей, избравших литературу своей профессией, в высшем обществе сторонились. Считалось, что дворянину полагается жить лишь на доходы от своих владений или в крайнем случае на жалованье за службу. «Баловаться сочинительством», бумагомараньем можно, но получать вознаграждение за литературный труд стыдно.

Недооценку значения поэтического творчества Державин проявлял неоднократно:

Хранящий муж честные нравы,
Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносят больше славы,
Чем всех пиитов похвала.

Видение мурзы

Взял я лиру и запел, —
Струны правду зазвучали;
Кто внимать мне захотел?
Лишь красавицы внимали.
Я доволен, света бог!
Даром сим твоим небесным.
Я богатым быть не мог,
Но я мил женам прелестным.

Дар

В то же время Г. Р. Державин понимал, что результаты писательского труда — это интеллектуальная собственность автора. В «Рассуждении о лирической поэзии, или об оде» поэт писал: «. . у всякого гения есть своя собственность, или печать его дара, которым он от других отличается. А Мишель Анжело узнал по одной черте кисть Рафаэля. Таким образом распознаются зодчие и ваятели

по их характерам, привычкам и вкусам, — то для чего бы, кажется, не различить и не распределить и лирических поэм по именам их славных мастеров, не о их содержаниях или не ограничивая их, о чем бы они ни были?».

Драматург В. А. Озеров уже заключает договор, хотя и неофициальный, потому что его пьесы приносят доход. Озеров пишет А. Н. Оленину (29 X 1808 г.): «Захотите ли дружески меня одолжить и принять на себя договор с его высокопревосходительством?»¹ Сей договор короткий: если Александру Львовичу угодно будет заплатить мне от театральной дирекции три тысячи рублей выводу, то предаю мою единородную дочь (трагедию «Поликсена». — *Авт.*) на позорище как Петербурга, так и Москвы. Убедите Александра Львовича не спорить о цене; право, лишнего не прошу, считая, что на обоих столичных театрах за одно представление дирекция выручит свои деньги. Я и за „Дмитрия Донского“ не настоящую цену взял, получив только две тысячи пятьсот рублей». А. Л. Нарышкин заплатил Озерову просимую сумму [5, с. 117].

Именно в это время выплата гонорара перестала быть особенностью только театрального быта и сделалась обычным явлением в лубочной литературе, журналистике (пока только редакторам, например, Н. М. Карамзину за редактирование «Вестника Европы») и для переводов иностранных романов.

Впервые в России ордена за свой литературный труд был удостоен Н. М. Карамзин. В 1815 г. он закончил «Историю государства Российского», и Александр I наградил историка орденом св. Анны 1-й степени и 60 тыс. р. на издание его сочинения. Карамзин специально переехал из Москвы в Петербург, чтобы следить за печатанием. Через 3 года все восемь томов вышли в свет. Успех был необычайным: за три недели было продано около 3000 экземпляров. Почти все свои средства Карамзин израсходовал на это издание. Желая выехать за границу для поправки здоровья, он вынужден был обратиться к Николаю I с просьбой дать ему вакантное место дипломата. Лишь тогда писателю была назначена пожизненная пенсия. После смерти Карамзина пенсия перешла к его семье.

В 1788 г. гвардейский капитан И. Г. Рахманинов, переводчик Вольтера, завел в Петербурге собственную

¹ Речь идет о директоре императорских театров Александре Львовиче Нарышкине.

типографию и стал печатать вместе со своим приятелем И. А. Крыловым сатирический журнал «Почта духов». Вся материальная сторона издания велась Рахманиновым. Крылов не имел средств и ничего не внес на издание журнала, он был редактором и автором большинства статей. Ввиду небольшого, около 80, числа подписчиков имена издателей не были известны публике; выпуск журнала прекратился на восьмом номере. Рахманинов уехал в Тамбов, передав типографию И. А. Крылову. Все книги, изданные в ней, Рахманинов продал московским купцам, заключив с ними договор и оформив доверенность, в которой указывалось, что Рахманинов разрешил купцам переиздание некоторых книг:

«Доверенность Рахманинова Осипову.

Государь мой, Николай Михайлович. От московских купцов Трофима Евсеева сына Акохова и Ивана Акимова сына Козырева в прошлом 1801 г. заключенное со мною условие о даче им от меня привилегии перепечатать на их кошт принадлежащие мне оригиналы некоторых в том условии означенных книг и о прочем вручить Вам при сем, покорно Вас прошу, по бытности ныне Вашей в Москве, взять на себя труд в силу одного условия от вышеозначенных купцов Акохова и Козырева потребовать счет, на какую сумму донныне по требованиям моим оставлено от них ко мне книг. . .» [10].

В 1806 г. И. А. Крылов возвращается из Петербурга, чтобы всецело посвятить себя литературному труду, но отсутствие материальных средств вынудило его искать казенную службу. А. Н. Оленин, управлявший в то время Монетным департаментом, взял его к себе. В 1808 г. Крылов, Писарев и князь Шаховской начали издавать журнал «Драматический вестник». В одной из рецензий в этом журнале на театральную постановку Крылов писал: «Станок тиснул листы, мое дело окончено, талант в продаже за семь гривен, и читателям остается теперь судить, стоит ли чернил произведение».

В 1809 г. вышло первое издание басен И. А. Крылова, в 1811 г. появилась вторая книга басен, переизданная через несколько месяцев. Для печатания басен требовались значительные средства, А. Н. Оленин неоднократно обращался лично к Александру I с просьбой о выдаче денег на их издание и получил в результате 10 тыс. р.

При жизни Крылова было продано 77 тыс. экземпляров книг — совершенно исключительный факт для того

времени. Великий баснописец стал жить в основном на средства, приносимые ему от продажи собственных произведений. Неоднократно Крылову приходилось отстаивать свои права. Вот один из примеров: «Прошение И. А. Крылова в С.-Петербургский цензурный комитет о запрещении печатать его сочинения издателям сборников.

Намереваясь печатать новое издание басен моих, но поелику г. г. издатели различных собраний в стихах, удостоивши и прежде печатать в них мои произведения в числе весьма значительном, могут и впоследствии то же сделать и таким образом нанести вред новому изданию моему, могут лишить меня плода от моей собственности, я покорнейше прошу цензурный комитет о запрещении печатать басни мои в каком бы то ни было собрании стихотворений, издаваемых посторонними лицами».

Цензурный комитет определил: «Принять к сведению» [11, с. 420—421].

Отсутствие законодательства по защите прав авторов порождало многочисленные недоразумения, ссоры, имущественные претензии, которые нельзя было разрешить юридическим путем — не было соответствующих решений государства.

В этой связи представляет интерес переписка профессора Московского университета М. Т. Каченовского с поэтом В. А. Жуковским. В. А. Жуковский, с 1808 г. ставший издателем журнала «Вестник Европы», осенью 1810 г. решил отказаться от ведения издательских дел и ограничиться лишь авторским участием в журнале, передав его М. Т. Каченовскому, одному из прежних издателей журнала. Однако поэт сомневался, сможет ли Каченовский продолжать ту направленность, которую проводил он сам: пропаганду идей просвещения, выдвижение на первый план романтического жанра. И действительно, Каченовский стремился сделать журнал орудием борьбы с романтизмом, заняться лингвистическими разысканиями.

М. Т. Каченовский — В. А. Жуковскому, 24 сентября 1810 г., Москва:

«Вы будете получать деньги тотчас по напечатании каждой книжки. . . Как Вы думаете о деньгах? Я готов был платить Вам с листа свою цену; но рассудите милостиво, ведь мне более работы и заботы; при том же ежели Вы и Мерзляков захотите снабжать меня листа по четыре для каждого нумера, то я буду в великом накладе; вспом-

ните также, что я сам не взял с Вас по 200 рублей, а только по 150 руб. за книжку, когда Вы в 1808 г. уехали в Белев».

В. А. Жуковский — М. Т. Каченовскому, 27 сентября 1810 г.:

«Поздравляю Вас с именем издателя Вестника Европы <...>

Вначале объявляю Вам, что я согласился с большим удовольствием быть только посторонним сотрудником в издании Вашего журнала. . . И почему Вы не в состоянии предполагать в самих приятелях Ваших прямодушия; разве деньги кажутся Вам столь всемогущими, что все люди без исключения должны жертвовать им своею совестью. Напрасно приводите Вы в пример самого себя. Вестник, доведенный Вами до цветущего состояния, был составлен в исходе 1807 года, и я, вступив в издание, не имел нужды делать с Вами условие; теперь, напротив, отказываясь от имени издателя, я желал и сам иметь некоторое участие в издании, о чем предварительно и было говорено между Вами и мною. Большая разница! <...>

Находясь в деревне (село Муратово Орловской губернии. — *Авт.*), я никак не имею способов, если бы и хотел, оттереть Вас от издания. . . Вы будете от меня аккуратно получать для каждого № два листа оригиналу, а я буду от Вас получать деньги; в год доставляя Вам не менее и не более 48 листов. Хотя по словесному, предварительному уговору и было назначено между нами, чтобы Вам платить мне свою цену; но я соглашаюсь получить пятью рублями менее того, что Вы получать будете по Вашему условию с типографией: это составит Вам выигрыша на 240 рублей <...>

Прошу Вас: 1-е — помещать каждую мою пиесу без отговорок, об этом также было говорено между нами, ибо и я, живучи своими трудами, не могу терять их понапрасну, и 2-е — позволить мне присылать их по-прежнему непереписанными, а я обязываюсь писать разборчиво. . .» [12, с. 91].

Из приведенных писем можно сделать вывод, что В. А. Жуковский в этот период существовал на средства от продажи своих произведений, т. е. был профессиональным литератором.

При отсутствии законов об охране прав авторов и твердых ставок гонораров источником существования людей искусства была во многом поддержка меценатов.

Видным российским меценатом начала XIX в. являлся

граф Н. П. Румянцев. Он был крупным землевладельцем, одним из богатейших людей России и в то же время человеком передовых взглядов. В письме к адмиралу И. Ф. Крузенштерну Румянцев писал: «Станем служить всеобщему просвещению, Вы своими пространными познаниями, а я горячим усердием среди такой эпохи, в которой бесстыдно проповедают, что просвещение к благу народному не служит» [13, с. 29]. В 1813 г. для поощрения деятельности Общества истории и древностей российских, учрежденного при Московском университете для издания русских летописных сводов, Н. П. Румянцев ассигновал 25 тыс. р.

Вокруг Румянцева образовалась «ученая дружина» из видных историков [14]. Сотрудники Румянцева кружка наилучший способ пропаганды науки видели в издании и продаже книг. За время деятельности кружка с 1811 по 1825 г. вышло около 150 названий книг исторического содержания общим тиражом 20 тыс. экземпляров. Типографские расходы составили более 200 тыс. р. Например, для первой части книги «Собрания Кириши Данилова», расходы на которую составили 21 р. 51 к. за экземпляр, продажная цена была установлена в 25 р. Издание книги «Кирилл и Мефодий» в переводе Н. Погодина обошлось в 350 р. Продажа 600 экземпляров дала бы прибыль 4000 р. с учетом выплаты гонорара автору в сумме 250 р. Из доходов, полученных от продажи книг, нужно было выплачивать гонорары авторам, художникам, переводчикам, оплатить труд писцов и типографов. Но продажа книг шла чрезвычайно медленно, так что их приходилось чаще не продавать, а распределять. Н. П. Румянцев оплачивал все расходы.

Деятельность кружка Румянцева по изданию книг совпала с периодом открытого преследования образованности и просвещения, усилением цензурных ограничений, особенно со стороны духовной цензуры.

Н. П. Румянцев использовал несколько способов для привлечения сотрудников. В большинстве случаев ученые нанимались на определенный период за единовременное денежное вознаграждение. Участие в работе кружка поощрялось Румянцевым также протекциями по месту основной службы, ценными подарками, выделением автору части тиража, средства от реализации которого поступали в его распоряжение. Меценатом выделялись средства и на организацию экспедиций, аренду помещений, приоб-

речение материальных средств, на типографские расходы, различные пожертвования, на строительство памятников в различных городах (М. В. Ломоносову в Архангельске, в честь победы на Куликовом поле).

Во второй половине 1824 г. К. Ф. Рылеев решил превратить литературный альманах «Полярная звезда» в коммерческое предприятие. «Полярная звезда» издавалась в 1823—1824 гг. книгопродавцем И. В. Слениным, который платил за право издания альманаха К. Ф. Рылееву и А. А. Бестужеву, но авторы не получали гонорар за свои произведения. Тогда Рылеев и Бестужев решили издавать альманах без участия Сленина. Не желая терять доходов, Сленин уговорил поэта А. Дельвига передать ему статьи для альманаха на 1825 г. за 4000 р. ассигнациями. Дельвиг согласился, что омрачило его отношения с Рылеевым.

Альманах «Полярная звезда» имел коммерческий успех, а его издатели удостоились «высочайшего внимания»: К. Ф. Рылеев получил два бриллиантовых перстня, а А. А. Бестужев — золотую табакерку и перстень.

По совету поэта В. В. Капниста Н. И. Гнедич занялся переводом поэм Гомера. Директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин зачислил его в штат. Но заработка библиотекаря не хватало, и князь И. А. Гагарин, покровитель актрисы Е. С. Семеновой, выхлопотал Гнедичу небольшую пенсию на занятия с ней искусством декламации. В 1826 г., через 19 лет, перевод «Илиады» был завершен. Однако Н. И. Гнедич не считал вправе издать свой труд, пока не напишет примечания к поэме. А. Н. Оленин обратился к императору через министра просвещения с просьбой о предоставлении Гнедичу материальных средств: «Везде государи награждали переводчиков. Его величество, нынешний король прусский, не переводчика, а только издателя Омеровых творений, Вольфа, наградил с щедротою королевскою, назначив ему значительное содержание без всякой для него обязанности, кроме продолжения ученых трудов его» [15, с. 159]. Неизвестно, какие доводы убедили Николая I, но пенсия в сумме 3000 р. была Гнедичу назначена. Кроме того, при увольнении со службы по состоянию здоровья Оленин добился для него годовичного отпуска с выплатой 3 тыс. жалованья.

За годы учебы в Лицее глубокий нравственный след в сознании А. С. Пушкина оставили лекции А. П. Куницына по естественному праву. Куницын преподавал по собственной рукописи, которую за отсутствием учебника да-

вал переписывать воспитанникам. В 1816 г. он подал прошение в Конференцию Лицея с просьбой предоставить материальную помощь на издание рукописи в качестве учебника для воспитанников Лицея и благородного пансиона [16]. Министр просвещения разрешил Конференции выдать Куницыну тысячу рублей для издания книги «Право естественное и систематическое обозрение политических наук». Через два года учебник был напечатан. В 1820 г. книга в связи с ее предполагавшимся подношением императору была рассмотрена на заседании ученого комитета Главного правления училищ, который принял решение об ее изъятии из употребления по всем учебным заведениям. К следующему учебному году «Право естественное» исчезло из учебных заведений, начальству Лицея было сделано строгое замечание, а автор был уволен из штата Министерства народного просвещения.

А. С. Пушкин — профессиональный литератор

Александр Сергеевич Пушкин. С именем великого русского поэта связана большая победа всех людей интеллектуального труда в России — принятие положения о правах сочинителей. С 1828 г. труд писателей, поэтов, переводчиков стал профессией, они получили юридические права на свои произведения.

До Пушкина на художественную литературу в обществе смотрели как на развлечение. Пушкин впервые раскрыл самостоятельное значение литературы как специфической формы отражения и познания действительности и добился того, что труд российских литераторов законодательно был признан профессией.

Первым отдельно изданным произведением А. С. Пушкина стала поэма «Руслан и Людмила». 26 марта 1820 г. поэт прочитал последнюю песнь поэмы на квартире В. А. Жуковского. Уезжая в ссылку на юг, Пушкин поручил брату, Л. С. Пушкину, и С. А. Соболевскому переписать и подготовить поэму к печати, что и было ими успешно выполнено. Издателем «Руслана и Людмилы» стал Н. И. Гнедич. С помощью А. Н. Оленина ему удалось выпустить ее из печати уже в августе 1820 г.

Поэма не залежалась на полках петербургских книжных магазинов и принесла издателю значительный доход. В этот период Гнедич издал также книгу стихотворений

своего близкого друга К. П. Батюшкова. Из 15 тыс. р., полученных им за издание, он выплатил автору 2000. Гнедич не сделал ничего предосудительного: юридических прав сочинители не имели, получать деньги за литературный труд считалось постыдным и издатели клали в собственный карман любую сумму, которую они считали для себя приемлемой в качестве денежной компенсации за «низкий» труд печатания и продажи книг.

В 1820 г. в Петербурге уже действовало 26 типографий [17], половина из которых была в частном ведении. Наиболее известными книгоиздателями и книготорговцами были А. Ф. Смирдин, В. А. Плавильщиков, Н. С. Всеволожский, С. И. Селивановский, И. В. Сленин, А. И. Плюшар. Около 80 % всех издаваемых в России книг печатались в Петербурге и Москве.

Отрывки из своей второй поэмы «Кавказский пленник» А. С. Пушкин, очевидно, думал издать у Н. И. Греча, владельца журнала «Сын отечества»: «Хотел было я прислать Вам отрывок из моего „Кавказского пленника“, да лень переписывать; хотите ли Вы у меня купить весь кусок поэмы? длиною в 800 стихов; стих шириною — 4 стопы; разрезано на 2 песни. Дешево отдам, чтобы товар не залежался?» — иронически писал Пушкин Гречу 21 октября 1821 г. [18, т. 1, с. 352]. Тем не менее «Кавказский пленник» был снова издан Н. И. Гнедичем, который получил за него 5000 р. и передал Пушкину 500 р.

На такие средства поэт существовать не мог, поэтому свою службу он воспринимал как вынужденную необходимость. «Изъясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; . . .хоть я знаю закон божий и 4 первые правила, но служу и не по своей воле — в отставку идти невозможно», — признается поэт брату в письме из Одессы. Будучи недоволен Гнедичем, Пушкин поручает свои издательские дела С. А. Соболевскому и П. А. Вяземскому. В одном из писем к Вяземскому Пушкин пишет, что смотрит на законченные свои произведения, «как сапожник на пару сапог: продаю с барышом». И тут же в письме иносказательно выражает свое отношение к цензуре: «Цеховой старшина находит мои ботфорты не по форме, обрезывает, портит товар; я в накладе. . .» [18, т. 1, с. 404].

Вяземский стал издателем поэмы «Бахчисарайский фонтан» и проявил себя бескорыстным защитником ссыльного друга. Благодаря его усилиям, Пушкин получил

исключительно высокий по тем временам авторский гонорар. Русские журналисты особо отметили гонорарную сторону издания поэмы как начало «европейского» отношения к поэзии в России. Материальная независимость была крайне важна для Пушкина, так как давала ему возможность свободно заниматься литературным творчеством.

Пушкин — Вяземскому, 8 марта 1824 г.: «От всего сердца благодарю тебя, милый Европеец, за неожиданное послание или посылку. Начиная почитать наших книгопродавцев и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого. Одно меня затрудняет, ты продал все издание за 3000 р., а сколько же стоило тебе его напечатать? Ты все-таки даришь меня, бессовестный! Ради Христа, вычти из остальных денег, что тебе следует, да пришли их сюда. Расти им не за чем. А у меня им не залежаться, хоть я, право, не мот. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо, я не принадлежу к нашим писателям 18-го века: я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть для улыбки прекрасного пола» [18, т. 1, с. 404—405].

Перед высылкой из Одессы в село Михайловское летом 1824 г. Пушкин пишет своему бывшему начальнику А. И. Казначееву: «〈. . .〉 О чем мне сожалеть? Не о моей ли неудавшейся карьере. Но у меня уже было довольно времени, чтобы примириться с этой мыслью. О моем жалованье? Но раз мои литературные труды могут мне предоставить более денег — вполне естественно пожертвовать ради них моими служебными занятиями. . . Я уже поборол в себе отвращение писать и продавать свои стихи для средств к жизни; самый большой шаг уже сделан, и если я еще пишу лишь по вольной прихоти вдохновения, то, раз стихи написаны, я смотрю на них исключительно как на товар, по столько-то за штуку. Я не постигаю ужаса моих друзей. . .» [19, с. 70].

В сентябре 1824 г. в Михайловском поэт написал стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом». Проследим за его основной мыслью:

Книгопродавец

〈. . .〉 Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.

Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим. . .

Поэт

⟨. . .⟩ Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом. ⟨. . .⟩

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мнения;
Жуковский то же говорил;
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья. ⟨. . .⟩
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

Поэт

Свободу.

Книгопродавец

Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истине полезной:
Наш век — торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет. ⟨. . .⟩
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать ⟨. . .⟩

Поэт

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись.
Условимся.

Акад. Д. Д. Благой писал, что Пушкин «с исключительной глубиной проникает. . . в самое существо денег и порождаемой ими воистину проклятой жажды золота, которая. . . составляет основу „века—торгаша“, складывающихся на глазах поэта новых буржуазно-капиталистических отношений» [20, с. 48]. Но в этом стихотворении поэт задает еще один важный вопрос — можно ли измерить деньгами цену творческого труда, и твердо отвечает на него. Ту же мысль выражает Пушкин и через 12 лет в рецензии на перевод Шатобрианом поэмы английского

поэта Мильтона «Потерянный рай»: «Шатобриан приходит в книжную лавку с продажной рукописью, но с неподкупной совестью».

В период жизни в Михайловском А. С. Пушкин сам занялся издательскими делами. Посредником в них явился П. А. Плетнев. С 1825 г. Плетнев выпустил в свет более 20 книг поэта, не получая за свои труды ни копейки. Он находил издателей и продавцов, разрешал все возникавшие при печатании трудности и добивался максимально выгодных для Пушкина условий. Пушкин имел все основания сказать, что независимостью своей он обязан «Богу и Плетневу». Первым изданием Плетнева явилась небольшая книжечка первой главы «Евгения Онегина», выпущенная в 1825 г. На задней обложке ее помещено объявление: «Продается в книжном магазине И. В. Слепина, у Казанского моста по 5 руб., а с пересылкой по 6 руб.» [21, с. 33]. Тираж книжки — 2400 экз., обычный тираж книг того времени — 1200 экз.

После возвращения Пушкина из ссылки император Николай I в качестве «благодеея» поэту решил сам стать его цензором.

Позднее, в 1832 г., Пушкин писал шефу III отделения А. Х. Бенкендорфу о постоянной цензурной опеке царя и шефа жандармов: «Позвольте доложить, что сие представляет разные неудобства. 1) Ваше превосходительство не всегда изволит пребывать в Петербурге, а книжная торговля, как и всякая, имеет свои сроки, свои ярманки; так что оттого, что книга будет напечатана в марте, а не в январе сочинитель может потерять несколько тысяч рублей, а журналист несколько сот подписчиков. 2) Подвергаясь один особой, от Вас единственно зависящей цензуре, — я, вопреки права, данного государем, из всех писателей буду подвержен самой стеснительной цензуре» [18, т. 1, с. 247].

Первым изданным произведением Пушкина, после того как Николай I объявил себя цензором поэта, стала третья глава «Евгения Онегина». В книге было указано: «С дозволения правительства», а не как обычно: «Напечатано с дозволения цензуры».

В 1826 г. принимается цензурный устав, получивший название «чугунного». Он предусматривал образование многочисленных цензурных комитетов, запрещал обсуждение в печати политических и государственных вопросов и печатание любых «вольнодумных» сочинений.

По поручению Пушкина его издательские дела в Москве вел С. А. Соболевский, и довольно неудачно.

Пушкин — Соболевскому, ноябрь 1827 г.: «...Здесь в Петербурге дают мне (*à la lettre*)² 10 рублей за стих, а у вас в Москве хотят меня заставить даром и исключительно работать журналу. Да еще говорят: он богат, черт ли ему в деньгах. Положим так, но я богат через мою торговлю стишистой, а не прадедовскими вотчинами, находящимися в руках Сергея Львовича» [18, т. 2, с. 294].

Недовольство даже в кругах, близких к царю, уставом 1826 г. вынудило правительство выпустить новый цензурный устав. 22 апреля 1828 г. вышел высочайше утвержденный Устав о цензуре. В нем говорилось: «Утвержденный для рассматривания книг, внутри государства печатаемых, с делами по цензуре книг иностранных, показало необходимость соединить обе сии части, ныне в ведении двух разных министерств состоящие, в одно управление. . .» и далее — «цензура имеет обязанность рассматривать произведения словесности, наук и искусств, назначаемых к изданию в свет внутри государства посредством книгопечатания, гравирования и типографии <...> и дозволяет издание или продажу только тех из оных, кои в целом составе и в частях своих непротивны изложенным. . . общим правилам».

Вторая часть цензурного устава названа «О сочинителях и издателях книг». Это и есть текст долгожданного российского закона об авторском праве. Регистрация авторского права осуществлялась в форме разрешения цензуры на выпуск книги из типографии. Несоблюдение цензурных правил вело к потере авторского права.

Статьи о сочинителях гласили: «Каждый Сочинитель и Переводчик книги имеет исключительное право пользоваться во всю жизнь свою изданием и продажей по своему усмотрению, как имуществом благоприобретенным. Законные наследники Сочинителя пользуются также исключительным правом издания и продажи его произведений, если Сочинитель никому не завещал оных в продолжении 25 лет со дня его смерти (законом 1857 г. этот срок увеличен до 50 лет. — *Авт.*). По истечении 25 лет со дня смерти Сочинителя его творения, кому бы оные дотоле ни принадлежали, становятся собственностью публики и всяк может печатать, издавать и продавать оные беспрепят-

² буквально (*франц.*).

ственно (этим параграфом в дальнейшем воспользовалось множество издателей, с некоторыми из них мы еще встретимся. — *Авт.*). Но до истечения сего срока никто не смеет нарушить прав Сочинителя без его воли или его наследников. . . издавать его сочинения. < . . . > Все споры между сочинителями, переводчиками и издателями должны быть разрешены третейским судом или надлежащими судебными инстанциями».

Согласно уставу 1828 г., в состав членов Главного управления цензуры вошел управляющий Третьим отделением собственной его императорского величества канцелярии. Все действия цензоров оказывались под бдительным оком жандармов. На издателей наиболее прогрессивных органов печати посыпались обвинения в неблагонадежности. С конца 1830 г. приостановлен выход «Литературной газеты» А. Д. Дельвига, в 1832 г. запрещен журнал И. В. Киреевского «Европеец», в 1834 — журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф», в 1836 — журнал «Телескоп» и газета «Молва» Н. И. Надеждина.

В шестом номере журнала «Московский телеграф» за 1828 г. сообщалось: «„Руслан и Людмила“ — поэма Александра Пушкина. Издание второе, исправленное и умноженное. Санкт-Петербург, в типографии Департамента Народного Просвещения, с портретом автора 12 руб. ассигнациями, без портрета — 10 руб. „Руслан и Людмила“, первая поэма, которою были ознаменованы успехи Пушкина, явилась в 1820 г. Тогда же она была вся раскуплена, и давно не было экземпляров ее в продаже. Охотники платили по 25 руб. и принуждены были списывать ее.

Теперь книгопродавец А. Ф. Смирдин приобрел от автора (уже в соответствии с новым законом о правах сочинителей. — *Авт.*) право на новое издание „Руслана и Людмилы“ и „Кавказского пленника“, которого 1-е издание также очень редко».

На последней странице журнала (каждого номера) было напечатано: «Печатать позволено, с тем, чтобы по напечатанию, до выпуска из типографии, представлены были семь экземпляров сей книги в Цензурный комитет, для препровождения куда следует, на основании узаконений».

Теперь Пушкин мог на законном основании получать материальные средства от издания своих сочинений и защищать свои права от нарушителей. 8 января 1830 г. вышло Положение о правах сочинителей, где давалось по-

нятие о контрафакции и определялось наказание за такие поступки: «Во всяком случае наказание за контрафакцию состоит в том, что контрафактор платит законному Издателю вдвое против издержек, нужных для напечатания 1200 экземпляров контрафактированного сочинения, считая вдвое против цены, полученной контрафактором за проданные экземпляры, и сверх того все контрафактные экземпляры отбираются в пользу законного Издателя. Две трети взысканной с контрафактора суммы поступают в пользу законного Издателя, а остальная треть в Приказ общественного призрения».

Одной из главных целей законодательства о приоритете в творческой деятельности являлась защита произведений от хищнического использования их другими людьми. Такое использование может принимать различные формы: присвоение или мошенническое приобретение; насильственное или ненасильственное похищение; подлог в авторстве; плагиат или контрафакция; сбыт произведений, заведомо являвшихся плодом контрафакции.

29 апреля 1830 г. Плетнев написал Пушкину письмо-программу коммерческой деятельности по изданию его произведений. Из этого письма становятся ясными трудности, с которыми сталкивались авторы популярных сочинений при их издании: «. . . Вот что я могу обещать тебе: в продолжение четырех лет начиная с 1 мая 1830 г. каждый месяц ты будешь получать от меня постоянного дохода до шести сот рублей, хотя бы в эти четыре года ты ни стишка не напечатал нового: будешь кормиться все старыми крохами. Я знаю, что такая сумма слишком мала по сравнению с товаром, который лежит на руках моих; но повторяю: в поспешности не мог я ничего сделать более, а пуще всего решила меня на то боязнь контрафакции и разные плутни торгашей, которых хоть я и не видал до сих пор, но не мог не бояться, судя по тому, что книжечки-то наши такие крошки, каких нетрудно наделать всякому хозяину типографии в день до нескольких сотен. Теперь по крайней мере ничего у нас на руках не будет: если мы и обогатим своим товаром Смирдина, литературе же лучше: он будет предприимчивее, а мы-то, собственно, не в накладе: потерпят для него одни библиоманы. Этот сбыт всех напечатанных уже экземпляров 7-ми глав Онегина, 2-х томов „Стихотворений“, „Полтавы“, „Цыганов“ и „Фонтана“ не мешает тебе увеличивать ежегодно свой доход печатанием или новых глав Онегина, или

новых томов „Стихотворений“, или чего-нибудь другого по усмотрению твоему: не касайся только четыре года до того, что до сих пор напечатано (за исключением „Руслана“ и „Пленника“, о коих ты сам сделал условия). Поскорее ответь: согласен ли ты на это мое распоряжение?» [18, т. 2, с. 259—260].

В письме идет речь о том, что все перечисленные в нем произведения Плетнев решил продать на четыре года в собственность книготорговца Смирдина, которому ранее были проданы поэмы «Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник».

Пушкин ответил около 5 мая 1830 г.: «Сейчас получил письмо твое — благодарю, душа моя. Заключай условия, какие хочешь — только нельзя ли вместо четырех лет — три года — выторгуй хоть 6 месяцев. Не продать ли нам Смирдину и трагедию?» [18, т. 2, с. 261].

Поэт соглашается с решением Плетнева, но просит уменьшить срок собственности Смирдина, считая, что через 3—3 1/2 года указанные сочинения можно будет продать за более высокую цену. Расчеты Пушкина совершенно оправданны. Его произведения пользуются огромным успехом и тиражи быстро раскупаются, несмотря на многочисленные нелегальные издания его книг.

Измученный непрерывной борьбой за творческую и материальную независимость, поэт решил подать в отставку. Император заявил, что он согласен с отставкой, но не допустит в государственные архивы сочинителя, не находящегося на официальной службе. Жуковский, считая, что царь ни при каких условиях не даст Пушкину отставки, убедил его взять свое прошение обратно.

После гибели Пушкина друзья поэта решили издать полное собрание сочинений в пользу его семейства. В начале ноября 1838 г. из печати вышли восемь томов сочинений Пушкина тиражом 10 тыс. экземпляров. Все издание было быстро распродано, что принесло детям поэта около 80 тыс. р. ассигнациями [22].

В дальнейшем право на издание сочинений А. С. Пушкина было куплено у семьи генерала Ланского И. В. Анненковым. В мае 1851 г. И. В. Анненков писал брату П. В. Анненкову: «Между прочим Некрасов предлагает мне быть со мною в доле и говорит, что это есть отличнейшее предприятие и весьма выгодное, но я не желал бы с Некрасовым иметь дело, только потому, впрочем, что он, как человек безденежный, не принесет мне пользы, особенно если

будет нанят, кроме него, редактор» [23]. Редактором издания и составителем биографии поэта стал П. В. Анненков.

«Мы обязаны с тобою охранять свои права»

Так писал Ш. Руставели в своей поэме «Витязь в тигровой шкуре».

В 1829 г. М. Н. Загоскин напечатал свой первый роман из русской истории «Юрий Милославский, или русские в 1612 году». Все экземпляры первого издания были распроданы в несколько дней, и затем последовали один за другим еще семь изданий. «До выхода из печати второго романа Загоскина „Рославлев, или русские в 1812 г.“ в Москве произошло в своем роде событие, неслыханное в летописях книжной русской торговли. Роман еще не был кончен, как стали просить Загоскина, чтоб он его продал: за право напечатать четыре завода, т. е. 4800 экземпляров, предложили сочинителю сорок тысяч рублей ассигнациями, а тогда ассигнации имели большой лаж с тем только, чтобы он не печатал второго издания в продолжение трех лет! Еще невероятнее, что содержатель типографии Н. С. Степанов, покупавший роман, не имел денег для такого предприятия и что московские книгопродавцы купили экземпляры будущего неоконченного романа, в 4 небольших частях, с обыкновенною уступкою 20 % за комиссию на 36 тысяч рублей ассигнациями и внесли деньги вперед, обязуясь продавать не дороже 20 рублей за каждый экземпляр! Кто знает незначительность капитала наших московских книгопродавцов, их осторожность, даже робость во всех книжных оборотах, тот поймет, как велика была общая вера публики в талант автора „Юрия Милославского“: поступок книгопродавцев служит только ее выражением.

„Рославлев“ не вполне удовлетворил всеобщему ожиданию, и смелое предприятие Степанова не имело успеха. Две тысячи четыреста экземпляров, купленные книгопродавцами, разошлись, но затем требования на книгу прекратились. . . Впоследствии „Рославлев“ не только разошелся, не сбавляя своей слишком высокой цены, но имел еще три издания» [24, с. 820].

30-е гг. XIX в. — время проникновения буржуазных отношений в литературу и издательское дело, время профессионализации литературного труда.

Первыми профессиональными журналистами в России можно считать Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского. Успехи Булгарина начались после издания А. Ф. Смирдиным в 1829 г. его романа «Иван Иванович Выжигин». Роман был отпечатан в количестве 4 тыс. экземпляров (тираж — огромный для того времени) и раскуплен за три недели. Булгарин получил от издателя 2000 р. ассигнациями, О. И. Сенковский в качестве редактора журнала «Библиотека для чтения» (издатель — А. Ф. Смирдин) получал 6000 р. за каждые 3000 экземпляров журнала и по 2000 р. за каждую последующую тысячу. Ему платили 400 р. за оригинальную статью в «Энциклопедическом лексиконе» и 200 р. за переводную, в то время как рядовые сотрудники получали вдвое меньше [5].

Одно время И. А. Крылов был приглашен в качестве фиктивного редактора «Библиотеки для чтения» из-за своей политической благонадежности и правительственных связей. Цензор А. В. Никитенко писал по этому поводу в 1835 г.: «Он (Крылов) жалуется на торговое направление нынешней литературы, хотя сам взял со Смирдина за редакцию „Библиотеки для чтения“ 9000 рублей. Правда, он не торгует своим талантом, ибо можно быть уверенным, что он ничего не будет делать для журнала. Однако он пускает в ход славу: Смирдин дает ему деньги за одно его имя».

Выплата литературных гонораров с 1830-х гг. стала массовым и закономерным явлением. Издательство Смирдина за время своей деятельности (1823—1857) выпустило произведения более 70 русских авторов, выплатив им за право издания 1 370 535 р. [5].

Историческая роль Новикова и Смирдина в профессионализации творческого труда русских литераторов была отмечена в 1833 г. Булгариным в «Северной пчеле»: «После Новикова книгопродавцы воспользовались пробуждением публики, потребностью века, жаждой славы молодых писателей. . . и обогатились, не заботясь о распространении вкуса к изящному, не помышляя о словесности и возмездии литераторам за их труды. Книгами торговали, как торгуют мясом или лесом, с тою разницею, что книгопродавец был и властителем, и производителем товара, а литератор или работником, или простым зрителем. Счастливая эпоха деятельности литературной прошла вместе с Новиковым. . . Смирдин, конечно, не Новиков. Он только книгопродавец необыкновенный, дейст-

вующий с пламенной любовью к славе России... Он окрылил словесность, дал ей жизнь, разбудил публику и писателей, сдружил их и положил первое основание новому сословию: сословию литераторов... Выгоды, доставляемые Смирдиным литераторам, позволяют им свободно и досужно заниматься делом, а не урывками между сном и департаментом».

Афиширование оплаты писательского труда раскололо литераторов на два лагеря — сторонников и противников коммерции. Начало положила статья С. Шевырева «Словесность и торговля» в первой книге «Московского наблюдателя» за 1835 г.: «„Библиотека для чтения“ есть просто пук ассигнаций, превращенный в статьи... Торговля теперь управляет нашей словесностью, и все подчинились ее расчетам; все произведения словесного мира исчислены на оборотах торговых; на мысли и на формы наложен курс... Они (спекулянты — литераторы)... обязались книгопродавцу столько листов, как фабрикант обязуется поставить казне столько-то половинок сукна... Но в чем тайна всего этого? В том, что цена печатного листа есть 200 или 300 руб.; что каждый эпитет в статье его ценится, может быть, в гривну; каждое предложение есть рубль... Как же не дорожить ему после этого всяким словом, когда из этих слов составляются не периоды, а ассигнации».

В. Г. Белинский дал резкую отповедь Шевыреву: «Эта шумливая выходка против прекрасного дела г. Смирдина говорит всего убедительнее в его пользу... Широковещательная и многоглаголевая статья эта напечатана в журнале, который в своей программе объявил, что он будет „платить за статьи, и платить не скупое“... Плата за честный труд нисколько не унизительна, унизительно злоупотребление труда. И, по нашему мнению, гораздо честнее продать свою статью журналисту или книгопродавцу, нежели кропать стишонки в честь какого-нибудь мецената, милостивца и покровителя, как делывалось в невинное и бескорыстное время нашей литературы, когда подобными одами добивались чести играть роль шута в боярских палатах, получали места и выходили в люди...» [25, с. 127—128].

Итог полемике о «торговом» направлении в творчестве подвела статья Н. А. Полевого в «Новоселье» (ч. 3, 1846) «Отрывок из заметок русского книгопродавца его сыну»: «Мне кажется, литература — такое же общественное и

земное дело, как и всякое другое; литератор — такое же звание, как и прочие. Житие литературное не хуже других, да и труд не тяжелее других. . . Высокая цель, высшее назначение, труд умственный — слова громкие, правда, но если и так, падая с неба на землю, высокая цель теряется в земной грязи, высшее назначение путается в злоупотреблении страстей и труд умственный облачается в форму вещественную, в книгу, журнал, а газета, журнал, книга продается и покупается — следовательно, она товар. . . Итак, если книга — товар, то выходит, что фабрикант такого товара — литератор, потребитель его — публика, а мы, книгопродавцы — продаватели его, торгаши литературным товаром».

В середине 40-х гг. наступил спад интереса публики к поэзии. Выпустить книгу стихотворений в те годы (1845—1863) возможно было только на собственные средства: издатели стихов не брали. Затем стихи вновь заняли почетное место в журналах. За один только 1856 г. появились издания стихотворений Некрасова, Огарева, Бенедиктова, Никитина.

Улучшение материального положения в связи с выплатой гонораров изменило и жизненные планы А. А. Фета. Он пытается сделать литературный труд своим основным занятием: переводит, пишет и печатает статьи, рассказы, очерки, вступает с издателями в жестокие схватки, имеющие целью получение максимальных гонораров. В одном из своих писем Фету в декабре 1857 г. Н. А. Некрасов даже пригрозил вырезать его произведение из уже отпечатанного выпуска «Современника» вследствие «неслыханной цены», которую Фет потребовал за свои стихи [26]. В 1859 г. Фет был отлучен от «Современника», ставшего к тому времени органом Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. «Русский вестник» неохотно печатает его стихи, так как они непонятны читателям. Фет приходит к заключению, что невозможно найти материальную опору в литературном творчестве, покупает имение на средства жены и становится помещиком.

Друг Фета и Тургенева, поэт Я. П. Полонский, в начале своего творческого пути не имел возможности жить на литературный заработок. Ему пришлось служить гувернером в семье петербургского гражданского губернатора Смирнова. «Слово „гувернер“ — клеймо безденежья, а в Петербурге все простят, кроме явной бедности», — писал Полонский [27]. В 1855 г. он выпускает сборник

стихов, который Н. А. Некрасов назвал «явлением редким и прекрасным». Несмотря на литературный успех Полонский вынужден поступить домашним учителем в семью А. О. Смирновой-Россет. В конце 1858 г. ему удалось устроиться секретарем в Комитет иностранной цензуры, что дало поэту относительное материальное благополучие.

Как-то, находясь на светском приеме, И. С. Тургенев сказал, что не унижает себя до того, чтобы брать деньги за свои произведения, он просто дарит их редакторам журналов. Об этом случае узнал В. Г. Белинский: «Так Вы считаете позором сознаться, что Вам платят деньги за Ваш умственный труд? Стыдно и больно мне за Вас, Тургенев» [28, с. 97]. Тургенев чистосердечно покаялся и сам впоследствии удивлялся, как он мог это говорить.

С 1843 г. Тургенев стал профессиональным литератором, так как его мать, богатая помещица, отказала сыну в средствах. В 1857 г. он продал Некрасову для «Современника» свои «Записки охотника» за 1000 р. Сообщая об этом А. И. Герцену летом того же года, Тургенев не только не жалуется, но радуется, что Некрасову удалось получить доход от его сочинений, которые тот перепродал за 2500 р. [28]. В 1879 г. Тургенев передал жене своего приятеля А. В. Топорова право на авторские гонорары за постановку своих пьес в российских театрах. Чета Топоровых, дорожа расположением Ивана Сергеевича, хотя и не отказалась от такого подарка, но и не считала для себя возможным пользоваться этими средствами. Они нашли выход из положения: так как своих детей у них не было, они взяли девочку на воспитание и вырастили ее на деньги, получаемые за драматические произведения И. С. Тургенева [28].

Авторские права художников и архитекторов были законодательно оформлены в 1846 г.

В 1845 г. был издан закон, защитивший авторские права композиторов. Однако композиторам выплачивались мизерные авторские гонорары, хотя музыкальные произведения продавались по высоким ценам. Газета «Северная пчела» писала в 1830 г.: «Нет предмета искусства, который продавался бы так дорого, как ноты». До середины XIX в. издателями музыкальной продукции в России были преимущественно иностранцы. В 50-х гг. появляются русские музыкальные издатели: Л. Снегирев, Ф. Стелловский, В. Деноткин и др. Но они также эксплуатировали авторов, выплачивали нищенские гонорары.

В 1861 г. П. И. Юргенсон основал крупное издательство в Москве, а в 1869 г. начал свою издательскую деятельность в Петербурге В. В. Бессель. Сферы влияния этих издателей распространялись соответственно на московских и петербургских композиторов, но не исключалась и практика «захвата чужих территорий». Как действовали эти издатели, можно судить по признанию П. И. Юргенсона, сделанному в записке к проекту создания «Общества русских композиторов»: «Доход с одного только романа Чайковского окупил расходы по печатанию всех его произведений. Во всяком случае мы видим многих композиторов, умирающих в нищете, в то время как их издатели оставили своим наследникам каменные дома и миллионные капиталы, но никогда не видели композиторов, сделавшихся миллионерами, и издателей, сделавшихся нищими» [29, с. 60—61].

В 1862 г., через пять лет после смерти композитора М. И. Глинки, его сестра Л. И. Шестакова уплатила Ф. Т. Стелловскому 1000 р. за издание музыкальных сочинений брата. Однако, став собственником этих произведений, издатель и не думал их публиковать; возратить деньги также отказывался. По жалобе Шестаковой Сенат постановил, чтобы издатель возвратил деньги и сочинения. Стелловский подал встречный иск в кассационный департамент. Ему отказали в жалобе, и дело попало в соединенное присутствие Сената. Стелловский выдвигал надуманные доводы, пытаясь объяснить причины, почему он не издавал сочинения М. И. Глинки: Шестакова скрыла действительные автографы композитора, «подсунула» ему другие произведения. Он утверждал, что проявил великодушие, взяв деньги и сочинения, так как партитуры Глинки были, дескать, никому не нужны. Сестра композитора своими просьбами тронула его чувствительную душу и уговорила взять эти сочинения, обещав помочь издателю небольшой суммой. Трудность доказательства правоты Л. И. Шестаковой заключалась в том, что в законе о правах сочинителей не было четкого ограничения прав издателей, с которыми автор заключал договор. Л. И. Шестакова пригласила адвоката Д. В. Стасова, брата известного критика В. В. Стасова, защищать ее интересы. Д. В. Стасов своими логическими доводами о том, что является собственностью автора, а что — правом издателя, сумел выиграть этот процесс [30, 31].

Осенью 1868 г. в Петербургском окружном суде,

а затем в Гражданской палате шел процесс «Стелловский против Даргомыжского». Десятью годами ранее А. С. Даргомыжский передал Ф. Т. Стелловскому гравировальные нотные доски для снятия оттисков и издания партитуры оперы «Русалка» и двенадцати серенад. За это по договору Стелловский должен был уплатить Даргомыжскому 1000 р.

Деньги выплачены не были. Между тем Стелловский решил печатать на заглавных листах сочинений композитора, что без позволения издателя запрещается публичное исполнение этих сочинений. Убедившись, что опера «Русалка» имеет значительный финансовый успех, Стелловский подал иск в окружной суд. Считая себя полным собственником оперы, издатель требовал взыскать с Даргомыжского в свою пользу все деньги, выплаченные композитору дирекцией театров со времени подписания договора, т. е. за 10 лет. Для защиты от притязаний издателя композитор пригласил того же адвоката, что и Л. И. Шестакова, — Д. В. Стасова. Стасов доказывал судьям, что если иск издателя будет признан справедливым, то сложится весьма комическая ситуация. По существующим обычаям и правилам автор сам может назначать исполнителей, проходить с ними партии на репетициях, дирижировать оркестром во время спектаклей. Выходит, все эти права перейдут теперь к купцу Стелловскому. Суд признал доводы защиты основательными и отказал издателю в иске. Кроме того, так как Стелловский 10 лет не издавал партитуру «Русалки», с него взыскали 1000 р. в пользу композитора и судебные издержки. К сожалению, автор «Русалки» не успел воспользоваться благоприятным решением суда. Стелловский подал прошение в кассационный департамент Сената, где оно рассматривалось в 1869 г., уже после смерти композитора. Д. В. Стасов выиграл и этот иск, но уже в пользу наследников.

Подобные судебные разбирательства возникали неоднократно, так как в законах не было четкого определения права литературной собственности. После процессов с участием Д. В. Стасова в 1868 и 1870 гг. были введены законы о праве литературной собственности с использованием предложенных Стасовым формулировок. Было принято, что право литературной собственности складывается из трех отдельных прав: владения, пользования и распоряжения. Полное право собственности появляется лишь при соединении этих прав в одном лице. Право владения

и пользования без права распоряжения не составляют еще права собственности. Редактор повременного издания пользуется лишь личным правом, издатель же имеет право имущественное, которое может переходить к его наследникам. Собственник может потребовать через суд, но не может сам определять меру вознаграждения за нарушение его права собственности.

Своевременная продажа авторских прав издателю играла и положительную роль. Только благодаря тому, что Юргенсон издал три отрывка из оперы П. И. Чайковского «Воевода», они стали известны, так как остальную партитуру оперы композитор уничтожил. Юргенсону Чайковский продал для издания и партитуру оперы «Орлеанская дева». Петербургскому издателю Бернарду обязан своим появлением музыкальный цикл П. И. Чайковского «Времена года». В 1877 г. издатель предложил композитору написать для его музыкального журнала 12 пьес, по одной каждый месяц. Он же предложил и названия пьес, которые в течение года были написаны и изданы. В 1872 г., не имея еще связей в Петербурге с дирекцией императорских театров, П. И. Чайковский пишет из Москвы начальнику репертуара: «...на сих днях через посредство музыкального торговца г. Бесселя к Вашему превосходительству будет доставлена полная партитура только что оконченной мною четырехактной оперы „Опричник“» [32, с. 120]. Чайковский продал В. В. Бесселю право на издание оперы за 1000 р. За каждое представление оперы (14 раз в Петербурге и 10 раз в Москве) издатель, согласно договору, получал по 200 р. После смерти композитора Бессель вступил в конфликт с дирекцией театров, не желая отдавать бесплатно оперу для ее постановки в Мариинском театре. Чтобы внести ясность в этот вопрос, газета «Новое время» выступила в октябре 1896 г. со статьей «Положение вопроса об авторском гонораре в дирекции императорских театров». В примечании было сказано, что статья напечатана «ввиду недоразумения относительно авторских прав», возникшего по поводу «Опричника» Чайковского между дирекцией театров и собственником этой оперы.

Тот же В. В. Бессель стал владельцем оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов». Ловкий делец буквально за гроши приобрел в начале 1873 г. права на оперу и начал через свой журнал «Музыкальный листок» убеждать

дирекцию театров в необходимости ее постановки. Авторский гонорар за постановку, естественно, принадлежал Бесселю. Впоследствии Бессель полностью так и не выплатил Мусоргскому даже той небольшой суммы, которую должен был уплатить.

Перед смертью М. П. Мусоргского его друзья оформили завещание, по которому авторские права на все свои музыкальные сочинения, как изданные, так и неизданные, он передавал своему приятелю, государственному контролеру Т. И. Филиппову «в полную и единственную его собственность», оценивая эти права в 2000 р. серебром. Завещание, заверенное нотариусом «за болезнью» композитора, подписал А. А. Голенищев-Кутузов. В качестве свидетелей поставили подписи В. В. Стасов, Н. А. Римский-Корсаков, Ф. Д. Гриднин. В дальнейшем этот документ сыграл важную роль в публикации наследия Мусоргского [33]. Благодаря усилиям Н. А. Римского-Корсакова оперы Мусоргского стали известны широкой публике. Римский-Корсаков считал, что, редактируя и переоркестровывая «Бориса Годунова» и «Хованщину», он не зачеркивает первоначальную авторскую редакцию. Фактически Римский-Корсаков создал свои собственные варианты опер и выступил не как редактор, а как соавтор Мусоргского.

Оригинальный способ заключения договоров с авторами по защите прав издаваемого журнала применил Н. А. Некрасов. В 1856 г. он заключил с И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым, А. Н. Островским и Д. В. Григоровичем «Обязательное соглашение» об их исключительном сотрудничестве с журналом «Современник». Соглашение действовало два года. После этого никто из названных авторов, кроме А. Н. Островского, в журнале больше не печатался.

Литературные псевдонимы также становятся объектами защиты авторских прав.

«Время», журнал братьев Достоевских, в 1862 г. напечатал «открытое письмо» Г. П. Данилевского. Писатель выступил в защиту своего исключительного права на литературную подпись-псевдоним «А. Скавронский», которой он подписывал свои сочинения. Письмо было направлено против литератора А. Ушакова, избравшего себе тот же псевдоним. В рецензии на письмо, напечатанной в «Современнике», М. Е. Салтыков-Щедрин писал, что этот мелколичный вопрос представляет собой лишь

тщеславную заботу Данилевского. Ф. М. Достоевский счел себя задетым рецензией и в номере втором журнала «Время» за 1863 г. напечатал статью, где, не называя имени, дискредитировал литературную и личную репутацию Салтыкова. Между Салтыковым и Достоевским началась журнальная полемика [34].

Историю продажи Ф. М. Достоевским авторского права на свой роман «Игрок», где главную роль играет уже знакомый нам издатель Ф. Т. Стелловский, рассказала в своих воспоминаниях жена писателя, А. Г. Достоевская. В этом рассказе хорошо показаны методы действий нечистоплотных издателей.

«Неотложных долгов было до трех тысяч. Федор Михайлович всюду искал денег, но без благоприятного результата. Когда все попытки уговорить кредиторов оказались напрасными и Федор Михайлович был доведен до отчаяния, к нему неожиданно явился издатель Ф. Т. Стелловский с предложением купить за три тысячи права на издание полного собрания сочинений в трех томах. Мало того, Федор Михайлович обязан был в счет той же суммы написать новый роман.

Положение Федора Михайловича было критическое, и он согласился на все условия контракта, лишь бы избавиться от угрожавшего ему лишения свободы.

Условие было заключено летом 1865 года, и Стелловский внес у нотариуса условную сумму. Эти деньги на другой же день были уплачены кредиторам; таким образом, Федору Михайловичу не досталось ничего на руки. Обиднее всего было то, что через несколько дней все эти деньги вновь вернулись к Стелловскому. Оказалось, что он скупил за бесценок векселя Федора Михайловича и через двух подставных лиц взыскивал с него деньги. . . Самое же тяжелое условие заключалось в обязательстве доставить новый роман к 1 ноября 1866 года. В случае недоставления к сроку Федор Михайлович платил бы большую неустойку; если же не доставил бы роман и к 1 декабря того же года, то терял бы права на свои сочинения, которые перешли бы навсегда в собственность Стелловского. . .

Подходило 1 ноября, срок доставки романа Стелловскому, и у Федора Михайловича возникло опасение, как бы тот не вздумал схитрить и с целью взять неустойку отказаться под каким-нибудь предлогом от получения рукописи. . . В тот же вечер я упросила мою мать съездить

к знакомому адвокату. Тот дал совет сдать рукопись или нотариусу, или приставу той части, где проживает Стелловский, но, разумеется, под расписку официального лица. . . Как мы предвидели, Стелловский схитрил: он уехал в провинцию, и слуга объявил, что неизвестно, когда он вернется. Федор Михайлович поехал тогда в контору изданий Стелловского и пытался вручить рукопись заведующему конторой, но тот наотрез отказался принять, говоря, что не уполномочен на это хозяином. К нотариусу Федор Михайлович опоздал, а в управлении квартала днем никого из начальствующих не оказалось. . . лишь в десять часов вечера удалось ему сдать рукопись в конторе квартала N-ской части и получить от надзирателя расписку. . .

В конце 1870 года выяснилось одно обстоятельство, благодаря которому мы имели возможность получить значительную для нас сумму, именно: Стелловский. . . издал в отдельном издании роман „Преступление и наказание“. Согласно договору, Стелловский обязан был уплатить мужу свыше тысячи рублей. И вот роман уже издан, а издатель ничего не хотел платить. . .» [35, с. 203]. Ф. М. Достоевскому пришлось обращаться в литературный фонд с просьбой выдать деньги под иск, предъявленный Стелловскому.

В 1870 г. писатель и драматург А. К. Толстой составил завещание, по которому собственность на все написанные им сочинения и рукописи переходила к его жене С. А. Толстой. 28 сентября 1875 г. А. К. Толстой скончался, а в ноябре того же года его вдова выступила на заседании Общества любителей российской словесности и отказалась от получения гонораров за произведения писателя в пользу нуждающихся русских литераторов [36].

В июне 1878 г. в Париже проходил I Международный литературный конгресс; председатель конгресса — знаменитый В. Гюго. Конгресс был устроен по инициативе французского общества писателей для «выяснения некоторых теоретических и многих практических вопросов». Присутствовало 300 писателей из 14 стран. По инициативе И. С. Тургенева от России были приглашены Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров, Я. П. Полонский, но они не приехали. Русская делегация была представлена И. С. Тургеневым, П. Д. Боборыкиным, М. М. Ковалевским, Б. А. Чивилевым, С. Ф. Ша-

В 1876 г. журнал «Дело» опубликовал таблицу гонораров писателей XIX в.

Плата за лист		
	1825—1850 гг.	1850—1875 гг.
1-й разряд		
Самые популярные поэты и беллетристы	300—500 р. (Бестужев), 1000 р. (Грибоедов)	700—1750 р. асс. (200—500 р. сер.)
Высшая плата за критические и ученые статьи	400 р. (Сенковский)	435 р. асс. (125 р. сер.)
Первые критики и публицисты получали в год	3000—5000 р. (Белинский)	
2-й разряд		
Второстепенные беллетристы	50—100 р.	170—350 р. асс. (50—100 р. сер.)
Второстепенные критики, историки и пр.	50—100 р.	175—350 р. асс. (50—100 р. сер.)
Лучшие переводчики	50—100 р.	87 1/2 р. асс. (25 р. сер.)
В «энциклопедических словарях» за двойной лист	200 р. (у Плюшара)	262—420 р. асс. (75—120 р. сер.) (у Толя и Краевского)
3-й разряд		
Обыкновенные переводчики	5—10 р.	17—35 р. асс. (5—10 р. сер.)

Примечание. С 30-х до начала 50-х гг. цены на квартиры, мясо, хлеб, дрова и т. д. увеличились по крайней мере в 3 1/2 раза и ассигнационный рубль превратился в 1 р. серебром (3 р. 50 к. ассигнациями).

раповым и Л. А. Полонским. Основное внимание конгресс уделит обсуждению проблемы создания международных законов, охраняющих авторские права. Вице-президентом второй комиссии конгресса, занимавшейся вопросами международного права литераторов, был избран И. С. Тургенев. В одном из своих выступлений он сказал: «Мы, русские, пока не можем обещать платить авторские деньги за переводы с французского на русский язык. Вы, французы, нас вовсе не переводите и почти вполне игнорируете нас; мы же переводим все ваши новинки. И кто у нас занимается переводными работами?

Бедная молодежь: курсистки и студенты, для которых эта работа часто составляет единственное средство к существованию» [37].

Члены русской делегации обсуждали вопрос: стоять ли русским писателям за или против признания литературной собственности иностранцев. Тургенев и Боборыкин полагали, что полное отрицание этого права иностранных авторов было бы явной несправедливостью. В то же время безусловное признание за переводчиками обязанности вознаграждать литераторов сделало бы немыслимым появление на русском языке целого ряда научных сочинений, так как они и без того едва окупаются. Тургенев добровольно принял на себя обязанность защищать это мнение на конгрессе, что при тогдашнем настроении французских литераторов было мужественным поступком.

Когда на заседании Тургенев стал на сторону переводчиков против авторов, то поднялся такой возмущенный шум, что докладчик не мог продолжать. Некоторые французские литераторы утверждали, что русские переводчики наживаются на их романах [38].

И. С. Тургенев был разочарован работой международного литературного конгресса. В письме к П. В. Анненкову 14 июня 1878 г. он писал: «Разумеется, мы ничего не решили и ни к какому результату не пришли».

Лишь в 1886 г. была заключена Международная конвенция по защите прав авторов на их литературные и художественные произведения.

Меценаты и издатели

В 80-х гг. начал свою деятельность известный русский музыкальный издатель, богатый коммерсант-лесопромышленник М. П. Беляев. Композитор А. К. Глазунов вспоминает: «Когда у меня накопились готовые произведения, М. А. Балакирев нашел для них издателя в лице Хованова, преемника фирмы Иогансена. Хованов немедленно приступил к изданию Квартета и Сюиты. Но затем, истратив значительную сумму денег и не предвидя барыша, отказался от своего намерения продолжать дело издания моих произведений. Этим обстоятельством отчасти и воспользовался Митрофан Петрович. Он задумал свое собственное издательское дело, перекупил у Хованова мой Квартет и Сюиту и предложил мне свои услуги для даль-

нейших изданий. Я без колебания дал согласие и передал ему право на Первую увертюру на греческие темы, которая и вошла в каталог фирмы „М. П. Беляев“ под первым номером» [39, с. 29].

Условие на издание первых сочинений Глазунова было подписано 4 июля 1884 г. 2 июля 1885 г. в реестр торговых предприятий Лейпцига была занесена русская ното-издательская фирма «М. П. Беляев в Лейпциге». Беляев, организуя издательскую фирму не в России, а в Германии, проявил предусмотрительность и дальновидность.

Между Россией и другими государствами еще не было заключено соглашений об охране авторских прав. Произведения русских композиторов, которые задумал издавать Беляев, если бы они были изданы в России, не имели бы правовой защиты от перепечаток и переделок за границей. Их авторские права не охранялись ни в Западной Европе, ни в Америке. Марка немецкого издательства обеспечивала право авторской собственности во всем мире.³ В России продажу беляевских изданий осуществляло музыкальное издательство Юргенсона. Главной задачей издательства Беляева было содействовать распространению и поощрению творчества русских композиторов. Впервые в мировой музыкальной практике было создано издательство, поставившее перед собой идейно-художественные задачи, исключаящие цели наживы. Произведения, принимаемые к изданию, обязательно оплачивались. И это происходило в то время, когда начинающий автор мог в лучшем случае рассчитывать на безвозмездное издание своих сочинений. Гонорары, установленные издательством Беляева, были значительно выше, чем в других издательствах. Долгое время себестоимость изданий едва окупалась, и лишь позднее образовалась некоторая прибыль, причем средства сразу вкладывались в расширение выпуска сочинений. В. В. Стасов отмечал: «Для этого надо Бог знает сколько самоотвержения, энергии, мужества, искренней преданности любимому предмету. Это все и соединилось в высшей степени в лице М. П. Беляева и отводит ему особенное, совершенно своеобразное место в ряду музыкальных издателей, не только наших, но и всяких».

³ Теми же соображениями руководствовался С. А. Кусевицкий, когда в 1909 г. организовал «Российское издательство» в Берлине.

По инициативе Беляева был создан «Музыкальный комитет». Члены комитета, композиторы Н. А. Римский-Корсаков, А. К. Глазунов и А. К. Лядов, стали активными участниками всех издательских дел, вели переписку с лейпцигской конторой и авторами, затрачивая много времени на безвозмездное исправление корректур. Римский-Корсаков писал Беляеву: «Поверьте, Митрофан Петрович, наше издательское дело, хотите Вы этого или не хотите, стало мне ужасно близко и дорого, как будто оно мое собственное» [40].

Основанное Беляевым издательство просуществовало до 1917 г.

Из переписки В. В. Стасова и П. И. Чайковского о получении денежных премий за симфоническую фантазию «Буря» и увертюру «Франческа да Римини» видно, что беляевское издательство не преследовало материальных выгод.

Чайковский — Стасову, 23 ноября 1884 г.: «Многоуважаемый и добрейший Владимир Васильевич! Только что получил Ваше письмо и спешу ответить Вам следующее: убедившись опытом, что никакой службы без ущерба для моего здоровья нести не могу, я уже несколько лет живу исключительно тем, что мне приносят мои сочинительские труды. . . Прошу Вас, многоуважаемый Владимир Васильевич, передать мою искреннюю благодарность неизвестному лицу, столь щедро вознаграждающему труд русских музыкантов».

Стасов — Чайковскому, 27 ноября 1886 г.: «Глубокоуважаемый, глубоко ценимый и глубоко дорогой Петр Ильич! . . . Посылаю при сем 500 рублей, назначенные Вам неизвестным „доброжелателем“ (М. П. Беляев. — Авт.) за „Франческу да Римини“. . . от имени неизвестного возобновляю просьбу: принять этот небольшой гонорар или премию, имея между прочим в виду слова 1-го письма неизвестного ко мне при посылке премий в 1884 г.: „Я покорнейше прошу тех композиторов, которые по своим средствам считали бы мою лепту ничтожной, не отказываться от нее, щадя самолюбие менее достаточных“».

Чайковский — Стасову, 2 декабря 1886 г.: «Глубокоуважаемый Владимир Васильевич! Сегодня получил Ваше письмо и деньги. Не буду упорствовать в выраженном при свидании в Петербурге нежелании получать впредь премии от „неизвестного“. То, что он говорит о надобности „щадить самолюбие менее достаточных“,

убедило меня в том, что я напрасно дал волю своей щепетильности. Я забыл, что она основана на гордости разбогатевшего человека, отказавшегося от материального блага потому, что он в нем перестал нуждаться; я забыл, что среди композиторов, получающих премию от „неизвестного“, есть, например, глубокоуважаемый Н. А. Римский-Корсаков, который, вероятно, щепетилен нисколько не менее меня, а нуждается бесконечно больше. Итак, принимаю и от души благодарю как „неизвестного“, так и Вас».

Намереваясь открыть собственное издательство, А. С. Суворин обратился в 1877 г. к И. С. Аксакову с просьбой помочь в приобретении прав на сочинения М. Н. Загоскина и к П. И. Бартеневу — в приобретении прав на сочинения славянофила А. С. Хомякова. Через несколько лет Суворин попытался также получить права на издание сочинений Н. В. Гоголя, но не смог удовлетворить финансовых требований наследников писателя. Они соглашались уступить право литературной собственности за 50 тыс. р. и вдобавок выкупить с 12 % -ной скидкой оставшиеся не проданными 8000 экземпляров книг писателя.

В 1886 г. Суворин приобрел право литературной собственности на сочинения Н. А. Некрасова у брата поэта, Ф. А. Некрасова. В своих известных выпусках «Дешевой библиотеки» Суворин печатал сочинения умерших русских писателей после того, как истекал 50-летний срок, в течение которого авторские права оставались за наследниками. Он выпускал произведения А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, Д. В. Давыдова, Н. И. Языкова, Е. А. Баратынского и др. Если же права необходимо было приобретать, то это делалось лишь при особой сговорчивости наследников. Вдова В. А. Соллогуба продала Суворину право на издание восьми повестей всего за 400 р. А. П. Чехов вспоминал, что, издавая в «Дешевой библиотеке» произведения живых писателей, Суворин платил им 100 р. за каждые 5000 экземпляров напечатанной книги независимо от объема рукописи и популярности писателя [41].

В январе 1899 г. А. П. Чехов начал переговоры с издателем А. Ф. Марксом о продаже ему права на все свои произведения. В то же время и А. С. Суворин приступил к печатанию собрания сочинений Чехова. Это не помешало Чехову закрепить сделку с А. Ф. Марксом

договором, который по его доверенности подписал П. А. Сергеевко. Печатание собрания сочинений в типографии Суворина было прекращено.

Адольф Федорович Маркс — издатель известного дореволюционного журнала «Нива», в приложении к которому выпускались произведения русских классиков. И. Э. Грабарь писал о нем в «Автобиографии»: «Осторожный и умный, он был яркой фигурой на фоне петербургских журналистов... Маркс создал свое гигантское издательское дело не столько сам, собственными усилиями, сколько подбором людей... Он не был жаден и скуп, как большинство людей, превратившихся из бедняков в миллионеров, он шел на широкие перспективы и не жалел затрат, если его удавалось убедить в своевременности и бесприкрытости той или иной затеи. Но вкус его не поднимался выше уровня мещанских немецких иллюстрированных журналов».

На громадные доходы, получаемые от продажи журнала «Нива», А. Ф. Маркс сумел купить авторские права на условиях разового или многолетнего их использования у наследников или самих писателей и выпустить целый ряд собраний сочинений — А. Майкова, Я. Полонского, Ф. Достоевского, Н. Гоголя, И. Тургенева и др. в виде бесплатных приложений к журналу.

А. П. Чехов, объясняя заключение договора с А. Марксом, писал своему брату Ивану (18 января 1899 г.): «Эта продажа имеет 2 очень хорошие стороны: 1) получу сразу 75 тысяч и 2) избавлюсь от суворинских беспорядков».

16 января 1899 г. Чехов из Ялты направил телеграмму Суворину: «Маркс предлагает право собственности 50 000. Прошу 75 000. Телеграфируйте Ваше мнение. Что делать. Кланяюсь. Чехов».

А. С. Суворин — А. П. Чехову, 18 января 1899 г.: «Маркс дает 75 000. Толстой говорит, что за одно приложение к „Ниве“ Ваших вещей можно дать 50 000. „Нива“ этого не избегнет года через 2. Надо бы знать Ваши побуждения, причины продавать не только настоящее, но и будущее. Последнее особенно тяжело, это своего рода кабала. Десять листов в год Вам дадут пять тысяч, а он не дает пяти тысяч за книжку в полную собственность. Подождите продавать. Напишите мне, что Вас заставляет это делать. Не знаю, какая сумма Вас может вывести из затруднения, но если Вы можете обойтись

двадцатью тысячами, я Вам их тотчас вышлю. Это я могу и хотел бы сделать от всей души. Не решайтесь так быстро, подумайте. . .».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 19 января 1899 г.: «Главное побуждение: хочется привести дела в некоторый порядок. Продолжаю торговаться. Прошу за будущие произведения 250 рублей за лист и надбавки каждые пять лет по 250 рублей. Кланяюсь. Чехов».

26 января договор с А. Ф. Марксом был заключен. Гонорар в сумме 75 тыс. р. Маркс обязался выплатить в несколько приемов в течение двух лет. В 1901 г. А. П. Чехов окончательно порвал с А. С. Сувориным деловые и личные отношения [42].

По желанию Л. Н. Толстого русские издатели в 80-х гг. получили право на безгонорарное издание его сочинений. Противоречивость мировоззрения Л. Н. Толстого сказалась и в его отношении к писательскому труду. Лев Николаевич в последние десятилетия своей жизни совершенно отрицал профессионализм в искусстве, считая его аморальным. Он с презрением говорил о литераторах, сделавших из своего искусства средство зарабатывать деньги для своего существования. Он был против авторских прав и сам от них решительно отказался. Из-за этого возник конфликт с женой, Софьей Андреевной. В. Катаев писал: «Толстой считал, что всякое искусство должно быть как бы естественным выражением народной потребности в прекрасном, тем, что сейчас называется самодеятельным. В чем-то здесь он был, конечно, недалек от истины. Но лично мне, писателю, профессиональному, живущему на деньги, заработанные своей беллетристикой, очень больно сознавать осуждение этого, то есть всей моей жизни, великим Львом Толстым. Однако сам он неоднократно высказывал поразительно верные мысли о писательском мастерстве, не о самодеятельном, а именно о профессиональном, сам-то он, что бы там ни говорили, был настоящий профессионал, непревзойденный мастер своего дела и в глубине души от этого не мог отказаться даже в самый последний период своей жизни <...>

„Не отвлекайтесь далеко от сюжета главного, — учит Толстой молодого писателя, — и кончайте, и присылайте“. И заканчивает свою консультацию уже совсем профессионально: „Сытин платит всем по 30 и 50 рублей за лист“» [43, с. 237].

Устроителем первого профессионального театра на Руси стал пастор московской лютеранской кирхи И. Г. Грегори (1662 г.). Театр предназначался для «потех» царской семьи и приближенных. В селе Преображенском была построена огороженная высоким забором деревянная «комедийная хоромина». Стены были обиты красным, а пол зеленым сукном. Потолок был окрашен в голубой цвет. Часть «хоромины» была отделена занавесом и служила сценой.

Первые пьесы разыгрывали дети служивых и торговых иноземцев. После спектаклей царь Алексей Михайлович щедро одаривал Грегори соболями, а «комедиантов» — правом получать «корм» из царского дворца. Но проходило время, царь забывал кормить актеров и музыкантов, и им приходилось напоминать о своей судьбе: «И по ныне, государь, скитаюсь я, иноземец, здесь по Москве, промеж чужих дворов без корму и без надежды, помираю голодную и холодною смертию». В год кончины царя (1676) актеры разбежались.

В 1702 г. в Москве открылся первый публичный театр. По указу Петра I его создал венгр Ян Справский, который привез из Гданьска актерскую труппу Яна Кунста. По прибытии в Москву актерам определили жалованье и поселили на постоялом дворе. Посольские дьяки присоединили к труппе двенадцать русских посадских. В начале 1706 г. закончились очередные двухгодичные контракты, и актеры уехали из России. Царь почти перестал посещать Москву, и театр прекратил существование.

Первый русский драматург А. П. Сумароков был адъютантом графа К. Разумовского. В 1759 г. он организовал театральную труппу из студентов Московского университета, и под названием Российский театр она стала играть драматические и комические сочинения Сумарокова, который с разрешения императрицы Елизаветы Петровны стал директором и режиссером общественного театра. Это был первый в России прецедент, когда автор хотя и косвенно стал получать вознаграждение за свои произведения.

Сумароков обижался, что его драмы играют независимо от его желания, не уплачивая ему гонорара; «и довольствуются доходами от моих трудов они, а не я».

В 1761 г. лучшие актеры Российского театра были

взяты в Петербургский придворный театр. Русский театр в Москве прекратил существование.

В 1765 г. итальянцы К. Сантини и А. Поме подали прошение о выдаче им привилегии на организацию «непрерывных спектаклей». Театр создать им не удалось, так как в том же году пятилетнюю привилегию на содержание русского публичного театра в Москве получил полковник лейб-гвардии Семеновского полка Н. С. Титов. Уже после первого сезона Титов потерпел убыток в сумме около 2000 р. Владелец просил покрыть этот дефицит из государственных средств и «отдать в дирекцию мне маскарады и концерты, в которые собираемыми за входы деньгами может увядающий ныне театр оживление и новое бытие получить». В 1769 г. театр Титова окончательно распался как убыточный.

Как же обстояли дела с соблюдением авторских прав сочинителей, пишущих для театра, т. е. драматургов? Авторские права русских драматургов практически не признавались. Гонорары выплачивались только Петербургской и Московской конторами императорских театров. Одним из первых случаев покупки права на театральную постановку явилось приобретение известным актером Я. Г. Брянским, отцом А. Я. Панаевой, рукописи комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Рукопись была куплена за 1000 р. у Ф. Булгарина для бенефиса актера, состоявшегося 16 января 1831 г. [44].

Владельцы частных театров (позднее их стали именовать антрепренерами) ставили пьесы и не платили за них авторские гонорары. Для защиты прав драматургов по инициативе А. Н. Островского было создано Общество русских драматических писателей и оперных композиторов (ОРДП и ОК).

29 ноября 1870 г. на квартире переводчика В. И. Родиславского состоялась первая совместная встреча драматургов. Было решено не позволять ставить в театрах пьесы без согласия авторов или лиц, уполномоченных авторами. Собрание решило считать основными признаками драматического сценического представления публичность и платность. На последующих собраниях были утверждены до создания Устава общества правила организации и намечены города, где следовало назначить его агентов.

Устав Общества был принят на собрании учредителей 21 октября 1874 г. В члены общества вступил 81 пи-

сатель. Среди них А. Н. Островский, А. К. Толстой, Г. П. Данилевский, П. Д. Боборыкин, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, А. Ф. Писемский, Н. С. Лесков, М. Е. Салтыков-Щедрин. Основной целью общества являлась охрана принадлежащего по закону русским драматическим писателям и переводчикам права самим разрешать публичное исполнение их произведений. Каждый автор, ставший членом Общества, был обязан передать ему право на разрешение исполнения своих пьес. Охране подлежали только драматические произведения, оригинальные и переводные. С 21 октября 1875 г. в члены Общества стали приниматься и композиторы, авторы опер и балетов.

Во всех городах Российской империи, где существовали театры, клубы, дворянские собрания и где можно было рассчитывать на получение авторских гонораров, появились агенты Общества. Они подбирались из числа любителей театра независимо от занимаемых должностей. С каждым плательщиком (владельцем театра, клуба и т. д.) агент заключал соглашение, по которому устроитель спектакля давал подписку об исправной выплате авторских гонораров. Если антрепренер переставал платить, агент имел право через нотариуса запретить ему постановку пьес, принадлежащих авторам, членам Общества. Выплаты гонораров за концертные программы Общество не производило.

С 1881 г. директором императорских театров стал И. А. Всеволожский, сменивший барона К. Кистера, который пренебрежительно относился к русскому искусству. Была создана комиссия по составлению проекта Положения об управлении императорскими театрами. А. Н. Островского пригласили в члены комиссии. Он представил записку, в которой сравнивал положение русских и западноевропейских драматургов. Французские и итальянские авторы, пишущие для театра, кроме премий, бесплатных билетов и других льгот, получают за четырех- и пятиактные пьесы по 10 % полного сбора всех театров страны, а русские только 4 4/9 % от сборов лишь московского и петербургского театров (по Положению от 13 ноября 1827 г.). Комиссия к апрелю 1882 г. выработала проекты уставов театрально-литературного и оперного комитетов, положение об авторском гонораре, о правах и обязанностях артистов и другие документы, используя идеи, предложенные А. Н. Островским. Все доку-

менты были высланы на имя министра императорского двора графа И. И. Воронцова-Дашкова, где и остались на годы. Все же 21 марта 1882 г. было впервые утверждено положение об авторском гонораре за драматические произведения, поступающие на театральную сцену. За оригинальные пьесы устанавливался гонорар по 2 % от общего сбора за каждый акт, а за переведенные — по 1 %. При этом автор обязывался не чинить препятствий к постановке этих пьес частными театрами.

В 1886 г. А. Н. Островский после длительной борьбы был назначен заведующим репертуарной частью императорских московских театров (жалованье 5000 р. в год и квартирные 800 р.), а его приятель А. А. Майков — управляющим хозяйственной частью. В его обязанности входило также заключение контрактов с артистами. При этом Майков чрезмерно экономил средства, что часто вредило художественной стороне, порождая осложнения с труппой. В одном из писем Островскому Майков писал: «Я имею достаточное основание подозревать, что по поводу возобновления контрактов с артистами, особливо оперными, составлен против нас заговор: их поучают возвышать плату в том предположении, что они, получивши от меня отказ (ибо бюджет на 86 год прежний), уйдут; для Вас же они необходимы» [45, с. 348].

Дирекция императорских театров по-разному принимала актеров на службу. Чаще всего сначала актеру давали дебют, а потом решали — подписывать с ним контракт или нет. Ф. И. Шаляпину не нужно было добиваться поступления в казенные театры, наоборот, директор московских театров В. А. Теляковский мечтал переманить певца из частного театра С. И. Мамонтова.

Вот как вспоминает об этом В. А. Теляковский: «Возобновление контрактов с Шаляпиным каждый раз являлось целым событием, требовавшим очень хитрой тактики. Это была продолжительная комедия, играть которую надо было ловко и осторожно. Срок окончания контракта у Шаляпина был особенный — у него контракт истекал не 1 сентября, как у всех артистов, а 23 сентября. Так был заключен мой первый контракт с Шаляпиным в 1899 г., так срок этот и оставался все время его службы в дирекции императорских театров до 1917 г. Срок этот представлял ту тактическую выгоду, что, согласно ему, Шаляпин оставался связанным договором на несколько представлений начинавшегося с первого сентября нового

сезона. Я нанимал его по репертуару, и таким образом, начав с ним сезон на основании старого неистекшего договора, втянув его в водоворот, обеспечивал себе немного более легкие позиции для заключения нового контракта. Контракты я заключал всегда продолжительные, года на 3 или 4, потому что успех Шаляпина все возрастал, а наряду с возрастающим успехом росли и его материальные требования, и было выгоднее связать его на несколько лет вперед».

Первый контракт Шаляпина с Московской конторой императорских театров истекал 23 сентября 1902 г. При его заключении в 1898 г. тогдашний директор императорских театров Всеволожский сказал: «Нельзя платить такие дорогие деньги басу» (около 300 р. за спектакль). В это же время в Петербурге заключали контракт с басом Парижской Большой оперы Дельмасом по 1500 р. за выход.

Гонорар Шаляпина за сезон 1902 г. составлял 10 тыс. р. «Теперь он запросил 40 тыс. рублей в год, 1000 рублей за спектакль, и ни на какие уступки не шел и не хотел заключать длинного контракта, но я настаивал на продолжительном сроке — на сроке в 5 лет. Переговоры тянулись более 6 часов. Я сидел с Шаляпиным в моем кабинете, а рядом в залу был посажен делопроизводитель, который с бланками контрактов сидел за столом и записывал по порядку вырабатываемые Шаляпиным особые пункты нового контракта. Я был очень рад, что закрепил Шаляпина за дирекцией еще на 5 лет и связал его крупной неустойкой в 200 тыс. рублей. Конечно, заключение с русским артистом контракта за такую сумму произвело сенсацию. Никогда еще русский артист не был оценен так высоко. Никого не удивляло, когда большие суммы уплачивали иностранцам, но для русских артистов это было новостью. До Шаляпина наиболее высокий гонорар имел Н. Н. Фигнер, получавший 25 тыс. за сезон.

Второй контракт Шаляпина истекал 23 сентября 1907 г. Шаляпин всячески уклонялся от переговоров. Наконец, поздней ночью, мне удалось усадить его за мой письменный стол и продиктовать ему следующее официальное письмо ко мне, которое пока заменяло собой контракт и было обязательно для обеих сторон:

„Милостивый государь Владимир Аркадьевич (Теляковский. — Авт.), на предложение Ваше спешу уведомить, что я согласен петь в Мариинском театре в тече-

ние четырех сезонов между 30 августа и началом великого поста по 27 спектаклей в сезон за пятьдесят тысяч рублей, причем сезон должен продолжаться от двух с половиной до трех месяцев, причем время (месяцы участия) и другие подробности моего контракта будут выяснены к январю или февралю 1908 года и Вам сообщены дополнительно. При сем присовокупляю, что для избежания всяких недоразумений я вынужден отказаться наотрез как от своего собственного бенефиса, так равно и от участия в каких бы то ни было бенефисных или юбилейных и всяких благотворительных.

СПб.

Федор Шаляпин“.

29 августа 1907 г.

Так, без настоящего контракта, Шаляпин пел пять лет» [46, с. 188—248].

С 1900 г. Русское театральное общество (РТО) подобно Обществу русских драматических писателей взяло на себя охрану авторских прав сочинителей произведений для театра. Из РТО в 1904 г. образовался Союз драматических и музыкальных писателей. Основной его задачей стала охрана авторских прав.

Глава III

О праве первородства.

Изобретательское право за рубежом

Защищайте свое право

Когда нет тайны. В отличие от И. Гутенберга знаменитый астроном Средневековья Тихо Браге не делал секретов из своих изобретений. Он щедро знакомил многочисленных учеников со всеми инструментами, построенными в его «Небесном замке» на датском острове Вен. Но это вовсе не означало, что изобретения можно было присваивать и что Т. Браге относился к этому безразлично. Несмотря на отсутствие всякого законодательства, устанавливающего авторство, знаменитый астроном с осуждением отзывался о лицах, пытавшихся выдать его изобретения за свои. Присвоение чужого приоритета подлежало моральному осуждению.

Астрономический секстант для измерения высот был построен в 1577 г., а через несколько лет Т. Браге писал, что приоритет в изобретении секстанта пытались присвоить люди, «которые несколько изменили его внешний вид, точно так же, как в случае с несколькими другими моими изобретениями, которые некоторые люди, как в Германии, так и в других местах, не стыдились себе присваивать» [1, с. 103]. Бывший ученик астронома П. Виттих приписывал себе открытие метода трансверселей, изобретение устройства для визирования и стальной секстант. «Этот метод был присвоен некоторыми в Германии, после того как Виттих, который узнал его от меня, обнародовал его в Касселе вместе с устройством диоптров и, кажется, даже предложил его для продажи, как если бы оно принадлежало ему», — утверждал Т. Браге. Стальной секстант после обнародования его Виттихом построили Вильгельм IV Гессен-Кассельский и несколько других астрономов и стали в свою очередь считать себя изобретателями этого прибора. И хотя Т. Браге добивался лишь морального осуждения нарушителей его приоритета, так как для него собственные изобретения не были связаны с какими-либо материальными правами, можно

сделать вывод, что уже существовало, хотя и не выраженное юридически понятие о приоритете.

Кто изобрел маятниковые часы? До сих пор остается не решенным вопрос о приоритете в изобретении маятниковых часов. Известно, что арабский ученый Ибн Юнис применял маятник для измерения времени в начале XI в., но способ его использования остался неизвестен [2].

Имеется эскиз, сделанный в конце XV в. рукой Леонардо да Винчи, где набросана схема применения маятника в качестве регулятора хода часов. В рукописях Леонардо да Винчи «Мадридский кодекс I» и «Мадридский кодекс II» содержится разработка теории маятника, в том числе применительно к часам. О том, использовал ли свою схему Леонардо да Винчи на практике, ничего не известно.

По свидетельству ученика и первого биографа Г. Галилея Вивiani, открытие изохронизма качаний маятника он сделал в пору своего студенчества, в 1583 г. Слушая богослужение в Пизанском соборе, Галилей заметил, что огромная люстра совершает в течение долгого времени непрерывные колебания. Считая удары пульса, он определил, что на каждое колебание люстры приходится один и тот же промежуток времени. Галилей тогда же понял, что это открытие могло бы иметь важное приложение при устройстве часов. Позднее он сформулировал закон колебаний маятника и в конце жизни (1636 г.) написал письмо Генеральным штатам Нидерландов: «У меня есть такой измеритель времени, что если бы сделать 4 или 6 таких приборов и запустить их, то мы бы обнаружили, что измеряемое и показываемое ими время не только из часу в час, но изо дня в день, из месяца в месяц не отличалось бы на различных приборах даже на секунду, настолько одинаково они шли» [2]. Сын Галилея Винченцо закончил изготовление маятниковых часов по чертежам отца, но перед смертью уничтожил их. Это изобретение Галилея держалось в строгой тайне. Вивiani опубликовал чертежи часов лишь после получения известия об изобретении Х. Гюйгенса. После этого по сохранившимся чертежам были изготовлены несколько моделей часов Галилея.

В 1657 г. голландец Х. Гюйгенс выпустил описание своих первых маятниковых часов. Это изобретение сразу сделало Гюйгенса самым известным человеком в Гааге, но ряд лиц выступили с опровержением его приоритета.

Гюйгенс ничего не знал об изобретении Галилея. Когда в 1660 г. он получил от астронома Буйо чертеж часов Галилея, то в ответ написал: «Вы доставили мне большое удовольствие, переслав мне чертеж часов, начатых Галилеем. Я вижу, что они имеют маятник. . . но он применен не так, как у меня» [2, с. 204].

Изобретатели все больше осознают значимость приоритета, приносящего почет, известность и уважение современников и потомков.

Привилегии — монополия короля. С XVI в. в Европе, особенно в Англии и Голландии, происходил интенсивный процесс развития капиталистических форм хозяйства. Расцвели мануфактуры, национальной промышленностью Англии стало суконное производство. Сукноделием занималась большая часть городского и сельского населения. По настоянию владельцев мануфактур в Голландии в 1623, 1639 и в 1661 гг. издавались законы, согласно которым категорически запрещалось применение производительных ленточных станков в суконном производстве. Аналогичные законы издавались в Нидерландах, Германии и других странах. Через 100 лет за применение таких станков стали вводить премии для владельцев мануфактур, так как экспорт тканей приносил более половины всех доходов от внешней торговли. Стимулирование технического развития суконного производства привело к увеличению числа изобретений и усовершенствований.

Наряду с моральными аспектами авторства на первый план выдвигается материальная сторона, т. е. те выгоды, которые может принести приоритет в использовании изобретений. Изобретательство приняло массовый характер — им занялись ткачи, часовщики, красильщики, парикмахеры, купцы, священники и даже лорды. Изобретения либо действительно делались, либо покупались у бедных изобретателей и выдавались за свои. Некоторые, наиболее удачные резко увеличивали прибыли владельцев мануфактур. Стремясь оградить себя от конкуренции, они все чаще и настойчивее стали требовать от правительств законов, защищавших их монопольное право на применение введенных изобретений.

Перед нами документ 1619 г. за подписью английского короля Якова I Стюарта:

«Д. Дадли открыл после долгих трудов и многих дорогостоящих опытов секрет, способ и средства выплавки железной руды и производства из нее чугуна»

литья или брусков путем применения каменного угля в печах с раздувательными мехами, причем результаты получались такого же хорошего качества, как и те, что до сих пор производились при помощи древесного угля, — изобретение, еще никем до сих пор не совершенное в нашем английском королевстве. . . » [3].

Предприимчивый король нуждался в средствах и привилегии изобретателям давал в обход парламента, а размеры налога или участие в доходах определялись только королем. Яков I ничего не понимал в технике, поэтому лишь хорошие личные отношения с королем позволили отцу изобретателя лорду Э. Дадли заключить этот договор.

Выданная королем привилегия имела срок действия 31 год (в течение этого срока никто не мог применять каменный уголь для выплавки чугуна), но уже через четыре года в Англии сложились предпосылки для буржуазной революции. Окрепшая английская буржуазия и ее союзник — новое дворянство стремились захватить власть и покончить со ставшей для них обременительной монархией. Активизировалась парламентская оппозиция. В 1623 г. парламент принял решение покончить с монополией короля на выдачу привилегий и объявил многие привилегии, данные королем, недействительными. Это и был первый закон, охраняющий права изобретателей. Фактически оказалось, что этот закон больше защищал права владельцев предприятий на монопольное право применения введенных ими изобретений и усовершенствований, чем авторское право самих изобретателей. Установление привилегий на изобретения стало источником доходов для буржуазного государства — патенты и привилегии облагались большими налогами. Д. Дадли, являвшегося компаньоном отца — владельца нескольких крупных металлургических заводов, на которых работало более 20 тыс. рабочих, такой закон вполне устраивал. Но все-таки лорд Дадли и его сын посетили многих членов парламента, разъясняя им суть изобретения. Парламент дал согласие на выдачу нового патента, но теперь его длительность была ограничена 14 годами. Через некоторое время Д. Дадли потерял отца и началась настоящая травля изобретателя. Оказывается, у нового способа выплавки чугуна было много непримиримых врагов: все владельцы чугунолитейных заводов, чей металл был дороже, и углежогои, которые видели в Дадли своего разорителя.

А в это самое время, точнее в 1625 г., император Фердинанд I выдал божемскому дворянину Октавиусу де Страда привилегию на способ выплавки стали в доменной печи при помощи каменного угля: «Исполненный желанием обратить на пользу нашей страны такое выгодное изобретение, он просил нас почтительно выдать ему привилегию, дабы никто не мог воспользоваться и против его воли и без его согласия на протяжении 25 лет изобретенным им способом подготовки каменного угля с целью извлечения из этого предприятия прибыли». В казну, по закону Льежа о привилегиях, должен был поступать один пфенниг с тринадцати пфеннигов прибыли, получаемых владельцем привилегии.

Как узнал этот дворянин о способе Дадли, осталось тайной, но применить этот способ ему не удалось.

Вот как рассказывает о дальнейшей судьбе Д. Дадли профессор М. Беккерт: «Однажды ночью, спустя всего неделю после похорон отца, Дад проснулся от необычного шума. Он бросился к окну. У доменной печи он увидел множество людей. В неверном свете факелов удалось разглядеть, что эти люди разрушают кладку печи, сбрасывая кирпичи в реку. Вот чем был вызван шум! Бросившись вниз, он начал звать на помощь, но наткнулся на тела доменного мастера и двух рабочих. Они были недвижимы. В этот момент что-то придавило его к земле, и сознание его покинуло. Придя в себя, Дад увидел лицо старого Бена. Попытка подняться оказалась неудачной, тогда Бен подхватил его под руки. Так они и двинулись. Глазам их предстала ужасающая картина: доменная печь и все вспомогательные сооружения были разрушены до основания. Бен проговорил что-то, но Дад не понял. Испуганно оглядываясь по сторонам, Бен повторил: „Вы должны немедленно покинуть это место, они могут вернуться“, а затем продолжил: „Ваша жена покинула Вас, она никогда больше не вернется“» [4, с. 126—128].

Родственники жены Д. Дадли были владельцами металлургического завода, работавшего на древесном угле. Изобретатель предлагал шурина использовать свой способ получения чугуна без всяких преимуществ для себя, но тот отказался.

Дадли переехал из родного города в Страфффордшир, где построил новую доменную печь. Но и здесь все было разрушено. Изобретатель не смог поставлять чугун согласно заключенным контрактам и его посадили в лондон-

скую долговую тюрьму. Там его нашли три богатых джентльмена, которые предложили расплатиться с долгами при условии, что они возьмут у короля Карла I патент на организацию совместной компании по применению каменного угля в металлургии. Такой патент они получили в 1638 г. Но король думал лишь о личной выгоде. Незадолго до этого он уже выдал точно такой же патент двум «изобретателям» выплавки чугуна на каменном угле — Ф. Вернату и Уаймору. Они и не собирались заниматься производством, а лишь потребовали долю доходов у Дадли и его компаньонов. В это время началось восстание в Шотландии, и Дадли пошел добровольцем в армию короля, оставив компаньонам завод и судебные дела.

Вскоре король назначил изобретателя военным инженером по оснащению крепостей артиллерией, а через два года он стал генералом. Дважды солдаты армии Кромвеля брали Д. Дадли в плен, и дважды ему удавалось бежать. Его опять поймали, и лондонский суд приговорил Дадли к смертной казни. Но Дадли опять повезло. Перед казнью ему разрешили посетить церковь, откуда он, раненный, сумел бежать и пешком добрался в Бристоль. Там его обнаружил капитан Бак, которому парламент выдал еще один патент на выплавку чугуна на каменном угле; действие патента Карла I к этому времени истекло.

Нуждавшийся в средствах Дадли стал техническим советником капитана. В 1660 г. вновь победили роялисты, но Карл II, несмотря на просьбы Дадли, не выдал ему патента. Разочарованный изобретатель удалился от дел и хотя через 5 лет опубликовал книгу «Получение железа при помощи каменного угля», но так и не раскрыл в ней секрета изобретения, а лишь доказывал его полезность. Умер Дадли в 1684 г., с ним исчезла для нас и сущность его изобретения.

В печальной истории, происшедшей с Д. Дадли, в большой степени виноват патент. Он имел чисто коммерческое, «владельческое» значение и не раскрывал технической сути изобретения, что создавало возможность легкого присвоения авторства.

«На зеркало неча пенять» (Н. Гоголь «Ревизор»). В 1665 г. француз Лука де Негу изобрел новый способ производства зеркал посредством литья. Министр Людовика XIV Кольбер дал изобретателю двадцатилетнюю

привилегию. Де Негу построил свою первую во Франции зеркальную мануфактуру в Тур-ла-Вилле близ Шербура, но там производили зеркала методом дутья. В 1683 г. привилегия была продлена еще на 30 лет, но уже через год была отменена патентами в пользу многих «стеклянных фабрикантов» [5]. В 1688 г. А. Теварт возглавил общество владельцев зеркальных мануфактур, получившее от правительства 30-летнюю привилегию на производство литых зеркал. Члены общества строго охраняли секреты производства. Их крупнейшая мануфактура в Сен-Гобене имела правилом не допускать никого осматривать заведение. Английского адмирала, путешествовавшего в 1772 г. по Франции и пожелавшего осмотреть зеркальную фабрику в Сен-Гобене, не пропустили на территорию. Это до такой степени оскорбило адмирала, что он в качестве мести решил основать первую зеркальную фабрику в Англии, что и сделал в 1773 г.

Компания, основанная де Негу в Тур-ла-Вилле, с завистью смотрела на привилегию, данную обществу Теварта. И вот, впервые в изобретательской практике они нашли способ оспорить привилегию, расширив область применения.¹ Привилегия, полученная обществом Теварта, устанавливала минимальный размер литых зеркал в 60 на 40 вершков. Дутые зеркала, производимые в Тур-ла-Вилле, имели максимальный размер в 45 вершков. Компания заявила претензию на получение привилегии на изготовление литых зеркал величиной от 45 до 60 вершков, а также на более мелкие куски. Спор был прекращен только соединением обеих враждующих фирм в 1695 г.

«Пугало» Томаса Севери

В 1698 г. англичанин Т. Севери получает патент на паровой насос «друг рудокопа» для откачки воды. С помощью водяного пара в трубе создавался вакуум и вода поднималась на поверхность. Насос Севери не имел ни цилиндра, ни поршня. В то же время текст патента был составлен таким образом, что закреплял за Севери любые возможности использования водяного пара. Когда

¹ В XX в. расширение сферы применения было использовано, в частности, при получении иностранных патентов для судов на подводных крыльях, изобретенных в СССР.

Т. Ньюкомен и его помощник Д. Коули создали пароатмосферную машину для угольных шахт, они не смогли получить патент на свое изобретение [6]. Им пришлось обратиться к Севери с предложением стать их компаньоном. Лишь при этом условии изобретатели смогли в 1711 г. внедрить свою паровую машину на шахтах Англии. Машины Ньюкомена—Севери успешно применялись в течение 70 лет, пока их не заменили паровые машины Д. Уатта. Патенты, подобные полученному Т. Севери, со второй половины XIX в. стали называть патентами-пугалами.

Первая универсальная паровая машина для практических целей была изобретена в России И. И. Ползуновым в 1763 г. Его машина, проработав 43 дня, после смерти изобретателя была остановлена, а затем разрушена. Никакого патента, естественно, Ползунов в то время получить не мог, и его изобретение было забыто современниками.

Д. Уатту, получившему в 1781 г. патент на универсальный паровой двигатель, во многом повторивший идеи Ползунова, также пришлось преодолеть много препятствий.

Работу над своей машиной он начал с молодых лет и первый патент на устройство для конденсации пара в отдельном резервуаре получил в 1769 г. Затем из-за недостатка средств работа прервалась, Уатт стал инженером по строительству каналов в Шотландии. Бирмингемский делец М. Болтон, в фирме которого служил Д. Уатт, выделил ему средства для продолжения изобретательской деятельности. Уатт разрабатывал паровую машину с непрерывным вращательным движением. Простейшей механической передачей, преобразующей прямолинейное движение во вращательное, должен был стать, по замыслу Уатта, кривошипно-шатунный механизм. Но выяснилось, что, пока Уатт строил каналы, охраненный патент на этот механизм получил Д. Пикар.

Не дожидаясь окончания срока действия патента Пикара и не желая ему платить, Уатт нашел остроумный выход из положения: в своей заявке на патент он изложил пять новых способов преобразования прямолинейного движения, в том числе описал специальный механизм для обеспечения прямолинейного движения штока поршня (параллелограмм Уатта) и тем обошел патент Пикара. Подобные патенты в наше время так и называются обходными.

Уатт назвал свой патент «Способом экономии пара и топлива», хотя фактически заявлялся не способ, а новое, пионерское изобретение — паровая машина.

В октябре 1786 г. Уатт и Болтон прибыли в Париж по приглашению французского правительства. Здесь им была выдана привилегия сроком на 15 лет, предоставлявшая монопольное право постройки и продажи паровых машин двойного действия [7].

За два года до получения Уаттом патента на паровую машину, в Англии на заводе Болтона побывал французский промышленник Ж. К. Перье. Он интересовался, нельзя ли заказать паровые двигатели для своих предприятий. Но несмотря на теплые взаимоотношения, сложившиеся у Перье с хозяевами, последние упорно охраняли секрет устройства машины от своего французского друга. И все же в апреле 1792 г. братья Перье запатентовали машину двойного действия, указав, правда, что они являются не авторами, а ее импортерами [8].

Стремилась все — найти, изобрести

В. Брюсов. «Светоч мысли»

Приоритет без патента. Способ рафинирования стали методом переплава изобрел английский часовщик Б. Хантсмен. В глубокой тайне хранил он технологию получения тигельной стали, которую выплавляли только по ночам. Рабочие его завода в Шеффилде давали клятву молчания; без личного разрешения владельца никто из посторонних не мог войти на территорию завода. Особо любопытным промышленникам и торговцам Хантсмен говорил, что его «секрет» заключается в особом составе флюса. Патента Хантсмен не взял, так как в силу бумаг не верил.

Однажды вечером, незадолго до Рождества, в ворота завода постучал нищий старик. Его хотели прогнать, но старик так жалобно бормотал, что его пустили погреться в плавильное отделение. Старик робко забился в самый темный угол, и появившийся вскоре Хантсмен его не заметил. Владелец приказал разрубить несколько стальных прутков, куски загрузили в глиняные тигли, и Хантсмен лично засыпал в них слой битого стекла. После ухода Хантсмена старик сумел незаметно подобраться к одному из тиглей и положил несколько осколков стекла

себе в карман. Затем внимательно проследил дальнейший путь тиглей. Под утро нищий покинул завод. Стариканищего искусно изобразил владелец небольшого чугунолитейного завода У. Уолкер из Гринсайда, близ Шеффилда. На следующий день Уолкер установил, что осколки стекла — действительно куски битых бутылок. Вскоре завод в Гринсайте выплавлял сталь такого же качества, как и завод Хантсмена. Промышленный шпионаж сделал свое дело — тайна изобретения была раскрыта.

Защита прялки. Случай помог ткачу Д. Харгривсу из английского города Блэкборна в изобретении первого многоверетенного ткацкого станка. Его дочь Дженни опрокинула свою прялку, но колесо и веретено продолжали вертеться независимо друг от друга. Харгривс понял, что одним колесом можно вращать несколько веретен и один человек будет прясть несколько нитей. Так появилась «прялка Дженни». Через некоторое время соседки-прядильщицы, посчитав, что такие прялки лишат их работы, ворвались в дом ткача и разбили новый станок. Это был период начала буржуазной промышленной революции в Англии, вызвавший массовое разорение ремесленников. В ответ на усилившуюся эксплуатацию последовали стихийные выступления рабочих-луддитов, направленные против машин, а не их владельцев.

А что же Харгривс? Изобретатель с семьей едва спаслись бегством в Ноттингэм. Там он и получил в 1770 г. патент на свою прялку. Но владельцы местных мануфактур опротестовали его патент, заявив, что изобретатель якобы продал один из станков до получения патента.

Почти в то же самое время предприимчивый парикмахер из г. Болтона Р. Аркрайт, слыша постоянные жалобы своих клиентов-ткачей, что они сидят без работы, потому что женщины медленно прядут, решил изобрести собственную прялку. Об изобретении Харгривса он не знал ничего. Все свои деньги Аркрайт истратил на изготовление модели прядильной машины, пока однажды его жена в пылу гнева не разбила ее. Разойдясь с женой, разорившийся Аркрайт сумел завершить свою идею. Вначале машина Аркрайта приводилась в действие лошадью, а позднее — водяным колесом. Аркрайт в первое время скрывал свою машину, а затем совместно с двумя компаньонами, взявшими на себя финансирование, построил собственную ткацкую фабрику. Через

короткое время фабрика была разгромлена луддитами и Аркрайту пришлось снова сменить место жительства. Им был взят ряд патентов. Нашлись несколько соперников, которые утверждали, что Аркрайт украл их изобретения. Пришлось решать споры о приоритете в судебных инстанциях, где Аркрайту все же удалось отстоять свое авторство.

А вот одно из последних выступлений луддитов. Француз Тимонье в 1830 г. получил патент на изобретение швейной машины, и правительство Франции обрело возможность тысячами изготавливать предметы военного обмундирования. Толпа портных и их подмастерьев ворвалась на фабрику и разрушила все швейные машины. Упорный Тимонье сменил место жительства и снова построил партию своих машин. В 1848 г. эта фабрика также была разгромлена. Тимонье переехал в США, где в 1850 г. получил патент на свою машину, но силы были на исходе, и вскоре он умер.

«Вынуждены использовать». «Ваше изобретение кажется нам настолько полезным, что мы вынуждены его использовать для активизации британской черной металлургии». Такое письмо, достойное быть отмеченным как образец дипломатического искусства, получил в 1784 г. Генри Корт от Королевского морского ведомства. Попросту это означало, что изобретенный Кортом способ puddling для получения ковкого железа и стали могли использовать английские владельцы металлургических заводов без всякой компенсации для обладателя двух патентов.

За девять лет до этого судебный агент Корт тайно начал свои опыты. Позднее он построил небольшой собственный завод, на котором выплавлялось превосходное ковкое железо. На строительство завода Корт израсходовал почти все свои личные средства, 20 тыс. фунтов стерлингов, и несмотря на многочисленные заказы не мог увеличить производственные мощности. Казначей морского ведомства А. Джелликой согласился дать изобретателю ссуду в сумме 27 тыс. фунтов стерлингов, но поставил условия: его сын становится компаньоном фирмы «Корт и Джелликой», получает половину прибылей, а патенты Корта переписываются на имя А. Джелликой. Изобретатель вынужден был согласиться, так как время шло, а средств у него не было. Через год старый казначей умер и обнаружилось крупное хищение государ-

ственных денег из казны морского ведомства. Был наложен арест на все имущество фирмы. Конфискации подлежали и записанные на имя Джелликоя патенты, стоимость которых была оценена в 100 фунтов. Г. Корт стал нищим, потеряв к тому же право на эксплуатацию своего изобретения. По мере распространения пудлингования владельцы металлургических заводов наживали огромные прибыли, сыну Джелликоя вернули конфискованный завод, и он стал его единоличным владельцем.

Г. Корт неоднократно обращался в правительственные учреждения с предложением взимать с владельцев заводов, применяющих пудлингование, лицензионные налоги, чтобы вернуть в казну растраченные деньги, но ему даже не отвечали. Наконец, в 1794 г., когда вклад Г. Корта в металлургию стал общеизвестен и никто уже его не оспаривал, английское правительство назначило ему мизерную пенсию в размере 160 фунтов стерлингов в год.

Вознаграждение без патента. Скрипичный мастер С. Кромптон явился изобретателем станка по изготовлению тонкой муслиновой пряжи. Пять лет по ночам Кромптон изготавливал свою машину. Зная о печальной судьбе Харгривса, он каждое утро разбирал машину на части и прятал их в разных местах. Все же владельцы мануфактур Ланкашира догадались, что у Кромптона есть какая-то новая машина, так как на их мануфактурах такую тонкую и прочную пряжу не производили. Хотя осторожный Кромптон, живший только с матерью, никого в дом не пускал, фабрикантам удалось многое узнать об устройстве машины. Один из наймитов просидел несколько дней на чердаке дома Кромптона, чтобы увидеть машину в действии. Кромптон не обладал предприимчивостью Аркрайта и не взял патента на свое изобретение. Он лишь попросил фабрикантов собрать для него по подписке средства за то, что он объяснит им устройство своей машины и разрешит ее изготовление. На собранные средства (немногим более 50 фунтов стерлингов) Кромптон основал маленькую ткацкую мастерскую. Богатые конкуренты разорили его, использовав изобретение в больших масштабах. Английское правительство также стало получать большие доходы от увеличившегося потребления хлопка. Друзья Кромптона добились рассмотрения в парламенте вопроса о назначении вознаграждения изобретателю.

Получив 5000 фунтов, Кромптон истратил их на покрытие долгов.

Патенты надо публиковать. Священник Э. Картрайт стал изобретателем ткацкой машины, хотя до этого никогда не видел в работе даже ручного ткацкого станка. Он только знал, что там натянуто большое количество нитей, называемых основой, и что ткач переплетает основу нитями утка так же, как женщины штопают чулки. Никто не ждал, что священник займется изобретательством, поэтому Картрайту не понадобилось особенных ухищрений, чтобы сохранить в тайне процесс изготовления ткацкой машины и даже спокойно получить патент. Зато когда он попытался эксплуатировать ее у себя в Донкастере, то начал встречаться со все нарастающим сопротивлением. Оборудование мастерской неоднократно портилось, рабочих переманивали и запугивали и наконец украли его патент. Подобные кражи были возможны потому, что содержание патентов и имена их владельцев не публиковались. Одно время дела Картрайта пошли в гору, и одна из фирм Манчестера заказала ему 400 машин. Картрайт начал строить крупную мастерскую для их изготовления, вложив в строительство все свое состояние — 30 тыс. фунтов стерлингов. Но когда мастерская была готова, в ней неожиданно начался пожар и все оборудование погибло. Разоренный изобретатель уехал в Лондон и занялся литературным творчеством. Между тем его ткацкие машины успешно внедрялись по всей Англии, и наконец 64-летнему изобретателю в 1807 г. правительство выдало 10 тыс. фунтов в награду за изобретение.

В Англии до 1845 г. был запрещен вывоз из страны прядильных и ткацких машин. Долгое время полагались тяжкие наказания даже за вывоз инструментов, имеющих отношение к производству тканей. Молодому государству — Североамериканским Соединенным Штатам необходимо было в короткое время наладить изготовление собственных тканей. С этой целью были назначены большие премии людям, могущим содействовать развитию ткацкого производства. Один из служащих Аркрайта, С. Слестер, прельстившись вознаграждением, уехал в Америку (1789 г.). Но по решению, принятому английским правительством, ткачи могли покидать метрополию лишь в особых случаях. Слестеру пришлось переехать, и целый месяц двадцатилетний юноша пере-

плавал Атлантику в роли молодой женщины. Чертежей и описания машин у Слетера с собой не было, он по памяти воспроизвел конструкцию прядильной машины. Благодаря Слетеру через четыре года в Америке была открыта первая прядильная фабрика.

Хлопковая лихорадка. В 1793 г. на хлопковую плантацию штата Южная Каролина прибыл поверенный ее владелицы, миссис Грин, 28-летний северянин Э. Уитни. Вскоре после приезда Уитни присутствовал при разговоре управляющего Миллера с соседями. «Как обычно, гости сетовали на тяжелые времена. Не было товарных культур; единственный сорт хлопка, который мог произрастать в этой местности, сорт с зелеными семенами (упланд), не имел никакой практической ценности. Требовалось десять часов ручного труда, чтобы отделить один фунт хлопкового волокна от трех фунтов мелких твердых семян. До тех пор, пока не будет изобретена какая-нибудь машина для очистки, этот сорт хлопка так же никчем, как сорняки» [9, с. 21—22]. По настоянию миссис Грин и Миллера Уитни изучил процесс ручной очистки, наблюдая за движением рук рабочих. Машина, которую сконструировал Уитни, повторяла эти движения. Изобретатель устроил ее демонстрацию для группы близких друзей. В течение часа он выполнил на машине дневную норму нескольких рабочих. Одного обещания Уитни взять патент на машину и изготовить еще несколько экземпляров было достаточно, чтобы люди, присутствовавшие на демонстрации, немедленно отдали распоряжение засеять поля хлопком-упландом. Новость облетела окрестности с такой поразительной быстротой, что в мастерской Уитни высадили дверь и машина подверглась тщательному осмотру. Прежде чем Уитни успел завершить первый образец машины и получить патент, созрел хлопок, который поспешно посеяли плантаторы. Урожай поджигал, так что плантаторам было не до высоких принципов закона и этики, и они без зазрения совести копировали машину Уитни.

Уитни предложил Миллеру стать его компаньоном. Они договорились, что Уитни отправится в Нью-Хевен, получит патент и начнет делать машины. Миллер же останется на Юге и договорится с плантаторами об условиях пользования машинами. Поскольку не существовало никакого прецедента, компаньоны не знали, как построить отношения с плантаторами. Сначала они ре-

шили не продавать машины, а отдавать их в аренду за определенный процент от доходов. Миллер хотел брать одну меру хлопка за три обработанные меры. Это вызвало ярость плантаторов. К тому времени, когда Уитни и Миллер готовы были продать права на машину и довольствоваться лишь скромной частью доходов, которые получали от украденного изобретения «пираты», сумма, причитающаяся Уитни, достигла астрономической цифры. Между тем компаньоны уже завязли в долгах, и им ничего не оставалось делать, как подать в суд. Но суды, в которые они обращались, находились в хлопковой зоне. Наконец в 1801 г., через 8 лет после хлопковой лихорадки, Уитни и Миллер согласились на уплату им определенной суммы каждым из хлопковых штатов. После этого хлопкоочистительная машина становилась общественной собственностью в границах данного штата. Даже такое выгодное условие принял всего один штат, да и тот предложил уплатить меньше половины запрошенной суммы. Уитни назначил цену в 50 тыс. долларов, но получил только 20 тыс.

На следующий год правительство штата Северная Каролина обложило всех плантаторов, использовавших хлопкоочистительные машины, налогом. Все собранные деньги, за вычетом 6 % комиссионных, были переданы Уитни и Миллеру. Это составило 20 тыс. долларов, еще по 10 тыс. долларов было получено от других штатов. Общий доход составил 90 тыс. долларов. Большая часть этой суммы пошла на покрытие судебных издержек и налогов.

В 1804 г. Уитни обратился к федеральному конгрессу с просьбой о помощи и большинством в один голос был спасен от полного банкротства. Ему было тридцать девять лет, и последние десять лет он почти целиком провел в судебных залах или разъездах по стране из одного суда в другой.

Малый срок действия патента. 17 ноября 1806 г. на заседании Парижской Академии наук был зачитан доклад братьев Клода и Нисефора Ньепсов об изобретении ими «пирозолофора» — двигателя, работавшего на угольной пыли. Ученые остались равнодушны к услышанному. Никому из них в голову не поступало будущее, не закралось сомнение: а может быть, в этом что-то есть. Братья хотели заинтересовать в своем изобретении государственных деятелей. К этому времени они сделали

свой первый водометный двигатель, установили его на лодке, и она резво ходила против течения по реке Сене. Написали письмо Наполеону, но занятый подготовкой к походу в Россию, он не ответил. В 1815 г. братья получили французский патент на четырехтактный двигатель внутреннего сгорания, работавший на смеси нефти и газа. За два года, пока длилось действие патента, никто не захотел применить их двигатель. В 1817 г. Клод Ньепс выехал в Англию, чтобы получить английский патент и заинтересовать местных дельцов. Англичане же, как и французы, не поняли перспективности изобретения, и переговоры Клода закончились безуспешно. В 1826 г. братья изобрели двигатель, работавший на нефтяном топливе, но вскоре Клод заболел, а Нисефор отдался работе над изобретением фотографии.

Через полвека заново изобретенный двигатель внутреннего сгорания стали называть «изобретением века».

Статистические данные, полученные в конце XIX в., показывали, что 15 лет вполне достаточно для внедрения любого изобретения и получения вознаграждения изобретателем. Так, в Англии 30.7 % изобретений внедрялись 5 лет (1891—1895) и лишь 5.8 — 14 лет.

Способ или устройство. В 1801 г. француз Э. Адам взял патент на винокуренный аппарат, а через несколько месяцев Берар и Солимани получили патент на аппарат другого типа для тех же целей. Приоритет в изобретении такого аппарата, которым пользовался Адам, в глазах общественного мнения во Франции вызван случайным обстоятельством: в его патенте было сказано, что с помощью аппарата можно отнимать у вина весь спирт. Так же неосновательно было утверждение, которого Адам добился через суд, что всякий вновь появившийся перегонный аппарат должен рассматриваться как нарушение его патентного права. Это привело в дальнейшем к многочисленным жалобам и судебным процессам, хотя аппарат Адама имел многочисленные недостатки и был значительно хуже аппарата Берара и Солимани [6].

Очевидно, спор произошел потому, что в то время не было различия между патентами на способ и устройство. Похоже, по современным понятиям, что Адам взял патент на способ производства спирта, а Берар и Солимани на одно из возможных устройств. Если бы в то время было такое деление патентов, то спора о нарушении прав могло и не быть.

Патентная дезинформация. В толпе любопытных, собравшихся на набережной Триеста, слышался веселый смех и шутливые возгласы: «Смотрите, он хочет вычерпать море винтом». В бухте Триеста проходили испытания гребного винта, изобретенного чехом И. Ресселом. Лодка грузоподъемностью 5 т с помощью винта с ручным приводом двигалась значительно быстрее двухвесельной лодки даже при беспокойном море. В конце 1826 г. Рессел подал прошение о выдаче патента на изобретение и через три месяца ему был выдан австрийский патент на гребной винт сроком на два года. Изобретатель, остро нуждавшийся в средствах, искал богатого компаньона для участия в реализации его проекта постройки винтового судна. Казалось, судьба ему благоприятствует. Купец Фонтанá, имевший торговые дела с Венецией, дал средства на постройку небольшого парохода водоизмещением 48 т. В августе 1829 г. корабль «Сова» был спущен на воду, но в первом же рейсе вышел из строя паровой котел. Фонтанá предъявил Ресселу, потерявшему к этому времени патентное право, крупный денежный иск. Судебная волокита тянулась пять лет. Весной 1829 г., пока шла постройка «Совы», Рессел поехал в Париж. Он надеялся получить финансовую поддержку во Франции и запатентовать свое изобретение, так как его не устраивал малый срок действия австрийского патента. Небольшая винтовая лодка, юрко сновавшая по Сене, очень понравилась парижанам. К Ресселу подошел любезный господин, отрекомендовавшийся посредником торговой фирмы «Маляр» Бауэром. Он попросил подробно ознакомить его с сущностью изобретения. Рессел привел Бауэра в гостиницу, показал чертежи винта и рассказал о принципе его работы.

Последствия этого визита не заставили себя ждать. 10 июня 1829 г. купец К. Гуммер получил английский патент на гребной винт, как позднее узнал Рессел, с помощью Бауэра. Отличием от винта Рессела было то, что винт Гуммера имел один полный виток. Этот патент можно считать одним из первых дезинформирующих патентов. А 19 августа того же года владельцы фирмы «Маляр» стали обладателями французского патента на гребную спираль. В этом патенте указывалось, что он является улучшением патента Рессела. «Улучшение» состояло в том, что слово «винт» было заменено словом «спираль».

История с секретами. В то время как Клод Ньепс в Париже пытался найти компаньонов для выпуска двигателя внутреннего сгорания, его брат Нисефор в Шалоне начал строить свою камеру-обскуру для получения гелиограмм. 5 мая 1816 г. он писал Клоду: «То, что ты предвидел, произошло. Фон картины черный, а предметы белые, то есть более светлые, чем фон» [10, с. 26]. Речь шла о первых фотографиях. Работа продолжалась, а материальные средства таяли. В 1824 г. финансовое положение семьи Ньепсов стало катастрофическим, долг достиг 100 тыс. франков.

Преуспевающий коммерсант, владелец знаменитой «Диорамы» Луи Жак Мардэ Дагер случайно узнает у знакомого оптика, что Нисефор Ньепс научился закреплять лучи света, входящие в камеру-обскуру. В январе 1826 г. Дагер пишет Ньепсу, намекая на свои работы в той же области. Осторожный Ньепс сообщает, что он не имеет сколько-нибудь утешительных результатов. Действительно, для получения изображения Ньепсу приходилось давать многочасовые выдержки.

Через год Дагер вновь пишет Ньепсу, что созданная им камера-обскура будто бы обладает особыми свойствами. Ньепс через друзей наводит справки о Дагере и получает самые благоприятные отзывы.

Дагер сам решил заняться получением изображений. С этой целью он оборудовал секретную лабораторию, куда никто, даже жена и близкие друзья, не мог попасть. Все свободное время, включая ночи, Дагер работал в этой лаборатории. Чтобы никто не догадался, чем же он там занимается, Дагер покупал множество самых различных, зачастую ненужных препаратов у разных аптекарей.

Встретившись наконец с Ньепсом в августе 1827 г., Дагер не сумел ничего узнать о его работах. Н. Ньепс надеялся получить английский патент на свое изобретение, так как он уезжал в Англию. Потратив последние деньги на лечение безнадежно больного брата, Нисефор надеялся лишь на коммерческий успех своего патента на гелиографию. Он встретился с секретарем Королевского общества, который предложил изобретателю прочесть доклад на заседании с непременным условием дать подробное описание всех деталей изобретения. Ньепс отказался, и в апреле 1829 г. возвратился во Францию.

Теперь он сам связался с Дагером и сообщил о своем согласии заключить договор о совместной работе, предла-

гая включить третьего компаньона, своего друга гравера Леметра. Дагер убедил Ньепса, что для извлечения большой прибыли от эксплуатации изобретения гравер им не нужен, так как процесс получения изображений должен быть таким, чтобы им могли пользоваться люди, не умеющие рисовать и гравировать. По предварительному договору от 14 декабря 1829 г. Ньепс обязался раскрыть секреты своего процесса, а Дагер внести «новую систему камеры-обскуры, свои таланты и свои труды» [11]. В договоре фигурируют лишь два компаньона, фамилия Дагера пока вторая. Получив результаты работ Ньепса, Дагер продолжает интенсивно трудиться над совершенствованием процесса получения изображений. Переписка компаньонов между Парижем и Шалоном ведется с помощью шифра, придуманного Дагером.

Когда в 1833 г. Нисефор Ньепс скончался, его сын Исидор Ньепс стал его наследником и продолжателем дела, начатого в компании с Дагером. Но Исидор лишь кланчил деньги у богатого компаньона и совершенно не интересовался его работой. Дагер начал работать еще интенсивнее, боясь появления конкурентов. Чтобы сохранить тайну, он не прибегал ни к чьим советам, хотя не имел никакого химического образования. Своих снимков он также никому не показывал. В 1833 г. Дагер добился у Исидора изменения формулировки договора. Фамилия Дагера теперь стояла первой. В 1835 г., когда срок действия договора истек, с И. Ньепсом был заключен новый договор, где процессу было присвоено лишь имя Дагера. Компаньоны договорились и о продаже изобретения, назначив сумму 200 тыс. франков, которую должны были разделить поровну. Желających купить неизвестное изобретение, реклама которого появилась 27 сентября 1835 г. в газете «L'Artiste», не находилось. Опубликовать сущность изобретения Дагер не мог: из-за своей простоты процесс мог быть доступен любому желающему и тогда — прощай, доходы. Дагер торопился не зря. Интуиция дельца подсказывала ему, что он может потерять приоритет, несмотря на всю секретность своей работы. В это же самое время в Англии лорд У. Г. Фокс Тальбот, математик и химик, член Королевского общества уже начал получать первые «фотографии», как называл он получаемые им изображения.

Дагер посетил выдающихся ученых Франции, показал снимки и просил поддержки. Покровителем стал акаде-

мик Ф. Араго. Он считал, что изобретение Дагера должно приобрести французское правительство.

28 апреля 1838 г. Дагер пишет И. Ньепсу: «Я меньше, чем когда-либо, рассчитываю на материальные выгоды. Если меня и поддерживает что-либо, то это честь открытия, которое, несмотря на трудности его эксплуатации, все же будет одним из самых прекрасных завоеваний века. . . Я окрестил мой процесс так: „дагерротип“» [10, с. 42]. 7 января 1839 г. Араго, докладывая на заседании Парижской Академии наук об изобретении Дагера, закончил свое сообщение словами: «Ныне Франция может великодушно подарить миру это изобретение, которое даст так много для прогресса и науки». В июле того же года был принят специальный закон о приобретении изобретения в собственность государства. Луи Филипп, тогдашний король Франции, назначил компаньонам пожизненные пенсии: Дагеру — 6 тыс., И. Ньепсу — 4 тыс. франков в год. Но секрета дагерротипии еще никто не знал. Только в августе Ф. Араго на объединенном заседании Академии наук и Академии изящных искусств рассказал о существовании изобретения.

Друзья Фокса Тальбота неоднократно советовали взять патент на изобретение фотографии, но он не спешил.

Узнав о выступлении Араго по поводу изобретения Дагера, Тальбот немедленно написал в Парижскую академию о своей работе и 25 января, через 18 дней после сообщения Араго, устроил выставку фотографий в Королевском обществе. В это же время больших успехов в совершенствовании процесса фотографирования достиг протестантский пастор Рид, но он не делал секрета из своих опытов, патента не взял и обо всем рассказал Тальботу. В феврале 1841 г. Тальбот получил английский патент на изобретение под названием «Фотографические картины. Усовершенствования в получении картин или представлении объектов». Он не дал никаких ссылок на Дагера, Ньепса, Рида, известного ученого Д. Гершеля, у которых заимствовал многие методы и материалы. Однако сам Тальбот чрезвычайно ревниво относился к появлению чужих патентов на фотографические процессы, называя их «вопиющим фактом научного пиратства» [12].

С момента получения Тальботом патента всякий англичанин, желавший заняться фотографией, должен был приобрести у него лицензию за 20 фунтов стерлин-

гов. Запрещалось передавать кому-либо снимки без разрешения патентовладельца, а их продажа влекла судебное преследование. Лицензия могла быть аннулирована, если ее владелец навлек на себя неудовольствие Тальбота.

Желающих заниматься фотографией на таких условиях не находилось. Тальбот снизил плату за лицензию до четырех фунтов, а если у него приобретали фотоматериалы на 6 фунтов, он давал лицензию бесплатно. Фотографов-профессионалов Тальбот беспощадно преследовал, требуя с них 250—300 фунтов стерлингов в год. В печати появились публикации, в которых выражалось возмущение поведением аристократа-изобретателя.

Ф. С. Арчер изобрел мокроколлоидный процесс, но не взял патент, а опубликовал результаты в журнале «Химик» 18 февраля 1851 г., закрепив за собой приоритет. Без патента Арчер ничего не мог получить от применения своего процесса при изготовлении фотобумаги, хотя он приносил огромный доход фотографии. После смерти Арчера в 1857 г. его вдова с детьми с трудом выхлопотала крошечную пенсию. Тальбот же, призвав высокооплачиваемых юристов, сумел получить доходы даже с мокроколлоидного процесса. Непомеренные притязания Тальбота затормозили развитие фотографии в Англии. В августе 1852 г. президенты Королевского общества и Королевской академии обратились к нему с просьбой ослабить патентный нажим, чтобы дать возможность совершенствовать науки и искусства. Тальбот ответил: «Прошу считать ответом на ваше любезное письмо предоставление моего патента за единственным исключением, упомянутым ниже, в свободное пользование общества. . . Исключение. . . на которое я желаю сохранить права, — это применение изобретения для съемки фотографических портретов с целью продажи». Это означало, что Тальбот будет продолжать преследование профессиональных фотографов. Им приходилось либо удовлетворять требования Тальбота, либо закрывать свое дело. В конце концов нашелся один смельчак-фотограф, С. Ларош, который подал в суд протест на намерение Тальбота продлить срок действия своих патентов. Ларош рассчитывал доказать, что многие патенты были выданы Тальботу необоснованно, а если этого доказать не удастся, то хотел, чтобы была признана не-

виновность всех фотографов, работавших с мокроколлоидным процессом.

Судебный процесс «Тальбот против Лароша», проходивший под председательством верховного судьи, состоялся в декабре 1854 г. Пастор Рид рассказал, что он сам сообщил Тальботу о своих опытах. Тальбот сначала это отрицал, но на перекрестном допросе признал, что об опытах Рида он все-таки слышал. После трехдневного разбирательства судья подвел итог: «Нельзя запатентовать принцип. Нельзя, например, получить патент на применение пара вообще, но лишь для определенной цели в производстве. Так же не может быть патента на получение любых портретов, хотя может быть выдан патент на их получение определенным способом».

Процесс создал важный прецедент в изобретательском праве. Тальбот уже не пытался возобновить патенты. До этого возможность «научного пиратства» ему давала неопределенность патентного законодательства.

Приоритет — не только дата, но и глубина разработки. В 1840 г. в Петербург из Венеции пришло письмо. Аббат Ф. Зантедески выражал свое возмущение и обиду по поводу статьи Б. С. Якоби, напечатанной в английском научном журнале «Philosophical Magazine» в сентябре 1839 г., где говорилось об открытии М. Фарадеем магнитоэлектрических индукционных токов. Из письма было ясно, что Зантедески, впоследствии ставший профессором физики Падуанского университета, претендовал на приоритет в открытии явления электромагнитной индукции.

Б. С. Якоби написал об этом Фарадею: «У меня еще не было времени рассмотреть многочисленные статьи из итальянских журналов и книг, на которые он ссылается. Притом я не помню, чтобы в немецких журналах упоминалось о работах этого итальянского ученого. . . Но если бы даже там и было что-либо к этому относящееся, то все это меркнет перед глубиной и точностью ваших первых двух серий, которые так исчерпали вопрос, что уже никто другой не может внести сюда ничего существенного» [13, с. 99].

Творчество ради выгоды

Жонглирование лицензиями. С самого детства этот юноша отличался пытливым умом и предприимчивостью. В восем-

надцать лет он предложил Британскому казначейству опробовать печатный пресс, который исключал возможность подделки меток и печатей. Тогда юноша не знал еще тонкостей законодательства и не взял патента на свое изобретение, но не упустил случая занять должность королевского смотрителя печатей. Когда через несколько лет молодой смотритель изобрел новый более дешевый рецепт изготовления бронзовой краски, до сих пор ввозившейся в Англию, он уже взял патент. Доходы от применения этого первого патента заложили основу капитала Генри Бессемера. К изобретениям, обессмертившим его имя, Бессемер пришел случайно. Один из взятых им патентов содержал описание артиллерийского снаряда, который при выстреле из гладкоствольного орудия приобретал вращательное движение. Для таких снарядов была необходима прочная дешевая сталь. В 1855 г. Бессемер получил первые 5 кг стали, продув воздух через расплав чугуна, и 17 октября ему был выдан патент. В следующем году Бессемер с целью рекламы своего изобретения выступил на заседании Британской Ассоциации содействия научным исследованиям. Владельцы металлургических заводов поняли, что, применив способ Бессемера в производстве стали, они получают значительные прибыли, так как этот способ более прост и дешев. Бессемер воспользовался сложившейся благоприятной ситуацией. Он составил план, суливший быстрое обогащение. Разделив Англию на пять промышленных районов, он в каждом из них продал одному владельцу завода лицензию на свой способ за 10 тыс. фунтов стерлингов. Таким образом обеспечивалась личная заинтересованность владельцев в защите и длительной эксплуатации его патентов. Но не везде изобретение внедрялось гладко и без неудач. У Бессемера появились многочисленные противники. В 1857 г. Бессемер получил совместно со шведом Г. Ф. Герансоном шведский патент на производство стали. Герансону удалось улучшить технологию продувки воздуха, и через год шведская низкоуглеродистая сталь стала продаваться во всей Европе. За каждую тонну стали, которую выплавляли по его методу, Бессемер требовал один фунт стерлингов, непрерывно продолжая всевозможными способами рекламировать свое изобретение. Кроме основного патента, Бессемер, стремясь избавиться от соперников, взял несколько десятков дополняющих патентов на производство

различных изделий из своей стали. С изобретателями, усовершенствовавшими его метод, он вел непрерывную борьбу. Несмотря на все попытки, ему не удалось воспрепятствовать Р. Мюшетту получить патент, по которому за счет добавок титана и вольфрама улучшалось качество стали. Узнав, что Мюшетту выдан патент № 2219 от 22 сентября 1856 г., Бессемер тотчас вступил с ним в переговоры, сначала через адвокатов, а затем и личные. Он хотел предложить изобретателю единовременную сумму в 3—5 тыс. фунтов стерлингов за отказ от патента, но адвокат полагал, что не удастся избежать определенных лицензионных отчислений. Бессемер хотел добиться отмены патента Мюшетта, и ему это удалось. Через несколько лет Мюшетт уступил свой патент, так как у него не было достаточно средств для его использования. Устранив Мюшетта как конкурента, Бессемер стал выплачивать ему пожизненную пенсию. Эта пенсия была своего рода лицензионными отчислениями за использование патента Мюшетта.

Третейский суд. Много изобретателей занималось усовершенствованием процесса продувки чугуна воздухом, стремясь избавиться от нежелательных примесей в стали. Начались споры о приоритете. Самыми вескими доводами в защиту своих разработок обладали англичане С. Д. Томас и Д. Райли. Вопрос о приоритете решено было передать третейскому суду. С. Д. Томас умер в 1885 г. Суд состоялся в 1889 г. В качестве судьи был приглашен известный голландский физик У. Томсон, живший в Глазго. По решению, принятому Томсоном, Д. Райли отчислялось 12,5 % от прибыли, которую приносило томасовское изобретение в самой Англии, и 15 % от прибыли, получаемой в других странах. Слава изобретателя осталась за Томасом, а Райли стал богатым.

Приоритет во что бы то ни стало. Открытие принципа самовозбуждения электрических машин постоянного тока явилось решающим этапом в их развитии. По поводу приоритета в изобретении самовозбуждения разгорелись жаркие многолетние споры. Тут мы встречаемся с братьями Сименс. Вернер Сименс обладал незаурядной деловой хваткой и быстро патентовал новые идеи.

Письмо В. Сименса в редакцию немецкого журнала «Vereins Deutscher Ingenieure» (1882 г.) позволяет понять принцип подхода многих иностранных изобретателей к сущности понятия «приоритет».

«17 января 1867 г. я сообщил в подробном докладе Берлинской Академии наук теорию динамоэлектрических машин, уже после того как в начале декабря 1866 г. я продемонстрировал перед многими членами Академии такую машину в действии в мастерской завода.

Ввиду того, что тогда я еще не был членом Академии, профессор Магнус согласился сделать Академии доклад на эту тему в первом заседании после каникул (17 декабря). Это было первое опубликование принципа, и тогда мною было впервые предложено новое название „динамоэлектрической“ машины. . .

Спустя почти год появилась „Provisional Specification“ братьев Варлей от 24 декабря 1866 г., которые до того времени оставались в неизвестности.

Согласно английскому патентному закону, братья Варлей, благодаря предварительному свидетельству («Provisional Specification»), получают чисто коммерческие права. В науке же считается вообще, начиная с Араго и согласно принятому Французской Академией правилу, что право приоритета принадлежит тому, кто первый, в ясной и понятной форме сообщит о новом открытии в печати, или в академии, или в научном обществе, которое публикует протоколы своего заседания.

Если даже допустить, что Варлей и Уитстон одновременно со мною или даже раньше меня открыли динамоэлектрический принцип или даже оформили его практически, то все же приоритет остается только за мной, ибо я первый сделал открытие достоянием общества.

Еще менее основательными являются появившиеся во французских журналах заявления, что динамоэлектрический принцип был использован еще раньше Хиортом, Пачинотти и др. Оба они описывали только те магнитоэлектрические машины, в которых от стальных магнитов возбуждался начальный ток, усилившийся, как позже у Уайльда, при помощи электромагнетизма». Прервем текст письма для небольшого комментария. В. Сименс, очевидно, сознательно сузил смысл изобретения Хиорта, а Пачинотти о самовозбуждении никогда не упоминал и попал в письмо ошибочно. Но заслушаем до конца претензии Сименса.

«Здесь приведены фактические даты, на которых я основываю свое право на приоритет, и, если мне не будут противопоставлены опровергающие факты, я сохраняю его за собой и буду за него бороться; да будет еще известно каждому, кто читал мое сообщение от 17 января 1867 г.,

что оно содержит полную теорию предмета, дает практически достижимые результаты и подчеркивает их громадное значение» [14].

Как же обстояло дело в действительности? В декабре 1866 г. динамоэлектрическая машина В. Сименса еще не была изготовлена, и он боялся, что Уайльд его опередит. Сименс не хотел упустить приоритет и в январе 1867 г. через своего брата Вильгельма, жившего в Англии, взял английский патент. Но он опоздал. Впервые принцип самовозбуждения был изложен в 1855 г. Хиортом. Варлей получил немецкий патент на машину с самовозбуждением в декабре 1866 г. Тем не менее Сименс хотел связать свое имя с открытием принципа самовозбуждения. Он поручает брату выступить с докладом на эту тему в Королевском обществе. Доклад был представлен 4 февраля 1867 г. и прочитан 14 февраля на том же заседании, на котором сделал свое сообщение о самовозбуждении Уитстон. В патенте и докладе В. Сименса принцип самовозбуждения изложен не яснее и не подробнее, чем это сделано одиннадцатью годами ранее Хиортом.

Ф. Гефнер-Альтенек, главный инженер фирмы «Сименс и Гальске», усовершенствовал кольцевой якорь электрической машины, запатентованный Пачинотти в 1863 г. В 1873 г. В. Сименс и Гефнер-Альтенек взяли патент на новый якорь. Получение патента на двух авторов было вызвано, очевидно, коммерческими соображениями, так как В. Сименс в докладе, сделанном в Берлинской Академии наук (1880 г.), ясно указывает, что изобретателем якоря был Гефнер-Альтенек.

Широкое распространение получает скупка патентов. Патенты скупают, чтобы уничтожить соперника, присвоить славу изобретателя, задержать развитие какого-либо производства. Для борьбы с этим явлением законами предусматривалось внедрение изобретений по выданным патентам не позднее определенного срока. В Германии, Австрии, Англии патенты погашались через 3 года, во Франции — через 2, в России — через 5 лет, если обладатель патента не сделал все от себя зависящее, чтобы применить изобретение на практике.

Весь арсенал патентных уловок. Существует легенда о безупречной патентной формуле, составленной одним из изобретателей швейных машин И. М. Зингером. За весь период действия этого патента никто будто бы не смог его обойти [15].

Свой знаменитый патент американец И. М. Зингер получил 12 августа 1851 г. В трех пунктах этого «устрашающего» патента содержатся следующие нововведения: ослабление ткани при движении иглы вниз с одновременным оттягиванием нити назад ушком нитепротягивателя, способ расположения шпульки на лапке рамы, придание челноку дополнительного движения после остановки для более тугого натяжения стежка. Содержавшиеся в первоначальной формуле притязания на конструкцию механизма для перемещения ткани были отвергнуты экспертами из-за отсутствия новизны и не вошли в патент [16].

Зингеру не удалось обойти патент, полученный в 1846 г. Э. Гау младшим, на машинную иглу, действующую совместно с челноком, с одним острием, на котором имелось ушко с желобком. Игла с ушком на острие и челнок были уже известны, их применил американец В. Хант, изготовивший в 1834 г. швейную машину, но своевременно не подавший заявки на свое изобретение.

Но Зингер, обладавший незаурядной деловой хваткой, не растерялся. Фирма, созданная им, в 1852 г. купила лицензии на право пользования патентами Э. Гау и Дж. Бачелдера. Патент Бачелдера (1849 г.) был получен на вертикальное движение иглы над горизонтальным рабочим столом, непрерывный привод от колеса или через ременную передачу и на прижимную лапку для тяги.

Таким образом, фирма Зингера получила возможность наладить промышленное производство швейных машин. Основной изобретатель Э. Гау младший за каждую изготовленную и проданную внутри страны машину получал 5 долларов, за каждую машину, проданную за границу, — дополнительно один доллар. Кроме того, Э. Гау продал лицензии на свое изобретение другим фирмам. Общий его доход составлял 25 долларов от каждой проданной швейной машины.

В 1856 г. по предложению президента фирмы «Гроуэр и Бейкер компани» был создан трест швейных машин и образован патентный пул, куда вошли еще три фирмы: «И. М. Зингер и К⁰», «Э. Гау», «Вильсон К⁰». В результате этого объединения 24 другие фирмы, выпускавшие швейные машины, были вынуждены купить лицензии у треста.

В распоряжении треста имелись патенты Э. Гау, Дж. Бачелдера, И. М. Зингера, А. Б. Вильсона на устройство для перемещения ткани и других изобретателей на ряд второстепенных конструктивных элементов.

Через несколько лет в конкурентной борьбе за продажу швейных машин участвовало уже более 200 фирм. Для обхода основных патентов были применены методы дробления или расширения функций, изменения принципа работы, создания портативных устройств, художественного конструирования, изменения источника энергии (электрическая швейная машина В. Н. Чиколева), аналогии.

Были взяты патенты на «швейные ножницы», машины с веером для обмахивания швеи во время работы, машины с музыкальной шарманкой, для шитья заготовок обуви и на множество специальных швейных машин для шитья палаток, парусов, дорожных чемоданов, ремней и шлангов, зонтиков и т. д., всего более чем на 200 классов машин.

Больше всего повезло фирме изобретателя Дж. Джиббса. На основе своего патента 1857 г. он создал швейную машину, выполняющую цепную однониточную строчку, и тем самым обошел большинство патентов треста швейных машин. Все же и его фирме пришлось купить лицензию на применение вертикальной иглы.

В 1858 г. Дж. Перри изобрел швейную машину «конь», взяв патент на ее конструктивные особенности. Корпус машины был выполнен в виде фигуры коня, который ногой приводил в движение швейную иглу.

Г. Дж. Ганкок в своих патентах также удачно решил проблему обхода основных патентов. В 1868 г. он изобрел швейную машину, сочетавшую видоизменение конструкции и внешней формы. Его машина могла выполнять цепную строчку двумя иглами, из которых одна была снабжена снизу крючком, отличалась простотой конструкции и малыми габаритами, имея круглый каркас с орнаментом и декоративным зеркалом.

Меха, раздувающие пламя гения

К концу XIX в. в мировом сообществе сложились определенные понятия о праве на изобретение и на его охрану. Формально они были зафиксированы в Парижской конвенции 1883 г. по охране промышленной собственности. Первоначально конвенцию подписали 11 государств, которые образовали таким образом Международный союз по охране промышленной собственности. В 1884 г. в союз вступила Англия. Россия не присоединилась к Парижской

конвенции и в дальнейшем в Международный союз не вступила. Среди русских правоведов бытовало ошибочное мнение, что достаточно перевести описания иностранных патентов, для того чтобы безвозмездно пользоваться ими: «Даровое пользование изобретениями всего цивилизованного мира — это сделка, колоссально выгодная для нас» [17, с. 75].

При патентовании изобретений за рубежом вопросы выдачи патента решались на основе двусторонних соглашений. Парижская конвенция несколько упорядочила эти отношения, однако ей не удалось создать единого кодекса патентного права. Основной смысл конвенции, исходившей из принципа национального режима, был направлен на обеспечение защиты прав изобретателя не только в своей стране, но и в других странах — участницах конвенции, а также на создание благоприятных условий для выдачи патентов иностранцам. Передовые люди России понимали это, и голоса о необходимости присоединения к конвенции раздавались неоднократно. В работе А. Пиленко «Право изобретателя» с горечью говорится: «Мы даем в настоящее время иностранцам (за ничтожным исключением) все те преимущества, которые гарантированы конвенцией 1883 г., и намеренно лишаем себя взаимности» [18].

Установленный конвенцией национальный режим в вопросах охраны прав на промышленную собственность не исключает, а, наоборот, предполагает и закрепляет при защите прав применение внутреннего законодательства страны, в которой испрашивается охрана. Поскольку законодательство разных стран — членов союза иногда существенно различается, это приводит к тому, что порядок предоставления прав и установления приоритета в изобретении для иностранцев также серьезно различается.

Так, в некоторых странах донныне существует явочная система выдачи патента, когда новизна изобретения не проверяется, а сама заявка подвергается проверке лишь на выполнение определенных формальных условий, предусмотренных законом. При так называемой проверочной системе патент выдается после проверки заявки на наличие новизны и некоторых других условий, требуемых законом при выдаче патента. Новизна изобретения при этом может пониматься по-разному. В одних странах, например, требуется абсолютная новизна изобретения, т. е. отсутствие публикации и применения изобретения как внутри

страны, так и за границей. Согласно законодательству других стран, публикация изобретения внутри страны или за рубежом не порочит его новизну. Имеются страны, к которым, в частности, относится и Англия, где новизну изобретения порочат публикация, доклад в научном обществе, или применение, осуществленные только в пределах своей страны.

Постоянное бюро Парижской конвенции разместилось в г. Берне (Швейцария). Во многих крупных фирмах были образованы патентные бюро для выявления, оценки и приобретения патентов, которые могут стать опасными для монополий. Появляется тенденция к обобществлению изобретательской деятельности. В договорах о найме, заключаемых крупными фирмами с принимаемыми на работу специалистами, предусматривается, что изобретения, сделанные в период работы на предприятиях фирмы, безвозмездно ей передаются. В штатах монополий появляются «инженеры для развития техники», основная сфера деятельности которых — обнаружение всех изобретений, интересующих монополию.

Патенты стали выдавать при соблюдении двух основных условий: изобретение должно иметь новизну; изобретение должно иметь промышленную значимость. Владелец патента, не всегда являвшийся изобретателем, монополизировал имущественную выгоду, выявлявшуюся при эксплуатации изобретения. Наличие патента давало также изобретателю право требовать возмещения убытков в случае похищения или опубликования изобретения. Когда одновременно делалось несколько заявок на сходные изобретения, патент либо выдавался всем заявителям, либо вначале разрешался спор о приоритете.

С этого времени постепенно исчезают так называемые ввозные патенты, выдававшиеся тому, кто первый подавал заявку на изобретение, неизвестное в данной стране, хотя бы и явно чужое.

Президент США А. Линкольн точно определил сущность учреждений, охраняющих права изобретателей: «Бюро патентов раздувает пламя гения мехами личной заинтересованности».

Дата подачи заявки определяет приоритет. Заявка А. Белла о получении патента на изобретение телефонного аппарата была уже подана (1876 г.), когда двумя часами позже (!) Э. Грей, американский электрик-изобретатель, опротестовал ее в Вашингтонском патентном бюро, ут-

верждая, что он намерен изобрести телефон, основанный почти на тех же принципах, что и телефон Белла [9]. Будучи американским гражданином, Грей, по американским законам, имел право послать протест в патентное бюро еще до того, как его изобретение завершено. Белл, тогда еще гражданин Великобритании, был лишен этого права и подал заявку о патенте на уже готовое изобретение. Протест Грея служил лишь формальным уведомлением о его намерении изобрести телефон. Через три месяца после получения Беллом патента (вручен 7 марта 1876 г.) его поздравили члены жюри Выставки столетия. Среди членов жюри находился и Э. Грей, который не стал тогда утверждать, что изобрел телефон раньше Белла. Позже он заявил претензии на свой приоритет, так как использование патента начало приносить фирме Белла огромные доходы.

В первый президентский срок К. Кливленда (1885—1889) генеральный прокурор США возглавил заговор с целью отнять у А. Белла патентное право и передать его частной корпорации. В заговоре приняли участие несколько сенаторов, бывшие конгрессмены и бывший губернатор штата Теннесси. В частной корпорации генеральному прокурору принадлежали акции на сумму 1.5 млн долларов. Необычным в этом заговоре влиятельных бизнесменов было только то, что он окончился неудачей.

23 апреля 1886 г. Поль Эру во Франции, а 9 июля 1886 г. Чарльз Холл в США независимо друг от друга подали заявки о выдаче патентов на способ получения алюминия электролизом глинозема, растворенного в расплавленном криолите [19]. Уже из простого сопоставления дат подачи заявок ясно, что подлинный приоритет бесспорно принадлежит П. Эру. Распространению мнения об одновременности изобретения способствовало то, что биографии обоих изобретателей дают редкий пример совпадения хронологических дат. Оба родились в 1863 г., 10 апреля и 6 декабря, свой первый патент взяли в 1886 г., и оба умерли в 1914 г. (9 мая и 27 декабря).

На самом деле Холлу пришлось долго доказывать оригинальность своего изобретения, так как оно было чрезвычайно близко к первому патенту Эру. В конце концов Холлу был выдан патент, благодаря тому что в нем состав электролита был описан подробнее, чем у Эру.

А вот точно установить приоритет в способе электролитического получения алюминия представляется затруд-

нительным. На него имеют право двое ученых: немецкий химик Р. Бунзен и французский химик А. Сен-Клер-Девилль. А. И. Беляев пишет по этому поводу: «Окончательные результаты своих работ Бунзен изложил в виде отчета, который сдал в редакцию „Poggendorfs Annalen“ 9 июля 1854 г. Что касается Сен-Клер-Девилля, то 20 марта 1854 г. он представил во Французскую академию наук вместе с сопроводительным письмом Дюма королек электролитически полученного им алюминия, а в мае того же года послал несколько граммов этого металла Либиху. Обобщающий же отчет по своим опытам электролитического получения алюминия Деви́ль сделал в Академии наук 14 августа 1854 г., т. е. более чем на месяц позже Бунзена» [19, с. 44].

Такая же участь постигла строителя дирижабля с алюминиевым каркасом венгра Д. Шварца. В 1898 г. его изобретение было куплено и запатентовано графом Ф. Цеппеллином. В том же году Цеппеллин основал в Германии акционерное общество развития управляемого воздухоплавания. На берегу Боденского озера были построены мастерские, а на самом озере — плавучий эллинг. 2 июля 1900 г. построенный здесь жесткий дирижабль объемом 11 300 м³ совершил свой первый полет.

И все же приоритет в изобретении металлического дирижабля принадлежит не Д. Шварцу или Ф. Цеппелину, а К. Э. Циолковскому. В 1885 г. он теоретически разработал металлический управляемый аэростат. Свои расчеты и модель Циолковский представил на отзыв в Русское техническое общество. Материалы Циолковского попали к специалисту по аэродинамике Е. С. Федорову. 23 октября 1890 г. на заседании воздухоплавательного отдела общества Федоров сказал: «Я проверил все его расчеты и не нашел ни одной ошибки. . . Простые теоретические соображения и многолетний опыт доказывают неоспоримо, что, какой бы ни была формы аэростат, из какого бы материала ни сделан, он вечно, силою вещей, обречен быть игрушкой ветра» [20, с. 41]. Не поддержал изобретение Циолковского и опытный аэронавт А. М. Кованько. Дирижабль Циолковского так и остался в чертёжах, средств на его постройку выделено не было.

Доказательством приоритета К. Э. Циолковского служит его книга «Аэростат металлический, управляемый», изданная в 1892 г. на средства изобретателя в Московской типографии.

Внедрить не так просто, как изобрести. В заключении своего первого патента Эру подчеркнул, что «описанную выше и изображенную на чертеже установку следует рассматривать только в качестве примера моего нового способа, но я оставляю за собой право тех или иных технических изменений в установке».

Эру вспоминал: «Получив патент, я не знал, что мне с ним делать, и стал искать помощи у авторитетов. Один из тех, к кому я обратился за советом, сказал мне: „Алюминий — металл с ограниченным сбытом, и будете ли вы продавать его по 10 или по 100 франков за килограмм, вы никогда не продадите его ни на один килограмм больше. Если бы вы могли производить алюминиевую бронзу, это было бы совсем другое дело, так как она применяется в значительном количестве“» [21, с. 46].

Этим авторитетом был французский промышленник Пешинэ, владелец алюминиевого завода, производившего алюминий по способу Сент-Клер-Девилля. В настоящее время компания Пешинэ — одна из ведущих в мире в области производства алюминия. А тогда, 100 лет назад, основатель фирмы, боясь конкуренции, направил П. Эру по другому следу и избавился от опасного соперника. Изобретатель последовал совету Пешинэ и 15 апреля 1887 г. взял патент под названием «Способ получения алюминиевых сплавов нагревающим и электролизующим действием тока на окись алюминия». Он обратился к промышленникам с просьбой о финансовой помощи в получении алюминиевой бронзы. «Однако во Франции никто не захотел мне помочь, — вспоминал Эру. — С горьким чувством я покинул ставший мне родным Жантильи и уехал в Швейцарию. Почему в Швейцарию? Я сам не знаю. Я поехал бы на край света, куда угодно, где бы только я имел возможность продолжать свою работу по алюминию. Моя страна, сделавшая для алюминия больше других, не захотела оказать мне самой небольшой помощи. Что же, буду искать по миру людей, которые купят и меня, и мое изобретение» [21, с. 47].

Швейцарская компания «Сыновья Негер» в Нейгаузене подписала в августе 1887 г. контракт с Эру на реализацию его изобретения, что послужило началом деятельности будущего Швейцарского металлургического общества.

Германский промышленник Ратенау, финансировавший работы металлурга М. Килиани по получению чистого алюминия, предложил П. Эру сотрудничество, и 18 ноября

1888 г. было учреждено Акционерное общество алюминиевой промышленности в Нейгаузене с капиталом 10 млн швейцарских франков. Через месяц Эру оставил работу в Нейгаузене и уехал в Париж по приглашению французского электрометаллургического общества, которое приобрело его патенты для алюминиевого завода во Фроже. Эру стал директором этого завода, но поддерживал тесные контакты с заводом в Нейгаузене. В мае 1894 г. Британская алюминиевая компания приобрела патентные права Эру и построила первый английский алюминиевый завод.

А. И. Беляев, рассматривая существо изобретений Эру и Холла, указывал на приоритет американца Бредлея, подавшего в 1883 г. заявки на получение патентов по созданию промышленной аппаратуры для расплавленного алюминия. По каким-то причинам патенты ему были выданы лишь в 1891—1892 гг., когда Эру и Холл уже применяли свои изобретения в промышленности. Поэтому заслуга Бредлея оказалась недооцененной. Р. Дебар [22] предположил, что Холл знал о работах Бредлея и не упомянул о них, так как, указав на это, он мог опасаться отклонения своих патентов.

Холлу пришлось выдержать тяжелую борьбу по внедрению патентов в производство. Компания братьев Коульс пыталась купить его патенты за бесценок, но в 1888 г. отказалась от контракта ввиду разногласий в ее руководстве. Президент компании Э. Коульс настаивал на покупке патентов Холла, чтобы изъять их из обращения, избавив компанию от конкурента. В одном из своих писем президент признавался: «Мы рассуждали так: если этот метод попадет к кому-либо другому, то можно быть уверенным, что он убьет наш способ. Поэтому мы решили заключить с Холлом контракт. Это дело будет нам стоить несколько сот долларов, но явится полезным вложением капитала вроде страховки имущества от пожара» [19, с. 73]. Холлу удалось получить средства у небогатого промышленника Хента, и в конце 1888 г. близ Питтсбурга был пущен маленький завод.

Тогда компания братьев Коульс, которая приобрела патенты Бредлея, подала в суд жалобу, обвинив в нарушении этих патентов Питтсбургскую компанию. Братья Коульс использовали тот факт, что в патентах Холла не оговаривался фактор внутреннего нагрева ванн. Процесс длился 12 лет, и только в 1903 г. было вынесено решение: «Изобретение Бредлея представляется суще-

ственно новым; применение его является необходимым условием успеха электролитического получения алюминия. С другой стороны, устанавливается, что хотя изобретение Бредлея является необходимым, но все-таки еще недостаточным основанием современного способа, ставшего возможным благодаря изобретению Холла. Изобретение же этого последнего все же не устраняет зависимости его от патентов Бредлея» [19, с. 44]. По приговору суда компания Холла заплатила братьям Коульс компенсацию за пользование патентами Бредлея в прошлом и одновременно приобрело право на дальнейшее их применение до 1909 г. Срок же патентов Холла истекал в 1906 г. Производство алюминия в США стало свободным с 1909 г., тогда как в Европе срок патентов Эру истек в 1901 г.

Методы борьбы за приоритет. С 1869 г. Т. А. Эдисон, возглавив небольшую мастерскую со штатом в 50 инженеров-электриков, открыл эру «изобретательской индустрии». ² Продукцией его мастерской стали изобретения, патенты на которые (все на имя владельца мастерской) продавались затем влиятельным бизнесменам.

Английский ученый Д. Бернал так определил значение деятельности Эдисона: «Триумф Эдисона знаменует собой конец эпохи изобретателя-одиночки и начало новой эпохи — целенаправленного научного исследования в промышленности, роль которого все возрастает в наше время» [23].

Одной из первых компаний, заключивших контракт с Эдисоном, была «Вестерн Юнион». Она могла первой давать заказы на изобретения и первой имела право покупать патенты Эдисона. В 1877 г. «Вестерн Юнион», отказавшись приобрести патент Белла, заказала Эдисону модель нового телефонного аппарата, основанного на иных принципах. Эдисон изобрел угольное передающее устройство, право на патентование которого «Вестерн Юнион» приобрела за 110 тыс. долларов. Позднее выяснилось, что заявку на патент оспаривает Э. Берлинер, так как это изобретение Эдисона в принципе совпадает с его собственным, сделанным несколько раньше. Через 14 лет судебных разбирательств патент на изобретение угольного передающего устройства был выдан Берлинеру, который продал его компании Белла «Америкен Белл Телеграф компани» [10].

² В течение жизни Эдисона Бюро патентов США выдало ему 1093 патента.

Компании А. Белла и Д. Гоулди (владельца «Вестерн Юнион») занимались «пиратством»: выкрадывали друг у друга особенности принадлежащих им патентов. Эта «телефонная война» докатилась и до Англии, где Британское бюро патентов вынуждено было принять строгие меры: Эдисону запретили пользоваться приемным устройством Белла.

Компания «Вестерн Юнион», в которой служил также и Э. Грей, открыла в начале 1879 г. фирму «Америкен Спикинг Телефон компани», которая занялась производством телефонов, игнорируя патентные права А. Белла. Сторонники Белла создали фирму «Нью-Ингленд Телефон компани» и ринулись в борьбу с «Вестерн Юнион». Через год фирмы пришли к соглашению о создании объединенной компании «Белл компани». «Вестерн Юнион» получила 20 % прибыли и обязана была поставлять провода и электрическое оборудование. «Нью-Ингленд Телефон компани» передала в собственность новой фирмы патент Белла.

11 февраля 1893 г. в венгерской печати появилось описание карбюратора Банки—Чонка, а патент на «Усовершенствование бензиновых моторов» был получен 18 октября того же года. Владелец патента была фирма «Ганц». Германская фирма «Майбах» взяла патент на сходное устройство 17 августа 1893 г. и долгое время претендовала на приоритет в изобретении карбюратора. Лишь в 30-х гг. нашего века Международная федерация инженеров признала приоритет за Д. Банки и Я. Чонка [24].

Покупка чужого изобретения. В конце XIX—начале XX в. машинистки всех стран мира пользовались пишущими машинками Ремингтона и Ундервуда. Эти фамилии носили владельцы фабрик по изготовлению машинок, откупившие у изобретателей их права. «Ремингтон» изобрел в 1867 г. американец Х. Шолес. Нуждаясь в деньгах, он показал свою машинку Ремингтону и тот выкупил ее у изобретателя, оговорив право назвать машинку своим именем. В дальнейшем специалисты фирмы Ремингтона существенно усовершенствовали первоначальную модель. Интересно отметить, что одним из первых покупателей пишущей машинки был Марк Твен (1874 г.). Считается, что первым литературным произведением, напечатанным на пишущей машинке, были знаменитые «Приключения Тома Сойера» [25].

Служащий фирмы Ремингтона Ф. Вагнер, самостоятельно занявшийся усовершенствованием пишущей машинки, продал свое изобретение Д. Ундервуду. В 1894 г. эта модель машинки была запатентована и получила название «Ундервуд».

Возможность перекупать патенты и давать изобретению имя купившего их дельца сохранилась в дальнейшем.

Правильно формулировать предмет изобретения. Изобретение самолета братья Уилбур и Орвил Райты три года держали в строгой тайне, не шли ни на какие переговоры о его демонстрации или использовании. 22 мая 1906 г. они наконец получили от американского Бюро патентов патент на «летающую машину». Братья предлагают изобретение американскому правительству, но отказываются распаковывать части самолета до получения денег. Представители правительства отказываются платить за аппарат в ящиках. Одновременно братья ведут переговоры о продаже изобретения с французскими военными представителями и лондонским аэронавтическим обществом, но также требуют деньги вперед. Тем временем конструкторы самолетов в разных странах уже совершают демонстрационные полеты на своих машинах. Перед Райтами открывалась неприятная перспектива — оказаться первыми заявителями, а не изобретателями (в США и Канаде изобретателем считается тот, кто первым предъявил изобретение в действии, даже если оно не было заявлено первым). В мае 1908 г. они согласились и с американскими, и с французскими условиями. В помещении французской таможни после длительного хранения был вскрыт ящик с летательным аппаратом Райтов.

Между тем французские авиаторы, наблюдая за полетами нового аппарата, разобрались в причинах своих неудач: на их самолетах не было средств для управления по крену. Французы применяют способ Райтов, полностью копируя перекося крыльев.

Из заявки братьев Райт: «Мы желаем отметить, что наше открытие не ограничивается одной лишь этой конструкцией. . .». Правильно составленная формула изобретения очерчивает круг эквивалентных решений, подпадающих под действие патента. Но круг таких решений сужают лишние пункты. У Райтов одним из таких пунктов (всего их 16) был девятый: «. . .указанные задние кромки крыла деформируются по спирали».

Француз Фарман использовал эту ошибку и получил

патент, деформировав кромки крыльев своего самолета иначе. Братья подали в суд. Но пока длилась судебная тяжба, французы используют их изобретение бесплатно и даже идут в контратаку. В суд на Райтов подает К. Адер. Райты неправильно назвали свое изобретение «летающим аппаратом», в действительности формула изобретения содержит описание способа управления. А настоящим изобретателем летающего аппарата является он, Адер. Потребовалось долгое судебное разбирательство, прежде чем Адер снял свои претензии. Наконец и элероны Фармана были признаны эквивалентным инженерным решением, не содержащим новизны изобретения.

К тяжбам с французами добавились и споры с соотечественниками. Наиболее сложным был иск Г. Кертиса, претендовавшего на приоритет в изобретении элеронов. Орвил в 1912 г. поклялся умирающему от тифа брату, что будет защищать их изобретение до конца, не предполагая, что на это понадобится 30 лет [26].

В 1912 г. французский изобретатель Р. Эсно-Пельтри предъявил судебный иск французским и английским авиационным фирмам в том, что они использовали его патент на ручку управления аэропланом, которой и теперь пользуются пилоты [27]. В 1923 г. изобретатель выиграл дело. С каждого выпущенного самолета ему полагалось получить 2 тыс. франков. Европейские компании оказались в затруднительном положении и после долгих переговоров с изобретателем выплатили ему единовременно 7 млн 237 тыс. франков. Но и изобретателю этот судебный процесс достался не легко. Он вынужден был продать свой образцовый по тогдашнему уровню производства завод и занялся изобретательством в области ракетной техники.

Для чего же нужно право на «первородство», приоритет? На этот вопрос наши западные современники отвечают так: «...человек свободен рационализировать и изобретать. Это связано с патентным правом, предусматривающим, что трудовые и финансовые затраты на изобретение будут в конечном счете компенсированы путем участия в доходах тех лиц, которые получают выгоду от нового изобретения» [28, с. 17].

Глава IV

Изобретатели России

Манифест императора

«И рабство с творчеством согласовать нельзя» (В. Брюсов. «Замкнутые»). Россия XVIII в. занимала «достойное место среди других стран и народов, место, определяемое энергией народа, его повседневными хозяйственными усилиями, сноровкой, талантами» [1, с. 14]. В то же время И. Ползунов, отец и сын Черепановы, К. Фролов, Л. Шамшуренков, И. Кулибин и множество других остающихся пока неизвестными изобретателей в силу объективных причин не могли защитить свое изобретательское право.

Приоритет русских изобретателей не фиксировался и во многих случаях оказывался утраченным. Основными причинами этого являлись: крепостное право, по которому изобретатели из народа были личной собственностью помещиков или владельцев предприятий; отсутствие законов, защищающих права изобретателей; в правительственных учреждениях не было специалистов-экспертов, которые могли бы дать оценку изобретениям.

1712—1725 годы. Механик А. К. Нартов создает станки с «держалкой» (суппортом), заменяющей человеческую руку. Однако в то время ни в России, ни на Западе не было потребности в совершенствовании машиностроительной техники. Изобретение Нартова не нашло дальнейшего применения: оно было сделано рано.

Патент на суппорт был получен англичанином Г. Модсли в 1794 г.

1752 год. Крестьянин Шамшуренков предлагает Сенату часы, которые ходить будут у коляски на задней оси. Это — фактическое изобретение спидометра. В Европе такого прибора еще не было.

1765 год. И. Ползунов установил центробежный регулятор скорости вращения в своей двухцилиндровой паровой машине непрерывного действия. Через 19 лет английский патент на усовершенствование регулятора скорости вращения получил Дж. Уатт, хотя его регулятор был основан на том же принципе, что и у Ползунова [2].

Ф. Араго в 1829 г. подверг критике английскую трактовку истории техники, по которой англичане имеют приоритет в изобретении паровой машины, а центробежный регулятор — продукт изобретательского гения Дж. Уатта.

О некоторых русских изобретениях даже сообщалось в печати, если они привлекали внимание императорского двора. «Санкт-Петербургской Академии наук механик Иван Петрович Кулибин изобрел искусство делать, некоторою особою вогнутою линиею, составное из многих частей зеркало, которое когда пред ним поставится одна только свеча, производит удивительное действие умножая свет в пять сот раз противу обыкновенного свечного света и более, смотря по мере числа зеркальных частиц в оном вмещенных, — написано в разделе «Разные известия» «Санкт-Петербургских ведомостей» № 15, «во Вторник Февраля 19 дня, 1779 года». — Оно может поставляться и на чистом воздухе в фонаре: тогда может давать от себя света даже на несколько верст, также по мере величины его. . . Изобретатель имел счастье 11 сего месяца представить таковое зеркало Ея Императорскому Величеству, и в Ея Высочайшем присутствии и произвести разные опыты действия онаго. Галерея на пятьдесят сажен была освещена сим зеркалом посредством одной только свечки. Ея Императорское Величество изволила оказать при том свое благоволение изобретателю и пожаловать ему знатное число денег. Сие же изобретение рассматривано и свидетельствовано было в общем Академии наук собрании, и по рассмотрении отдана всеми должная справедливость умопроизведению господина Кулибина». Эта публикация является основанием для установления приоритета в изобретении прожектора.

В 1782 г. по улицам Петербурга разъезжала трехколесная «самобеглая коляска», построенная И. Кулибиным. Она была снабжена коробкой передач и маховиком. В этом Кулибин на 57 лет опередил англичанина Хилса, за которым числится привилегия на подобное изобретение.

Манифест 1812 г. Александр I, подписав в 1807 г. Тильзитский договор с Наполеоном, защитил отечественную торговую и промышленную буржуазию от иностранных конкурентов, особенно английских. Согласно договору, Россия присоединилась к континентальной блокаде, объявленной Наполеоном в ноябре 1806 г., прервав тем самым торговые отношения с Англией. С исчезновением

на русском рынке английских купцов и при отсутствии французских чрезвычайно оживилась русская торговля и промышленность (кроме железоделательной).

В 20-е гг. XIX в. неизвестный автор в своем «Патриотическом рассуждении московского коммерсанта о внешней российской торговле» отмечал: «Не только многие богатые коммерсанты и дворяне, но из разного состояния люди приступили к устройству фабрик и заводов разного рода, не щадя капиталов и даже входя в долги. Все оживилось внутри государства и везде водворилась особенная деятельность» [3, с. 182].

Протекционистские тарифы 1810 и 1816 гг., защитив русскую промышленность высокими ввозными пошлинами, снизили заинтересованность русских предпринимателей во внедрении передовой техники и технологии. Объявленное в 1819 г. всеобщее разрешение ввоза иностранных товаров вызвало бурный подъем английской промышленности.

Иностранные промышленники внимательно следили за успехами научной и технической мысли в России по публикациям в журналах и газетах сведений о русских технических достижениях, изучали заказы на машины и приборы, которые передавались русскими для изготовления за рубежом. Основная информация поступала от многочисленных иностранцев, занимавших в русском государстве ответственные посты в промышленности, торговле, военном и морском ведомствах. Все эти источники использовались очень эффективно. Русские изобретения, не получившие признания на родине или не освоенные отечественной промышленностью, начинали применяться иностранными предпринимателями, чаще всего под их именем. Через некоторое время эти изобретения импортировались в Россию в качестве образцов передовой научно-технической мысли или изготавливались в России на предприятиях, принадлежавших иностранцам.

Подготовка к войне с Наполеоном стоила России огромных денежных средств. Для покрытия военных расходов в Англии был взят заем из 8 % годовых. Государственная казна опустела. А тут еще произошла неприятность с винокурными заводами. Чиновники казначейства доложили, что миллионы рублей, которые должны были поступать от владельцев этих заводов, уходят в карманы двух иностранцев — Гереня и Элглунда. Пользуясь полученной привилегией на использование аппарата для контроля объема алкоголя, «изобретатели» потребовали

у всех владельцев винокуренных заводов выплачивать большие отчисления от своих доходов. В тексте привилегии не было приведено описания аппарата, так же как и не было представлено никаких рисунков или чертежей. Просто отобрать привилегию было нельзя — нежелательный прецедент мог подорвать доверие предпринимателей к обязательствам царской власти. А решать надо было немедленно. Казне требовались наличные деньги.

12 июня армия Наполеона, переправившись через р. Неман, вступила на русскую территорию. Началась Отечественная война 1812 г. 17 июня Александр I подписал манифест «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах». В пятом параграфе манифеста говорилось: «Для получения привилегии необходимо представить правительству точное описание своего изобретения или открытия со всеми существенными одного подробностями, приемами и образом его употребления и рисунками, не утаивая ничего, что к точному воспроизведению относиться может».

На основании манифеста иностранцы были лишены привилегии на винокуренный аппарат, казна пополнилась доходами от винных заводов, а в России появился первый закон о приоритете. Манифест предусматривал явочную систему выдачи привилегий, выполнявших функции патентов на изобретения без проверки их новизны.

В первые годы после появления манифеста привилегий выдано было очень мало, в основном иностранцам.

В 1826 г. директор департамента мануфактур Министерства финансов П. Бурнашев разработал проект второго патентного закона России. После долгого обсуждения проект лег в основу Положения о привилегиях, утвержденного Государственным советом 22 ноября 1833 г. Второй раздел патентного закона «О порядке выдачи привилегий» гласил: «Желающий получить привилегию на изобретение должен представить его описание со всеми существенными одного подробностями, приемами и образом употребления изобретения и с принадлежащими к тому чертежами и рисунками, не утаивая ничего. В описании сем, равно как и в чертежах, проситель должен соблюсти величайшую полноту, точность и ясность, без малейшего двусмыслия или недоразумения; так, чтобы впоследствии времени люди могли по одному описанию и чертежам произвести означенный предмет в действо, не имея нужды прибегать

к догадкам или пополнять недостатки, в нем содержащиеся».

В 1828 г. в России было выдано 7 привилегий. Вот текст одной из них от 27 октября 1828 г.:

«Санкт-петербургский купец Егор Зубчанинов подал Министерству внутренних дел в 25 день Мая 1828 года просьбу, в коей изъяснял, что он течение многих лет, имея собственную мельницу Новгородской губернии в устье реки Губы, впадающей в Мсту, не щадя значительных издержек, старался улучшить действие жерновых камней и достиг желаемого устройства хода жерновых камней в вертикальном их направлении. От сего средства открылись на опыте следующие против прежнего устройства жерновов в горизонтальном положении выгоды: (перечисляются 7 пунктов. — Авт.). По сему он просил выдать на изобретение его привилегию на 10 лет <...>.

При рассмотрении всего вышеописанного в Совете Министерства внутренних дел, оный, находя, что подобной привилегии на сие дело никому прежде выдано не было и что изобретение Зубчанинова действительно может быть употреблено с пользою в сельском хозяйстве, просимую им привилегию выдать на законном основании.

Согласно положению Государственного Совета и на основании высочайшего е. и. в. Манифеста от 17 июня 1812 года, Министр внутренних дел дает сию привилегию Санкт-Петербургскому купцу Зубчанинову, которому сим дозволяется означенное свое изобретение производить, употреблять, продавать, дарить, в залог и наследникам отдавать как его собственность и пользоваться сим правом исключительно во всех российских губерниях и областях в течение 10 лет от нижеописанного числа. Пошлина 1 500 рублей» [4].

Нет специалистов-экспертов. Перед генерал-майором путей сообщения П. П. Базеном лежала пачка листов с проектом подводного судна. Изобрел его в 1825 г. минский дворянин К. Г. Чарновский, арестованный позднее за пропаганду идей декабристов. П. П. Базен был известным инженером-мостостроителем, но он никогда не строил кораблей. Тем не менее добросовестный генерал указал на некоторые недостатки, в частности на плохую систему вентиляции, и предложил произвести практические опыты по введению в России подводного судоходства. Через 10 месяцев Чарновский получил отзыв Базена. В это время он уже находился в Шлиссельбургской крепости. Тем не

менее изобретатель улучшил конструкцию, приняв во внимание сделанные замечания. Почему и в этот раз П. П. Базен взял лично на себя решение по этому вопросу, а не показал проект подводного судна инженерам морского ведомства, навсегда останется неизвестным. В своем втором отзыве генерал назвал изобретение «неудобоисполнимым», и все документы остались лежать в архиве военного министерства, пока их там не обнаружили в 1940 г. В проекте оказалось много конструктивных разработок, которые впоследствии были применены при создании подводных лодок, т. е. «вторично» изобретены другими авторами [5].

Современники не оценили. Первая в мировой практике работа по неевклидовой геометрии «Начала геометрии» была опубликована в журнале «Казанский вестник» за 1830 г. Автором ее был ректор Казанского университета Н. И. Лобачевский. Труд Лобачевского, представленный им в Академию наук, рассмотрел самый известный математик России академик М. В. Остроградский и дал резко отрицательную оценку: «Автор, по-видимому, задался целью писать таким образом, чтобы его нельзя было понять... Книга г-на ректора Лобачевского опорочена ошибкой, небрежно изложена и, следовательно, не заслуживает внимания Академии» [6, с. 22]. Непременный секретарь Петербургской Академии наук П. Н. Фусс, может быть, по вине Остроградского не признал возможным привлечь Лобачевского для работы в Академии, несмотря на то что Гаусс называл Лобачевского «истинным геометром» [7].

Но Лобачевский не прекращал работы над новой геометрией. В 1835—1838 гг. он публикует три статьи о «воображаемой» геометрии на русском, французском и немецком языках. Уже больной и ослепший, он диктует свой последний труд «Пангеометрия», который в год его смерти выходит во французском переводе. Значения его идей современники не смогли оценить.

В 1832 г. в Вене был опубликован «Обширный курс» математики Ф. Бойаи, к которому его сын Я. Бойаи написал «Приложение, содержащее науку о пространстве абсолютно истинную, не зависящую от истинности или ложности XI аксиомы Евклида, что а priori никогда решено быть не может». Приложение представляло собой систематическое изложение основ той же новой геометрии, разработанной Лобачевским. Отец, Ф. Бойаи, не понял идей сына и отправил его работу на отзыв К. Ф. Гауссу.

Из ответа Гаусса выяснилось, что он сам давно пришел к той же идее, но не решался ее публиковать, опасаясь встретить непонимание. Дальнейших исследований по развитию неевклидовой геометрии Я. Бойаи уже не проводил. После смерти Гаусса в его научных дневниках были обнаружены исследования по новой геометрии.

Славу создания неевклидовой геометрии разделяют Лобачевский, Гаусс и Бойаи, но приоритет в публикации принадлежит Н. И. Лобачевскому.

5 сентября 1834 г. на Выйском заводе в Нижнем Тагиле, принадлежавшем Н. Н. Демидову, прошли успешные испытания первого русского паровоза, изобретенного отцом и сыном Черепановыми. Но владелец завода не оценил значения этого события для развития отечественного железнодорожного транспорта и даже отказался послать паровоз Черепановых на выставку в Петербург.

В том же 1834 г. приехавший из Австрии профессор Герстнер добился выдачи привилегии на строительство первой в России общественной железной дороги Петербург—Царское Село, для которой закупили английские паровозы.

25 ноября 1833 г. вышел указ, по которому явочная система выдачи привилегий была заменена проверочной или исследовательской, вводилась экспертиза представляемых изобретателями материалов. До этого указа за 21 год Министерство внутренних дел выдало 72 привилегии на изобретения.

Борьба за приоритет

Изобретение гальванопластики. Летом 1836 г. профессор Дерптского университета Б. С. Якоби испытывал свой новый гальванический элемент, содержащий медный цилиндр и мембрану из бычьего пузыря. Через несколько месяцев непрерывных опытов наружная поверхность цилиндра оказалась покрытой зернами меди. В феврале 1837 г. он просил ассистента очистить цилиндр. В процессе очистки отделилось несколько кусочков меди. Ассистент доложил об этом профессору. Тот сначала подумал, что цилиндр испорчен из-за нерадивости помощника, но затем решил сравнить внутреннюю поверхность кусочков меди с внешней поверхностью цилиндра. При этом он заметил несколько царапин на обеих поверхностях, точно соответ-

ствующих друг другу: вогнутые на цилиндре и рельефные на медных кусочках. Ассистент был оправдан, а Якоби продолжил наблюдения. Прежде всего он перечитал все опубликованные работы физиков по восстановлению металлов, однако аналогичных наблюдений не обнаружил, кроме одного: в 1824 г. парижский профессор прикладной химии Клеман-Дезорм получил от фабриканта древесного уксуса из Бургундии медную массу, на которой были заметны слабые отпечатки древесных волокон, с которыми она соприкасалась. Но это наблюдение прошло незамеченным.

Теперь надо было установить условия, при которых имело место обнаруженное явление. Может быть, это только игра случая и его невозможно воспроизвести?

В качестве положительного полюса Якоби взял цинк, погруженный в воду с примесью серной кислоты, а в качестве отрицательного — гравированную медную дощечку, служащую для печатания визитных карточек.¹ К сожалению, ему не удалось хорошо отделить от гравированной дощечки медный листок, который отложился на ней. Он с трудом получил только кусочки этого листка, самый большой из них имел совершенно ясные рельефные отпечатки его имени.

Этот кусочек Якоби намеревался передать А. С. Беккерелю через генерала корпуса инженеров Базена, отправлявшегося во Францию для лечения, но Базен не смог выполнить поручения из-за состояния здоровья (вскоре он скончался). Первые результаты изобретения гальванопластики наблюдал профессор Казанского университета Клаус, известный своим открытием нового металла, который он назвал рутением. Б. С. Якоби не хотел делать заявку о своем открытии гальванопластики² для установления его даты, пока не будут получены более ощутимые результаты (первая его ошибка).

В июне 1837 г. Якоби с женой переехал в Петербург, где продолжил практические опыты. Только через год он получил хорошую гальваническую копию медной до-

¹ Это была первая в мире установка для получения металлических покрытий.

² Формулировка Б. С. Якоби: «Пользуясь термином гальванопластика, я подразумеваю под этим способ или искусство воспроизводить с помощью гальванизма металлические предметы, представляющие... точную обратную копию форм, служащих им оригиналами» (Архив АН СССР, ф. 187, оп. 382).

щечки. Эта дощечка была представлена в Академию наук 5 октября 1838 г.³ Позднее министр народного просвещения приказал ему составить общедоступную статью для «С.-Петербургской газеты», которая была напечатана 24 декабря 1838 г. Якоби подробно рассказал о сущности своего изобретения, не взяв привилегии (вторая его ошибка). Выдержки из этой статьи перепечатали немецкие, английские и французские газеты.

Как пользоваться чужим умом. В сентябрьском номере «Philosophical Magazin» за 1839 г. было опубликовано письмо Якоби М. Фарадею, где описан открытый им способ гальванопластики. Только после этого (через 7 месяцев) появился Т. Спенсер со своими претензиями, и нетрудно себе представить, что у него было совершенно достаточно времени, чтобы вторично изобрести опубликованный способ.

Якоби назвал поведение Спенсера пиратством.

Парижская Академия не раз высказывалась за то, что только дата публикации или представления дает автору право приоритета на открытие или изобретение. Поскольку был установлен такой принцип, Якоби не мог назвать 1837 г. годом своего изобретения. Приходилось подчиняться и довольствоваться только датой 5/17 октября 1838 г.

В эти дни Б. С. Якоби записывает в дневнике:

«Итак, мои права установлены по крайней мере совершенно легально по сравнению с правами тех, кто претендует на изобретение гальванопластики более раннее, чем мое, или же одновременное, и не может обосновать свои претензии такими же вескими документами, как и я, т. е. доказать, что какой-либо документ, касающийся изобретения гальванопластики, был опубликован 5(17) октября 1838 г. или же зарегистрирован до этого числа каким-либо ученым обществом или какой-либо другой официальной организацией, пользующейся общественным влиянием.

По правде сказать, в подобных спорах, в которых затрагивается самолюбие, всегда имеется опасность скомпрометировать себя. Но разве я могу отказаться от почетных прав, которые связаны с этими достижениями и лишить мою страну этих прав, видя их с кем-нибудь поделенными? Наиболее дорогим правом, на которое я претендую, является признание того, что я ознакомил

³ Официальная дата изобретения гальванопластики.

ремесленников и художников с пользой практического применения гальванических сил.

Я не считал удобным окружать это открытие покрывалом таинственности. Ученые, с которыми я был знаком, всегда могли быть в курсе его постепенного совершенствования. Тем не менее я мог делать из него секрет перед рабочими, которым я поручал выполнение необходимых приборов. Я считал несовместимым с моим положением⁴ извлекать из него какую-либо пользу, взяв патенты в других государствах. Дела промышленного характера отвлекли бы меня от главной цели, создать электромагнитную машину для практического применения.

Но, к величайшему моему огорчению, я не уверен, что в настоящее время низкие спекулянты, незаконно овладев моим открытием, не делают попыток продать его за другую цену и распространить его в других странах» [8]. Из приведенных высказываний Б. С. Якоби видно, что он, может быть, первым из русских ученых ясно понял необходимость и важность приоритета для автора и страны и упорно его отстаивал.

Гальванопластика или гамбургеротипия? Но на этом попытки отнять у автора приоритет в изобретении гальванопластики не окончились.

Неожиданно в петербургском журнале «Библиотека для чтения», редактором которого был известный писатель О. И. Сенковский («барон Брамбеус»), появилась статья «Гамбургеротип». В ней было сказано, что Б. С. Якоби представил публике не изобретение, а мысль к изобретению, потому что на той точке, на которой он его оставил, оно приносило немного пользы искусству, так как изготовление копий по этому способу мучительно и медленно. Вот что писалось в статье: «Этого великого результата достиг с самым блистательным успехом здешний ламповый мастер Гамбургер. Познакомившись случайно со способом г. Якоби, он предался втайне гальваническим опытам, и в июле месяце явился к вице-президенту императорской Академии художеств графу Ф. П. Толстому (известный русский медальер. — *Авт.*) с предложением отлить по этому способу с его восковых барельефов медные формы. Мы имели случай

⁴ Б. С. Якоби всего четыре года, как работал в России, и своими успехами считал себя целиком обязанным поддержке русского правительства.

рассматривать в мастерской графа Толстого эти чудесные плоды гальванизма и изобретательности Гамбургера. В воздаяние за такой подвиг на пользу искусства всеми присутствующими прозван на вечные времена ящик Гамбургера — гамбургеротипом».

С весны 1838 г. И. Гамбургер работал у Якоби по изготовлению сосудов для гальванопластических батарей. Профессор однажды побывал в его мастерской и к своему удивлению увидел признаки занятий гальванопластикой. Победив первоначальное смущение, Гамбургер сознался, что он старался получить сведения об изобретении.

Приоритет подтвержден. Как-то Гамбургер принес Якоби для опытов два свинцовых слепка с прекрасных барельефов графа Толстого. Он не сказал, что взял новые барельефы графа без его ведома, один из которых, «Пир в доме Одиссея», был даже не вполне закончен.

Гальванопластические копии с этих барельефов получились очень удачными, и Якоби демонстрировал их императору в день открытия Обсерватории в Пулковое. Толстой, увидев копии, подумал, что Якоби выдал за собственные произведения то, что сделал Гамбургер, и начал против Якоби кампанию, объединившись с О. И. Сенковским и рядом других лиц. Объяснений граф выслушивать не захотел и начал упорно добиваться публикации своей статьи, в которой хотел доказать, что Якоби «присвоил» не только изобретение Гамбургера, но и художественную собственность его самого. Толстому помешал письменный отказ Гамбургера: «Сообщаю г-ну профессору Якоби следующее объяснение: Статья в „Библиотеке для чтения“ напечатана совершенно противу моей воли и без моего ведома, и я долгом поставляю отклонить от меня приписываемую мне в сем журнале честь, принадлежащую по праву профессору Якоби. Г. профессор Якоби, для которого я делал многие аппараты, был столь милостив, что научил меня важнейшему в открытом им способе гальванического отливания форм. Почитаю долгом моим засвидетельствовать ему за сие мою благодарность. С.-Петербург, 16 октября 1839 г. Подписано: И. А. Гамбургер». Подлинник этого письма Якоби передал в редакцию газеты «Северная пчела».

«Мое изобретение принадлежит России». В январе 1840 г. из Парижа на имя Б. С. Якоби пришло письмо от Л. Н. Демидова. «Мне сообщили об изобретенном

вами любопытным способом получать при помощи электрических токов рельефное воспроизведение предметов... У меня был повод сообщить переданную мне новость членам Парижской Академии наук, и она показалась им столь поразительной, что г. Араго счел необходимым доложить об этом Академии». Демидов прислал также подлинные тексты сообщений, сделанных Араго Академии 16 и 23 декабря 1839 г.

Отрывок из статьи в парижской газете «L'Artiste» от 18 июля 1840 г.: «То, что Дагер сделал для рисунка, г. Якоби сумел сделать для скульптуры. Россия, гордясь изобретением г. Якоби, стала распространять его с гораздо большей поспешностью и бескорыстием, чем это сделала Франция, подарив Европе дагерротип. Притом дагерротипу предшествовали во всей Европе различные взятые заранее патенты на изобретения. Г. Якоби проявил больше щедрости. Он распространил свой секрет во всем его объеме, и вот мы уже видим, что по его чертежам, которые мы напечатали на прошлой неделе, начинают конструировать аппараты г. Якоби. Случилось даже так, что один из самых талантливых людей, г-н Бокильон, библиотекарь хранилища искусств и ремесел, сразу взялся за дело и изготовил целый ряд всяческих медалей и барельефов. Само собою, г. Бокильон несколько не претендует на честь этого прекрасного изобретения и представляет ее полностью знаменитому петербургскому ученому».

К сожалению, не все было так, как говорилось в статье. Как только Бокильон и его друг узнали о статье в «L'Artiste», они стали возмущаться, что их разоряют, ибо увидели, что не могут более претендовать на приоритет и, во всяком случае, что публика его за ними не признает. Эти господа задерживали также публикацию сообщения об изобретении гальванопластики, сделанного академиком Ф. Араго. Через полгода в парижской газете вновь появилось письмо Бокильона, где он сделал новую попытку претендовать на изобретение гальванопластики.

В дни, когда Б. С. Якоби отстаивал свой приоритет, журнал «Отечественные записки» писал:

«Опыты над электричеством вообще, сделанные в России со времен Ломоносова, Франклинова соперника, заслуживали бы особой истории, но нельзя вообразить, какого труда стоит отыскание для нее достоверных

материалов; наши ученые, может быть по излишней скромности, любят держать свои изобретения под спудом, а между тем иностранцы или попадают на ту же мысль, или известные сообщения наводят их на какое-нибудь явление, уже замеченное в России; и русское открытие является на свет под чужеземною фирмою, как то недавно случилось с электрическим телеграфом барона Шиллинга! Мы долгом считаем обратить на этот предмет внимание русских ученых» [9, с. 45—46].

В 40-х гг. XIX в. гальванотехникой занялся прусский офицер Вернер Сименс. В 1843 г. в Англию прибыл его брат, Вильгельм Сименс, чтобы продать изобретенный Вернером способ гальванического золочения. Один из английских предпринимателей приобрел патент на этот способ за 1500 фунтов стерлингов [10]. Братья Сименсы, в том числе и третий брат, Фридрих, обладали исключительным чутьем на выгодные сделки.

Гальваническое золочение в числе других способов ранее было освоено Б. С. Якоби. В донесении Комиссии электромагнитных опытов от 10 декабря 1842 г. Якоби сообщал, что летом этого года он поднес в качестве дара прусскому королю скрижаль, исполненную методом гальванического золочения.

Излишняя секретность вредна для установления приоритета. Б. С. Якоби пришлось отстаивать свой приоритет не только в изобретении гальванопластики. В первые годы жизни в России Якоби не брал патенты на свои изобретения, а ограничивался публикациями в научных журналах или сообщениями на заседаниях Академии наук. Это давало возможность недобросовестным людям приписывать себе авторство, а в некоторых случаях брать патенты в других странах на уже известные изобретения.

В 19-м томе французского журнала «Comptes Rendus» за 1844 г. была опубликована статья Пулье о способе измерения весьма коротких промежутков времени. Ознакомившись со статьей Пулье, Б. С. Якоби направил Ф. Араго письмо следующего содержания: «Способ, которым я пользовался тогда (в 1838 г. — Авт.) для получения тока, продолжительность которого была только секунды, был почти тот же, что и способ, примененный недавно Пулье. Не имея тогда в своем распоряжении достаточно чувствительного гальванометра и рассчитав, что ток небольшой по величине и про-

должительности не сможет пройти по проводнику без того, чтобы движение, переданное стрелке, было заметным, я довольствовался появлением искры, свидетельствующей о наличии тока» [11, с. 35]. Приоритет Б. С. Якоби подтверждался письмом, направленным неперемемному секретарю Академии 19 января 1838 г., где были описаны опыты по определению скорости распространения магнитного или электрического поля в диске Араго.

В 1867 г. английский инженер Томсон взял патент на изобретение электрического регистрирующего прибора. Между тем Б. С. Якоби еще в 1839 г в своем электромагнитном телеграфе применил такой же регистратор. Но его изобретение, нашедшее применение в нескольких телеграфных аппаратах, используемых императором и высшими чинами Главного штаба, не было в то время опубликовано, так как по личному указанию Николая I все работы в области электротелеграфии были засекречены. Насколько вредна излишняя секретность, видно на примере со стрелочным электромагнитным телеграфным аппаратом, изобретенным Якоби в 1842 г., где впервые применена электрическая синхронная связь стрелок передающего и приемного аппаратов. Вот что написал Якоби в Академию наук 9 октября 1857 г.: «...по моему ходатайству разрешили мне заграничный отпуск (в 1845 г. — Авт.). Между прочим, я посетил моих давнишних друзей в Берлине. Одному из них я показал эскиз моего нового аппарата, объяснил ему действие прибора и просил никому не рассказывать об этом до тех пор, пока я сам издам его описание. В момент моего ухода вошел Сименс, который тогда, если я не ошибаюсь, носил еще форму прусского артиллерийского офицера и который, насколько мне известно, в то время еще не занимался телеграфами, а работал над устройством хроноскопа для измерения быстроты полета пушечных ядер. Мой рисунок оставался на столе. Я передаю лишь факты, не обвиняя никого в плагиате. Известно, что телеграф с синхронным движением составил славу и богатство Сименса. В протоколах же Академии имеется высочайшее повеление, коим запрещено распубликование описания моих телеграфных приборов. Теперь было бы легко исправить, может быть, ошибочный взгляд, давший повод к этому запрещению. Но если бы мне теперь предложили сделать это опубликование, то я, к сожалению, мог бы только сказать: „Слишком поздно“».

Как известно, Вернер Сименс получал огромные доходы именно в России на подрядах по строительству телеграфных линий.

Б. С. Якоби повторил ту же ошибку, которую за 10 лет до него в 1835 г. совершил П. Л. Шиллинг со своим первым электромагнитным телеграфом. Он не имел ни привилегии, ни публикации, его деятельность в области телеграфии также была засекречена. Шиллинг продемонстрировал изобретенный им в 1832 г. телеграфный аппарат на съезде естествоиспытателей в Бонне. В зале среди слушателей сидел и капитан английских колониальных войск У. Ф. Кук. В 1837 г. Кук вместе с Ч. Уитстоном получил английский патент на электромагнитный телеграф, как две капли воды похожий на аппарат Шиллинга.

Предложенные Б. С. Якоби принципы синхронизации, а также устройство печатания, изобретенное им в 1845 г. для буквопечатающего телеграфа, использовали в своих аппаратах Юз (1855 г.) и Бодо (1874 г.).

В 1840 г. Б. С. Якоби, прибыв в Англию на съезд Британской ассоциации для содействия развитию наук, посетил многих видных ученых. Побывал он и в мастерских Ч. Уитстона, где произошел инцидент, описанный Якоби в письме к жене, А. Г. Якоби, от 1 сентября 1840 г.: «...он дошел наконец до своего новейшего прибора, относительно которого он утверждает, что это — вершина достижения. В конце концов он вытащил его, но с условием, что я не сделаю ничего из виденного достоянием гласности. Я, конечно, полон нетерпения, шкаф открывается, и (о сюрприз!) появляется мой регулятор тока, с той разницей, что деревянные и медные винты лежат не на одной оси, а рядом, что имеет много отрицательных сторон. Какое-то наитие заставило меня взять с собой оттиск моего прибора и случайно сунуть его в карман. Мистер Уитстон был немало смущен, когда я показал ему чертеж» [12].

Настойчивость изобретателя. В сентябрьские дни 1838 г. на Средней Невке в Петербурге Б. С. Якоби и Э. Х. Ленц испытывали первый в мире электроход — шлюпку с электромагнитным двигателем. За этими опытами внимательно наблюдал молодой поручик К. И. Константинов, только что закончивший артиллерийский корпус. Он задумал применить принципы электромагнетизма для точного измерения времени, в частности, для измерения скорости

полета артиллерийских снарядов. Осенью 1840 г. Константинов был направлен в заграничную командировку. Он повез с собой чертежи первого варианта своего хроноскопа и отдал их в лондонскую мастерскую Ч. Уитстона. В 1842 г. прибор был готов, но испытания его не удовлетворили Константинова. Он разработал новый вариант и на этот раз отдал изготавливать прибор в мастерскую знаменитого парижского часового мастера А. Бреге, который владел его внук Л. Бреге. «При проверке на деле этого прибора в Париже (в 1844 г. — *Авт.*) падением тел он оказался весьма верным в показаниях до целых секунд; в дробных же частях секунды точность его оказалась не более 0.1 сек.» [13, с. 10]. Вернувшись в Петербург, Константинов создает электробаллистическую установку, испытания которой показали погрешность в определении времени до 0.0001 с.

Француз Наве сделал свой первый хронограф в 1848 г. по принципу прибора Константинова, изготовленного в мастерской Бреге. Впоследствии его хронографы импортировались в Россию.

Л. Бреге в 1845 г. опубликовал статью [14], в которой описал прибор, созданный им для русского правительства совместно «с весьма выдающимся артиллерийским офицером Константиновым». В ответ на эту публикацию появилась статья Ч. Уитстона, где утверждалось, что Константинов передал Бреге чертежи электромагнитного хроноскопа, изобретенного самим Уитстоном еще в 1840 г. [15]. Бреге в ответной статье в свою очередь обвинил Уитстона в присвоении чужого изобретения, одновременно приписав себе основную роль в создании хроноскопа. Находясь в 1846—1847 гг. в Париже для изучения порохового дела, Константинов занялся восстановлением своего приоритета. В своих воспоминаниях он пишет: «...при посредстве члена Парижской Академии наук Реньо, который следил за моими занятиями в доме Брегета, составлен был акт, в котором определялось то, что мне при этом принадлежит вполне, и то, что приходится на долю Брегета. Акт составлен за подписью самого г. Л. Брегета, г. академика Реньо, первого секретаря нашего посольства в Париже Балабина и нашего парижского вице-консула Иванова, равно как и за моей подписью» [13, с. 10]. Теперь Константинову надо было доказать необоснованность притязаний Уитстона. Он обратился за помощью к акад.

В. Я. Струве, и тот сумел добиться того, что, как вспоминал Константин, «Уитстон согласился на изложение за общей подписью всей правды и состоялся, таким образом, еще один акт за подписью и г. Шемиота, скрепленный и засвидетельствованный в нашем генеральном консульстве в Лондоне» [16, с. 1712—1713].

В описанном случае автору, благодаря собственной настойчивости, удалось отстоять приоритет на изобретение.

С другим изобретением К. И. Константинову повезло меньше. Описание динамометра, регистрирующего изменения давления пороховых газов в стволе орудия, было опубликовано не в открытой печати, а в журнале Артиллерийского комитета [17]. Это позволило французцу Депре «изобрести» регистрирующий динамометр вторично в 1874 г.

К. И. Константинову принадлежит также приоритет в разработке и осуществлении первых комплексно автоматизированных агрегатов, примененных в технологической линии для набивки ракет на Охтенском пороховом заводе в Петербурге. Оборудование для этой линии по чертежам Константинова изготавливала французская фирма Фарко. Впоследствии фирма Фарко взяла ряд патентов на изобретения в области автоматики, сделанные на основе технологических заданий и схемных решений К. И. Константинова.

Охотники за изобретениями

Вынужденное соавторство. С 60-х гг. XIX в. все больше привилегий выдается группам авторов. Ввиду отсутствия средств для изготовления и внедрения своих аппаратов изобретатели привлекали богатых покровителей в качестве соавторов. В 1862 г. ученик К. И. Константинова А. И. Шпаковский получил привилегию совместно с купцом А. Лоренсом. Дворянин А. Менчинский в компании с купцом К. Сименсом в 1863 г. изобрел прибор автоматического контроля для винокуренного производства. В. Н. Чиколеву выданы привилегии: на электрический регулятор совместно с купцом Клейбером (1881 г.), на регулятор тока и напряжения — совместно с купцом Гольбергом (1882 г.).

Впоследствии К. Сименс получил крупный заказ на

оборудование русских винокуренных заводов «своим» контрольным прибором.

«Сами не заботимся о себе». В 1842 г. в Бюллетене Академии наук была опубликована статья Н. Н. Зинина о получении новых веществ — бензидама и нафталидама. Ученый послал в Петербург ампулу с жидким бензидамом своему другу К. Фрицше. Через несколько недель в Казанский университет пришло письмо. Фрицше сообщал, что полученная жидкость — анилин. Зинин сделал большое открытие; сейчас это реакция Зинина, давшая возможность широкого использования анилина для промышленного производства анилиновых красителей. Однажды помощник Зинина сообщил, что А. Гофман получил бензол из каменноугольного дегтя и организует промышленное производство на основе реакции Зинина.

Зинин был вне себя: «До каких пор немцы будут уводить наши открытия у нас же из-под носа и использовать их?! До каких пор мы, русские, будем служить трамплином, с которого прыгают другие?!

— Но это принесет вам всемирное признание.

— Признание! Зачем мне признание, если от моего открытия нет пользы для России?! <...> Но в этом виноваты мы сами, мы сами не заботимся о себе» [18, с. 67—68].

Нужна правовая защита научных открытий. За границей авторами теории строения органических соединений обычно называют А. Кекуле и А. Купера, замалчивая имя настоящего создателя этой теории А. М. Бутлерова.

Сущность своей теории Бутлеров изложил во «Введении к полному изучению органической химии» (1863) и в докладе «Нечто о строении химических веществ», сделанном в 1861 г. на съезде немецких врачей и натуралистов в Шпейере. В отличие от Бутлерова Кекуле и Куперу в работах 1858—1864 гг. не удалось вскрыть зависимость между распределением межатомных связей и свойствами соединения. Лишь в 1865 г. Кекуле окончательно перешел на позиции теории химического строения, продолжая, впрочем, допускать в своих работах ошибки, непростительные для ученого, претендовавшего на авторство в создании теории.

Сравнение работ Бутлерова и Кекуле этого периода показывает, что в развитии этой теории приоритет принадлежит русскому ученому [19].

В магистерской диссертации 1865 г. В. В. Марковников подверг строгой научной критике попытки Кекуле приписать себе приоритет в создании теории химического строения и недобросовестные приемы, которыми он при этом пользовался. Появление работы Марковникова вызвало резкое недовольство среди многих немецких химиков. Молчаливо они стали на сторону Кекуле. Имя А. М. Бутлерова постепенно исчезло из крупных статей и книг как раз тех авторов, которые приняли основные положения теории. Наконец сам Бутлеров был вынужден указать на это в одной из своих статей 1867 г.: «Суждение о способе химической связи всех паев в частице (принцип химического строения) делается ныне господствующей основой теоретических воззрений в химии, а на необходимость его я указал уже в 1861 г. и считаю себя вправе утверждать, что мне принадлежит значительная доля первенства в полном и последовательном приложении этого принципа. Подробное знакомство с моими статьями, написанными в 1861 г., может, как я думаю, доказать основательность этого заявления» [20, с. 277—279]. Свою статью Бутлеров опубликовал в ряде немецких и французских журналов, но замалчивание русского приоритета продолжалось. А. М. Бутлеров принимает решение предпринять заграничную поездку, с тем чтобы путем личного общения с учеными выяснить вопросы приоритета. В своем ходатайстве о поездке, представленном в 1867 г. в Совет физико-математического факультета Казанского университета, он писал: «Все это не мешает, однако, многим заграничным ученым недостаточно признавать то участие, которое я принимал в разработке взглядов, делающихся ныне господствующими в науке, и высказывать как новость то, что было уже мною говорено».

Надеждам Бутлерова, к сожалению, не суждено было сбыться. Наоборот, искажение роли Бутлерова в создании теории еще более усилилось после лицемерной статьи Л. Мейера где Бутлерову приписывались лишь некоторые уточнения работ Кекуле. Через два месяца (весной 1868 г.) Бутлеров прислал свой «Ответ» главному редактору журнала «Annalen», где доказывал несостоятельность утверждений Мейера. Как можно понять из последней фразы «Ответа», Бутлеров больше не собирался выступать в печати по вопросу о приоритете. Однако молчание ученого сыграло отрицательную роль, так как игнорирование его приоритета продолжалось.

Один из немецких химиков, Э. Эрленмейер, еще в 1864 г. отмечал как ошибку исключительную скромность Бутлерова: «Мне только менее понравилось, что Вы желаете подарить Кекуле и Вюрцу приоритет...» [21]. В. В. Марковников считал, что Бутлеров «склонен уступить другому часть своей собственности».

Психологические трудности, с которыми сталкиваются теоретики в отстаивании своего приоритета, достоверно отмечены в статье Х. Брауна: «Если он предложил новое толкование или новую теорию, то они немедленно подвергнутся нападению. . . Но пусть ему удалось преодолеть эти возражения — он встретится с новыми трудностями. Немедленно после опубликования его работы другие укажут на то, что эта идея очевидна, что она приходила им в голову уже давно, но они не считали ее достойной появления в печати. Те или иные исследователи кончат свои неточные опыты и бросятся публиковать данные, чтобы опровергнуть новую теорию. . . Да, теоретические разработки рассматриваются совсем иначе, чем экспериментальные. И неудивительно, что многие химики начинают свою работу со склонностью к теории, а кончают свои дни, интересуясь в первую очередь практическими аспектами химического исследования» [22, р. 104—110]. Все это и происходило в действительности, потому что не было правовой защиты научных открытий.

Изобретение сделано рано. В 1865 г. Н. Н. Бекетов защитил докторскую диссертацию на тему: «Исследования над явлениями вытеснения одних элементов другими», в которой изложил открытый им метод алюминотермии.

По способу Бекетова в течение ряда лет работал завод в Гмелингеме близ Бремена, в 1885 г. были построены алюминиевая и магниевая фабрики в Гмелингеме, чтобы по патенту Гретцеля, взявшего за основу способ Бекетова, вести электролиз расплавленных хлоридов алюминия и магния.

В 1898 г. шведский химик Г. Гольдшмидт получил чистое железо, восстанавливая его непосредственно из руды при помощи алюминия. С тех пор приоритет в открытии алюминотермии приписывался одному только шведскому ученому, хотя идея и теоретическое обоснование метода выполнены Н. Н. Бекетовым еще в период 1857—1865 гг. Плодотворность этой идеи была понята лишь более чем через 30 лет и широко применяется в настоящее время

при производстве вольфрама, ванадия, хрома, марганца и ферросплавов.

Изобретатели-одиночки. На Всероссийской мануфактурной выставке, проходившей в Петербурге летом 1870 г., всеобщее внимание привлек автоматический наборщик, действующий посредством электричества. Привилегия на изобретение этой машины была выдана год назад П. П. Княгининскому. Журналисты петербургских газет «Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время» отмечали, что машина заменяет ручной труд типографского наборщика и делает это «со скоростью и правильностью. . . недоступной для рук человеческих» [23]. Но экспонат так и остался экспонатом. Ни один владелец типографии не захотел применить такую машину, а у самого изобретателя не было больше средств. Вскоре после демонстрации на аналогичной выставке в Москве наборная машина бесследно исчезла. Может быть, это было в чьих-то корыстных интересах?

В четырех томах Трудов Императорского Вольного экономического общества в разделе «Альманах событий, открытий и успехов хозяйственных наук, искусств и промышленности» рассказывается об изобретенном И. Е. Великопольским в 40-х гг. XIX в. способе для обработки льна и пеньки. В. В. Вересаев писал: «Со штабс-капитаном Великопольским А. С. Пушкин познакомился в Пскове и играл с ним в карты. В 1831 г. Великопольский женился на дочери известного медика в Москве профессора Мудрова, стал богатым. Оказывал материальную помощь Гоголю и Белинскому. Последние 25 лет жизни посвятил непрестанной борьбе за широкое проведение в жизнь усовершенствованного им способа обработки льна. Способ его и учеными обществами, и разными департаментами был признан очень полезным, но так и не смог добраться до жизни сквозь дебри департаментской волокиты. На проведение своего изобретения Великопольский потратил почти все свое состояние и умер чуть не в нищете» [24].

Не только творцы, но и хранители тайны

Предвзятое отношение к русскому приоритету. В 1875 г. в Париже вышел очередной ежегодник новейших достижений техники, в котором описан регулятор для парового двигателя, изобретенный французом Фонтэном [25].

Фонтэн получил за него в 1874 г. специальную премию Французского общества поощрения национальной промышленности.

Этот регулятор как две капли воды похож на мембранный регулятор для парового котла, разработанный в 1866 г. А. И. Шпаковским [11, с. 133]. Отличие заключается лишь в том, что у Фонтэна мембрана коробчатая, а у Шпаковского — плоская.

Распространенной ошибкой многих русских изобретателей являлось беспечное отношение к сохранению в секрете своих разработок до получения привилегии. Этим часто пользовались ловкие и нечистоплотные дельцы.

В. Н. Чиколев также не делал тайны из своего дифференциального регулятора дуговой лампы и сам рассказал о принципе его действия Сименсу в 1869 г. В начале 70-х гг. фирма Сименса и Альтенека уже изготавливала подобные регуляторы. В технической документации к ним не было никакой ссылки на действительного автора изобретения.

Возмущенный поведением Сименса, В. Н. Чиколев в своем докладе на 6-м съезде русских естествоиспытателей и врачей обратил внимание на этот случай и просил содействия в закреплении своей привилегии на дифференциальный регулятор [26].

В 1874 г. инженер Главного артиллерийского управления Ф. А. Пироцкий на участке Приморской железной дороги возле Сестрорецка под Петербургом поставил интересный опыт. На одном конце участка был установлен электрический генератор, а более чем в трех километрах от него — электродвигатель. Электрический ток передавался по рельсам.

В августе 1880 г. работники Рождественского парка в Петербурге (на углу Болотной улицы и Дегтярного переулка) с удивлением смотрели на вагон конной железной дороги, который двигался без помощи лошадей. Это был первый в мире трамвай. В 1877 г. Пироцкий опубликовал статью о своих опытах в «Инженерном журнале» и разослал его всем заинтересованным лицам. Статья попала и к К. Сименсу. Он встретился с русским изобретателем и подробно ознакомился со всеми его работами. Через год между Берлином и Лихтерфельцем уже действовала городская электрическая железная дорога, оборудование для которой поставила фирма «Сименс и Гальске».

В России первые трамваи, изготовленные Коломенским заводом, пошли в Киеве летом 1892 г. по инициативе предпринимателя генерал-майора А. Е. Струве, вложившего в строительство первой линии Подол—Крещатик собственные средства [27].

В конце 80-х гг. в Англии, Германии и Италии появились бездымные порохи. Их составы и способы производства составляли государственную тайну. Д. И. Менделеева направили во Францию с заданием: выяснить состав бездымного пороха. Ученому показывают патроны, позволяют держать в руках. «Нельзя ли взять с собой несколько патронов, — спросил ученый сопровождавшего его французского офицера. — О, да, конечно, сколько угодно, — немедленно ответил тот. — Но только. . .

— Что только? — насторожился Менделеев.

— Мне придется застрелиться, — ответил офицер» [28, с. 3—4].

Д. И. Менделееву оставалось лишь одно — самостоятельно раскрыть тайну пороха.

В 1893 г. адмирал С. О. Макаров официально поздравил ученого с блестящим успехом — изобретением пирокolloидного пороха. Но порох не был принят военным министерством и лишь в ничтожных количествах изготавливался на небольшом морском заводе. А в конце 90-х гг. морское ведомство отдало заказ на производство бездымного пороха частному обществу, связанному с германскими фирмами. Вскоре после русско-японской войны выпуск отечественного пороха был вообще прекращен, зато пирокolloидный порох великолепно привился в Америке.

Как бы предвидя эти события, Д. И. Менделеев писал в июне 1893 г.: «Мне кажется, особенно печальна та возможность, что пирокolloидный порох будет держаться у нас в большом секрете, но не будет, отчасти в силу секретности, признан во всех его достоинствах, а между тем так или иначе проникнет на Запад и его ученые проведут этот совершеннейший порох в жизнь, прибавляя новую славу к своим именам, и заставят нас принять то, что делается теперь в самой России» [29, с. 239—240].

Во время первой мировой войны русское военное министерство заказало в Америке несколько тысяч тонн пирокolloидного пороха, вместо того чтобы производить его на отечественных заводах по методу, изобретенному Д. И. Менделеевым.

Первый патентный отдел. В 1902 г. к физику Н. А. Умову обратился за советом Х. С. Леденцов. Он обладал крупным состоянием, часть которого решил пожертвовать на создание учреждения для содействия научным открытиям и изобретениям, полезным человечеству. Умов предложил основать Общество содействия успехам опытных наук и их практическим применениям имени Х. С. Леденцова. Такое Общество и было создано в 1905 г. при Московском университете и Московском высшем техническом училище на средства, завещанные Х. С. Леденцовым. Общество содействовало работам научных лабораторий Москвы, ассигновало деньги на воссоздание лаборатории изобретателя искусственного каучука П. Н. Лебедева. В январе 1910 г. с просьбой о помощи в совет Общества обратился И. П. Павлов. Ученому необходимы были средства для строительства лаборатории по изучению условных раздражителей. Такие средства были выделены, но строительство затянулось. До Октябрьской революции было построено здание и 2 звуконепроницаемые камеры.

При библиотеке Общества по инициативе Умова был создан первый в России патентный отдел. В уставе Общества было сказано об изобретателях: «Искание куска хлеба препятствует им приобретать систематические познания, а наше Общество могло бы во многих случаях оказать им существенную поддержку, удаляя их от непроизводительной затраты труда и средств устройством. . . доступных народных лабораторий, в которых посетители могли бы автоматически воспроизводить ряд явлений природы и знакомиться с их законами» [30, с. 30].

Покушения на приоритет. В конце 70-х гг. XX в. в ряде зарубежных публикаций появились попытки поставить под сомнение приоритет России в изобретении электронно-лучевой трубки — кинескопа.⁵ В некоторых американских журналах приведена фотография экспонатов Мюнхенского музея шедевров естествознания и техники, на которой видны кинескоп и ряд других деталей. В подписи к фотографии утверждается, что это аппаратура М. Дикмана и Г. Глате по немецкому патенту № 190102 от 12 сентября 1906 г. Однако на фотографии изображена более поздняя аппаратура Дикмана, сконструированная в 20-х гг. Аппа-

⁵ Термин «кинескоп», введенный в 1929 г. В. К. Зворыкиным, происходит от греческих слов *kinema* — движение и *skopeo* — смотрю. Действие кинескопа основано на эффекте катодолюминесценции — свечения экрана под действием падающего на него пучка электронов.

ратура 1906 г. не подходит под понятие телевизионной, поскольку на экране трубки не возникало изображения, а лишь перемещалось пятно, а также отсутствовали элементы, позволяющие регулировать яркость изображения.

Эти материалы публикуются, несмотря на то что приоритет русского ученого Б. Л. Розинга в изобретении электронно-лучевой приемной трубки был признан при его жизни, в том числе и в США.

Прибор для наблюдения электрических процессов — осциллограф был построен уже к началу нашего столетия. В 1902 г. Розинг начал опыты по использованию электронно-лучевой трубки для визуализации изображения [31]. Через пять лет, когда вся схема и ее элементы были тщательно продуманы, он подал заявку на изобретение (7 августа 1907 г.). В конце 1908 г. в лаборатории Петербургского технологического института была изготовлена действующая модель приемной и передающей аппаратуры. После получения привилегии на изобретение в октябре 1910 г. Б. Л. Розинг широко популяризирует свою работу. 9 мая 1911 г. он впервые публично демонстрирует отчетливое телевизионное изображение на экране электронно-лучевой трубки, выступает с докладом в Русском техническом обществе, его статьи публикуются в журнале «Электричество» и в научно-технических журналах Англии, Германии, США, Франции.

Приведенные факты ясно показывают значение, которое придают приоритету на Западе. Данный случай служит напоминанием о необходимости возможно более ранней подачи заявки на изобретение и оперативном проведении экспертизы.

Нельзя медлить с публикацией. По просьбе профессоров московского технического училища Н. Е. Жуковский в 1907 г. провел углубленные исследования по теории регуляторов и в следующем году стал читать «Курс теории регулирования». Этот курс был издан в литографированном виде. К сожалению, Н. Е. Жуковский задержался с опубликованием полученных им новых результатов [32]. В научной литературе они связаны с именем профессора парижской Политехнической школы Л. Лекорню, который одновременно пришел к тем же результатам, но сумел быстрее их опубликовать.

Гафний или азий? Незадолго до первой мировой войны один из работников Минералогической лаборатории при-

вез в Петербург из Забайкалья минерал ортит. Возглавлявший лабораторию академик В. И. Вернадский поручил своему ученику К. А. Ненадкевичу подвергнуть этот минерал химическому анализу. Тому удалось извлечь из ортита крупички нового элемента с атомным весом 178, который занял в таблице Менделеева клетку № 72. В. И. Вернадский предложил назвать этот элемент азием — образец был доставлен из Азии. Однако начавшаяся вскоре мировая война, революция, гражданская война отодвигали вопрос об исследовании и «легализации» нового элемента. В 1911 г. французский химик Жорж Урбен предложил назвать еще не найденный тогда элемент № 72 кельтием в честь древних племен кельтов, населявших некогда территорию Франции. В 1923 г. венгерский химик Дьердь Хевеши и голландский физик Дирк Костер обнаружили этот элемент в норвежской циркониевой руде и назвали его гафнием в честь древнелатинского названия Копенгагена. Так впервые открытый русскими учеными новый химический элемент получил свое название не в честь Азии, как предлагал Вернадский, а в честь датской столицы, как пожелали Хевеши и Костер, формально имевшие на это право [33].

Изобретено в России — запатентовано за границей. Русские изобретатели были недовольны системой патентов и недостаточной квалификацией экспертов при рассмотрении заявок на изобретения. Обращаться в Главное инженерное управление, находившееся в подчинении военного министерства, не имело смысла. Там не жаловали русских изобретателей. Многие из них покидали Инженерный замок в Петербурге, где размещалось управление, ни с чем. Лишь одно Русское техническое общество интересовалось изобретениями своих соотечественников, но оно не выдавало привилегий. Особое разочарование изобретателей вызывало то, что их предложения не находили реального отклика на родине. Это приводило часто к тому, что изобретатели патентовали свои изобретения за границей.

Еще в 1908 г. газеты в России и за границей сообщили об удивительном открытии, сделанном 19-летним русским изобретателем Ф. С. Материкиным [34]. Изобретатель предложил систему автоматического дистанционного управления на большом расстоянии такими объектами, как например судно, самодвижущаяся мина, музыкальный инструмент и т. д. Материкин в январе 1909 г. получил

немецкий патент № 221341. Электротехник А. Щенснович получил в феврале 1914 г. английский патент № 4352 на устройство для беспроволочной сигнализации и управления, предназначенное для автоматического определения пеленга судна. Английский патент № 110569 был получен в 1916 г. и С. А. Ульяниным на устройство дистанционного управления с помощью электромагнитных волн, реагирующее только на токи определенной частоты [11]. До этого, в 1914 г. он демонстрировал свое изобретение представителям военного министерства в Петрограде, но оно не вызвало никакого интереса.

В 1877 г. жители многих домов Лондона получили электрическое освещение. Никто из них не знал, что надежное и удобное освещение обеспечивается с помощью регуляторов дуговых ламп русского изобретателя И. И. Репьева, получившего три английских патента в 1877—1882 гг. Профессор Д. А. Лачинов, ознакомившись с регуляторами Репьева на выставке в Лондоне, сделал доклад об их достоинствах в Русском техническом обществе, подчеркнув необходимость внедрения в России собственных изобретений.

В начале XX в. М. О. Доливо-Добровольский предложил несколько схем компаундирования генераторов переменного тока с алюминиевыми выпрямителями В. Ф. Миткевича и В. А. Кашерининовой, и в 1902 г. фирма АЕГ получила на эти схемы два германских патента [11].

Совершенно особая история произошла с изобретением гибкого движителя для судов вместо гребного винта инженерами В. П. Костенко и А. Н. Харкевичем [35]. Морской офицер, участник Цусимского сражения, В. П. Костенко в 1910 г. попал в Петропавловскую крепость за свои связи с революционерами. В тюрьме он выполнил теоретическое исследование колебаний упругой пластины в жидкой среде, послужившее основой будущего изобретения. С помощью известного ученого А. Н. Крылова Костенко был освобожден из заключения и уволен в отставку. В 1911 г. он получил назначение на частное предприятие — в Акционерное общество Николаевских заводов и верфей, принадлежавшее немецкой фирме. В феврале 1913 г. Костенко и Харкевич отправили заявку на получение германского патента. В мае в Николаев пришел ответ из Германии. Эксперт не считал возможным выдать патент на гибкий движитель — вибратор, противопоставив австрийский, английский, американский и

швейцарский патенты. Проанализировав ответ эксперта, изобретатели убедились, что он не уяснил ни теоретических принципов, изложенных в заявке, ни условий, при которых работа двигателя достигает максимальной эффективности. Началась переписка с германской экспертизой. Тем временем изобретатели изготовили катер с двигателем и приступили к опытам. Однако с началом первой мировой войны переписка с Германией была запрещена, катер был реквизирован для нужд флота, а изобретатели занялись выполнением военных заказов.

В 1929 г. В. П. Костенко выясняет, что инженер М. Кэрри получил германский патент на точно такую же конструкцию двигателя, которую предлагали русские изобретатели.

9 ноября 1911 г. Г. Е. Котельников получил от промышленного отдела Министерства торговли охранное свидетельство на «Спасательный ранец для авиаторов». Это означало, что заявка на русский патент принята к рассмотрению, и приоритет зафиксирован. Но патент на парашют Котельникову так и не был выдан [36].

На несколько месяцев раньше Котельникова получил охранное свидетельство на «Спасательный прибор для авиаторов» уральский крестьянин И. К. Сонтаг. Летом 1913 г. ему был выдан русский патент. Но парашюта Сонтага летчики так и не получили. Никто и не пытался начать его производство.

В первой половине 1912 г. Котельников получил французский патент на «Спасательный аппарат для авиаторов».

Изобретателя пригласил глава частной фирмы «Товарищество В. А. Ломач и К^о». Он обещал, если изобретатель передаст чертежи, изготовить и испытать опытные экземпляры парашюта. Фирма Ломача добилась в Главном инженерном управлении проведения официальных испытаний. Несмотря на удачные испытания, начальство Офицерской воздухоплавательной школы посчитало целесообразным их прекратить «ввиду большого их риска и малой пользы».

Ломач предложил Котельникову показать свой парашют в Парижском аэроклубе. Изобретателю не дали отпуск для поездки. Тогда он выдал Ломачу доверенность следующего содержания: «. . . Уполномочиваю Вас демонстрировать изобретенный мною ранец-парашют, вступать во всякие соглашения и договоры об эксплуатации этого

изобретения, а также совершать продажу всех или по частям моих прав по патентам на условиях по Вашему усмотрению. . . . Все, что по этой доверенности будет законно сделано, я прекословить не буду».

Испытания парашюта состоялись в конце 1912 г. Французские газеты хвалили парашют и называли Ломача его изобретателем. По возвращении Ломача в Петербург Котельников выяснил, что его французский патент аннулирован, так как глава фирмы не внес за него пошлину. В 1916 г. русское командование закупило партию французских парашютов.

Исследованиями «Летучей лаборатории» — первого авиационного научно-исследовательского учреждения Советской республики — было установлено, что французский парашют хуже и опаснее парашюта Котельникова; «его следует изъять из употребления в воздушном флоте и заменить котельниковским». В начале 1921 г. Котельников получил поощрительную премию Комитета по делам изобретений. Ему были выделены средства для создания мастерской по производству парашютов. В 1926 г. изобретатель безвозмездно передал государству четыре своих парашютных патента [36].

Приоритет установлен. Приоритет на изобретение цветной телевизионной системы до последних лет считался принадлежащим И. А. Адамиану, выдвинувшему свой патент в 1925 г. Исследования В. А. Урвалова [37] выявили преданные забвению факты.

В 1880 г. французский электротехник М. Леблан, а позднее польский учитель Я. Щепаник предлагали разлагать световой сигнал каждого элемента изображения на семь составных цветов при помощи трехгранной ньютоновой призмы, но их идеи не нашли последователей.

«Предлагаемая конструкция распределителя света позволяет передавать изображение со всеми цветами и их оттенками», — писал в конце 1899 г. русский инженер А. А. Полумордвинов, подавая в Департамент торговли и мануфактур заявление о выдаче ему привилегии на изобретение аппарата для передачи изображений на расстояние. Светораспределитель Полумордвинова, как и современные системы цветного телевидения, базировался на теории цветного зрения Ломоносова—Юнга—Гельмгольца. Для разложения передаваемого изображения на элементы и составные цвета изобретатель использовал два перфорированных диска, вращающихся на параллельных

осях с различной частотой, причем щели в них закрывались последовательно красными, зелеными и синими светофильтрами. Система эта, названная автором «телефот», получила высокую оценку на заседании Русского технического общества. Однако заявка А. А. Полумордвинова привела в замешательство патентных экспертов своей новизной, и сначала ему было отказано в выдаче привилегии. Отрицательный отзыв дал известный электротехник профессор Д. А. Лачинов. Жалобу изобретателя рассматривал профессор Электротехнического института П. С. Осадчий, по представлению которого после шестилетней тяжбы Полумордвинову была выдана привилегия за № 10738, хотя и закрепившая за Россией честь изобретения цветного телевидения, но преданная забвению.

Тем не менее дело, начатое Полумордвиновым, нашло своих последователей. В 1907 г. русский физик Б. Л. Розинг изобрел электронно-лучевую трубку, а в 1928 г. В. П. Грабовский со своими помощниками осуществил принципиальную демонстрацию телевизионной системы, также названной «телефот». Впервые опытные передачи цветного телевидения в нашей стране проведены в 1953 г., а регулярные начались с 1 октября 1967 г.

Попов или Маркони? Попов.⁶

Более 90 лет идет в мире незатихающий спор о приоритете в изобретении радио. На Западе творцом радио признают итальянца Г. Маркони, известного изобретателя в области радиотехники и предпринимателя. Некоторые считают радио изобретением коллективным и называют ряд видных ученых, внесших свой вклад в создание этого уникального средства связи. У нас в стране изобретателем радио всегда считался и считается А. С. Попов.

В конце XIX в. преподаватель минного офицерского класса в Кронштадте, кандидат математических наук Александр Степанович Попов задается целью использовать незадолго до этого открытые Герцем лучи для передачи сигналов на расстояние без помощи проводов.

Обстоятельно изучив все, что создано до него, А. С. Попов разработал надежную конструкцию индикатора электромагнитных волн — когерера и для восстановления его

⁶ Материалы собраны Д. Л. Трибельским.

чувствительности применил принцип обратной связи. Оценивая этот факт, английский физик О. Лодж, ближе всех до Попова подошедший к изобретению радио, позднее в 1908 г. писал: «Попов впервые достиг того, что сам сигнал осуществлял обратное воздействие. Я полагаю, что в этом и состоит новизна (*novelty*), которой мы обязаны Попову. Оно было в скором времени принято Маркони и другими» [38, с. 112].

25 апреля (7 мая) 1895 г. на заседании Русского физико-химического общества А. С. Попов сделал доклад о результатах своих исследований и продемонстрировал прием сигналов высокочастотного генератора электромагнитных волн при помощи созданного им прибора.

Вот как говорилось об этом в первой же публикации через 5 дней: «Уважаемый преподаватель А. С. Попов... комбинировал особый переносной прибор, отвечающий на электрические колебания обыкновенным электрическим звонком и чувствительный к герцевским волнам на открытом воздухе на расстоянии до 30 сажень (около 60 м. — *Авт.*)... Поводом ко всем этим опытам служит теоретическая возможность сигнализации на расстоянии без проводников наподобие оптического телеграфа, но при помощи электрических лучей» [39]. Кажется, яснее не скажешь!

Официальный протокол о докладе с воспроизведением схемы прибора, написанный самим Поповым, был опубликован в августе 1895 г. в журнале Русского физико-химического общества (РФХО), а в январе 1896 г. в том же журнале была опубликована его статья «Прибор для обнаружения и регистрирования электрических колебаний», датированная декабрем 1895 г.

Заметив влияние атмосферных помех на работу приемника, Попов изготавливает другой специального назначения прибор, в котором параллельно звонку подсоединяется реле с самописцем и добавляется барабан с бумагой, вращаемый часовым механизмом. Прибор этот, получивший позднее название «грозоотметчик», летом 1895 г. был установлен в Петербургском лесном институте, где использовался для регистрации гроз и исследования «атмосферных пертурбаций» (выражение А. С. Попова).

«Грозоотметчик» успешно применялся, получил некоторую известность, был награжден дипломом II степени на Всероссийской выставке в 1897 г. Позднее это дало повод признавать за Поповым не столько изобретение радиосвязи, сколько создание им «грозоотмет-

чика» — прибора для регистрации атмосферного электричества.

А. С. Попов понимал, что успех его детища — беспроводного телеграфа — в значительной степени зависит от заинтересованности руководителей флота, в котором он служил. Только в первой половине 1896 г. он трижды выступал перед научными и флотскими аудиториями, материалы о его работе были опубликованы в апрельском номере «Почтово-телеграфного журнала», а затем в журналах «Электричество» и «Метеорологический вестник».

Таким образом, к середине 1896 г. факт реального решения проблемы беспроводного телеграфа, или, как мы бы сейчас сказали, изобретение радио, стал достоянием научных кругов и общественности.

Весною 1896 г. в Лондон приезжает двадцатидвухлетний итальянец Гульельмо Маркони. Он получил разностороннее домашнее образование и прослушал курс физики в университете. Опытами по передаче сигналов на расстояние посредством волн Герца стал заниматься в 1895 г. В Лондоне Маркони удалось заинтересовать своими опытами главного инженера правительственных телеграфов В. Приса.

2 июня 1896 г. Маркони подает заявку на патент «Усовершенствования в передаче электрических импульсов и сигналов и в аппаратуре для этого». Формулировка заявки неясная, описание и приборы держатся в секрете. Маркони продолжает экспериментировать, увеличивая расстояние связи. В английской печати появляются первые сообщения о беспроводной телеграфии. 12 марта 1897 г. Маркони подает дополнение к заявке, сущность которого также держится в секрете.

Первые отголоски рекламной шумихи вокруг изобретения Маркони достигают России осенью 1896 г. В марте следующего года А. С. Попов выступает перед широкой аудиторией с публичной лекцией, в которой конкретно говорит о практическом применении «быстрых электрических колебаний» для телеграфирования без проводников. До этого времени А. С. Попов, выполняя указание флотского начальства держать изобретение в секрете, говорил только о принципиальной возможности передачи сигналов на расстояние. Сообщение о лекции и произведенном впечатлении появилось на следующий день в кронштадтской газете «Котлин» [40].

2 июля 1897 г. Маркони получает английский патент

№ 12039, а через несколько дней после этого с публичной лекцией о телеграфировании без проводов по проекту Маркони выступает Вильям Прис. Он воздает хвалу новому виду связи, приводит схемы приборов Маркони и раскрывает их действие. Его сообщение становится на Западе сенсацией. 20 июля 1897 г. в Англии создается частная фирма «Маркони» по производству аппаратуры для беспроволочного телеграфирования с основным капиталом в 100 тыс. фунтов стерлингов (около 1 млн золотых рублей). Начинается стремительное шествие беспроволочного телеграфа по пути увеличения дальности связи, что все более закрепляет за Маркони славу изобретателя радио.

Русская общественность была задета явной несправедливостью. В июле 1897 г. «Петербургская газета» писала: «На днях весь образованный мир прочитал в газетах о новом изобретении итальянца Маркони в области телеграфного дела (телеграфирование без проводов). Имя молодого изобретателя сразу стало известным в обеих частях света, его прославляли, им восторгались, о нем протрубили по всему свету и — напрасно» [41, с. 2]. И газета сообщает, что Попов открыл этот способ два года тому назад, после чего продолжал заниматься усовершенствованием прибора.

Говоря о причине малой известности изобретения Попова, газета далее пишет: «Скромность русских ученых и изобретателей поистине легендарна. В то время как на Западе малейшие технические нововведения рекламируются чуть ли не на всех перекрестках, весьма многие ценные изобретения русских техников остаются почти неизвестными публике. У нас существует еще традиционная боязнь рекламы, которая истому русскому человеку всегда представляется чем-то вроде шарлатанизма XIX в.».

«Об этой скромности можно только сожалеть», — пишет другая газета [42, с. 1]. Отвечая на упреки прессы, А. С. Попов в своем письме в газету «Новое время» на «замечание о неуместной скромности» перечисляет свои публикации и доклады 1896 г., где говорилось о его опытах и приборах, о перспективах применения «быстрых электрических колебаний» и т. д. По поводу открытия Маркони А. С. Попов замечает, что заслуга открытия явлений, использованных Маркони, принадлежит Герцу и Бранли, затем он называет ряд ученых, к которым причисляет и себя, занимавшихся приложением этой проблемы на прак-

тике, «а Маркони первый имеет смелость стать на практическую почву и достиг в своих опытах больших расстояний усовершенствованием действующих приборов и усилением энергии источников электрических колебаний» [43, с. 3].

В ноябре 1897 г. английский журнал «Электричество» публикует письмо А. С. Попова, в котором он кратко излагает некоторые положения своей статьи в январском (1896 г.) номере журнала РФХО. Письмо он заключает словами: «Из вышеизложенного следует, что устройство приемника Маркони является воспроизведением моего прибора» [38, с. 136]. Публикация письма А. С. Попова в английском журнале открывала глаза западному читателю на подлинного изобретателя приемника, использованного Маркони. Какой-либо ответной реакции на письмо Попова не последовало.

Выдача Г. Маркони патента осуществлена в полном соответствии с английскими законами. Вместе с тем это совершенно не означало мирового приоритета Маркони в изобретении радио, а только то, что до Маркони никто в Англии подобной заявки не подавал.

Трудно сказать: стремление ли Маркони к мировому признанию как изобретателя радио, или торговая экспансия, направленная на захват мировых рынков для сбыта аппаратуры своей фирмы, или же то и другое вместе, но Маркони энергично проводит кампанию по подаче заявок на изобретение в ряде стран Европы и Америки.

Как известно, основной проблемой, возникающей при патентовании изобретений за границей, является проблема приоритета: патент получает тот, кто первым сделает заявку на изобретение. Для закрепления этого права Парижской конвенцией 1883 г. было предусмотрено специальное положение о конвенционном приоритете. По этому правилу лицо, сделавшее заявку на изобретение в одной из стран союза, в течение 12 месяцев пользовалось неопровержимым приоритетом в других странах союза, т. е. обладало преимущественным правом для патентования изобретения в течение этого срока. При этом никакие факты, порочащие новизну изобретения в этой стране, — публикации и доклады, применение аналогичного изобретения и т. д. не должны были приниматься во внимание.

Несмотря на такие четкие и категоричные требования Парижской конвенции, Маркони было отказано в выдаче патента на изобретение радио, в частности во Франции и

США — членах союза, в Германии и России, не входивших в Международный союз по охране промышленной собственности.

Во Франции по закону о патентах на изобретение экспертиза новизны заявок при выдаче патентов не производится. Если изобретение уже запатентовано за границей, иностранец может получить на него патент и во Франции. Казалось бы, ничто не мешало Маркони в получении французского патента. Но, думается, две причины создали неодолимые препятствия для него: во-первых, экономическая заинтересованность французского капитала в независимости от Маркони и, во-вторых, единодушное признание французскими учеными А. С. Попова подлинным творцом радио.

В конце XIX в. Франции приходилось выбирать: или попасть в зависимость от английской компании «Маркони», или развивать свою радиопромышленность на основе осуществленной и незапатентованной А. С. Поповым системы беспроводного телеграфа. Активным пропагандистом работ А. С. Попова во Франции явился инженер и предприниматель Э. Дюкрете. Он изготавливает радиоаппаратуру по схемам А. С. Попова, выступает в 1897—1898 гг. на заседаниях Французского физического общества и в печати, всемерно отстаивая приоритет А. С. Попова в изобретении радио.

В декабре 1898 г. при обсуждении вклада Маркони в развитие радиотехники известный французский физик А. Э. Блондель писал: «При наличии более ранних публикаций телеграфия без проводов более не являлась патентоспособным изобретением в момент, когда Маркони ее осуществил с блестящим успехом». Другой физик, Э. Бранли, изобретатель чувствительного индикатора для обнаружения радиоволн, добавил: «Телеграфия без проводов возникла в действительности из опытов Попова» [38, с. 186, 187].

Отказав Маркони в выдаче патента, французская промышленность получила возможность развивать отечественную радиотехнику, появилась фирма «Дюкрете», изготавливавшая, в частности, аппаратуру и для России, позднее возникла «Всеобщая компания радиотелеграфа» и др.

Аналогичный отказ в патентовании изобретения радиотелеграфа Маркони получил и в Германии. Известный ученый проф. А. Слаби, являясь членом патентного управления, запросил через своего ученика — практиканта Высшей тех-

нической школы в Берлине, впоследствии крупного радиотехника Б. И. Угримова, литературу о работах А. С. Попова в России. После ознакомления со всеми материалами, Слаби сообщил Угримову, а последний передал об этом Попову, что «германский патент на изобретение Маркони радиотелеграфа выдан быть не может», поскольку первенство изобретения радиотелеграфа, «судя по датам обнародования изобретения в прессе, принадлежит повремени А. С. Попову» [42].

В журнале «*Elektrotechnische Zeitschrift*» от 30 декабря 1897 г. этот вывод формулируется кратко: «Спор о приоритете Маркони предстает перед нами в новом свете благодаря сообщению, поступившему из Петербурга». И далее излагаются известные нам сопоставления сроков публикаций и заявок [38, с. 130].

Таким образом, после отказа Маркони в патенте, немецкая радиотехническая промышленность также получила возможность свободного развития, а проф. А. Слаби стал позднее одним из научных руководителей фирмы «Телефункен».

Драматически происходила патентная борьба Маркони в США. Используя хорошо известную им незапатентованную систему А. С. Попова, американцы разрабатывали свои варианты аппаратуры радиосвязи. Было создано более десятка различных систем аппаратуры. Президент Филадельфийской компании Американского общества беспроволочных телеграфов и телефонов специально приезжал в Россию для встречи с А. С. Поповым. В посвященном этой встрече номере американской газеты «*The North American*» от 11 сентября 1901 г. в частности сообщается: «Проф. Попов известен как отец беспроволочной телеграфии и является изобретателем первого практического прибора в том виде, в каком он применяется сейчас». В газете помещены фотографии А. С. Попова и его приборов [44, с. 122—124].

По американскому закону экспертиза на новизну должна производиться обязательно. При этом изобретение до того, как оно сделано, не должно быть описано ни в американском, ни в иностранном публичном издании, а также не запатентовано ни в США, ни за границей. Совершенно ясно, что при этих условиях Маркони в выдаче патента было отказано. Неудовлетворенный отказом, Маркони начинает серию судебных процессов против американских радиопромышленных предприятий. Опираясь на букву Парижской конвенции, а также используя различные юри-

дические ухищрения, Маркони выигрывает некоторые процессы, однако патента на изобретение не получает.

В 1905 г. фирмой «Маркони» была издана в России книга с каталогом выпускаемой аппаратуры. В историческом обзоре, данном в ней, имя А. С. Попова даже не упоминается. Зато излагается версия судебного процесса против американской радиокompании «Де Форест», согласно которой приговор суда гласил: «Устранить компанию „Де Форест“ от дальнейшего пользования этим великим изобретением» [45, с. 37]. Между тем известно, что компания продолжала выпуск продукции, а сам Ли де Форест стал изобретателем электронной радиолампы триод. В 1907—1908 гг. фирма «Де Форест» по договору с морским министерством строила в России мощную радиостанцию в г. Виндава (ныне г. Вентспилс) с целью создания единой цепи радиостанций на побережье Балтийского моря от западной границы до Петербурга. В справке фирмы говорится, что ею построено и успешно действуют 167 станций и 36 находятся в стадии строительства [46].

Известен судебный процесс по иску Маркони, который длился около 19 лет. Иск частично был удовлетворен, однако в отношении приоритета суд вынес следующее любопытное определение: «Г. Маркони, итальянский ученый, иногда именуется отцом беспроволочной телеграфии, но он не был первым, кто открыл, что электрические связи могут совершаться без применения соединительных проводов» [44, с. 124].

В 1897 г. Маркони обратился за получением патента и в Россию. В отзыве по данному вопросу Морское ведомство заявило, что «передача сигналов с помощью электрических импульсов. . . не представляет новости для Морского ведомства, где работа в этом направлении производится с 1895 г. Все источники электрических колебаний, перечисленные в спецификации Г. Маркони, по существу известны и вошли в курсы специальных учебных заведений Морского ведомства». А Русское техническое общество конкретно предложило, «чтобы привилегия на новый способ не выдавалась бы в России Маркони или другому иностранцу» [44, с. 122].

Решительный отпор в России Маркони принял, вероятно, как должное. Во всяком случае никаких протестов с его стороны не последовало.

Фирма «Маркони» стремилась к мировой монополии на средства радиосвязи. Ведя непримиримую конкурентную

борьбу, фирма требовала, например, обмена радиogramмами только между станциями своего производства. Она требовала не отвечать на запросы судов со станциями других фирм даже о бедственных случаях.

В 1904 г., во время русско-японской войны, возник вопрос о приобретении для русского флота аппаратуры из-за границы. Фирма «Маркони» поставила перед заказчиком ряд кабальных и просто абсурдных условий. Чего стоит, например, такой пункт: «Имея в виду, что станции беспроволочного телеграфа Маркони снабжены аппаратурой. . . составляющей секрет компании, причем даже самый метод телеграфирования составляет секрет компании, Морское министерство принимает все меры для предупреждения ознакомления с прибором и методами посторонних лиц» [47]. И это условие фирма «Маркони» поставила перед флотом России, где радио родилось 9 лет назад. Маркони получил категорический отказ, а договор был заключен с немецкой фирмой «Телефункен».

Тем не менее фирма «Маркони» продолжала настойчивые попытки проникнуть на российский рынок. Ей удалось прибрать к рукам радиопредприятие — «Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов» (РОБТиТ).

В статье «Капитализм и печать» В. И. Ленин рассказывает, как фирма «Маркони», борясь за предоставление концессии, прибегла к беззастенчивому подкупу газеты «Новое время»: «. . . к г. Снеессареву (сотруднику «Нового времени». — *Авт.*) явился однажды представитель лондонской компании беспроволочного телеграфа Маркони и предложил составить устав русского общества Маркони и проект концессии в пользу этого общества». Отметив, что Снеессарев получил за содействие 10 000 р., Ленин далее пишет: «Вся газета „Новое время“ продана за кампанию в защиту концессии, получив скидку на телеграммы в 50 % да „местечко“ учредителя общества с акциями на 50 000 рублей» [48, с. 6]. Позднее, в 1912 г. через подставных лиц фирма «Маркони» пыталась добиться в России права на строительство и последующую эксплуатацию мощных радиостанций сроком на 35 лет. Но и эта затея закончилась для Маркони неудачей.

Подобная деятельность создавала шумную, порой скандальную известность Г. Маркони как «отца радио», а имя А. С. Попова постепенно забывалось даже в России. В 1907 г. в Петербурге вышла книга преемника А. С. По-

пова по минному офицерскому классу — А. А. Петровского «Научные основания беспроволочной телеграфии». В рецензии на книгу преподаватель Военной электротехнической школы Д. М. Соколыцев писал: «В последней главе автор излагает историю беспроволочной телеграфии. . . Здесь он повторяет старую патристическую сказку о том, что беспроволочный телеграф изобретен А. С. Поповым» [49, с. 32].

Заявление Соколыцева получило суровую отповедь передовых людей России. Была создана авторитетная комиссия из крупных ученых, которая документально доказала приоритет А. С. Попова. Позднее и сам Соколыцев признался в своей ошибке, опубликовав в 1912 г. статью о Попове как подлинном изобретателе радио.

При жизни А. С. Попова его приоритет в мире как изобретателя радио, несмотря на интенсивную пропагандистскую деятельность фирмы «Маркони» и различные мнения, официально не подвергался сомнению. Об этом, например, с удовлетворением писал сам Попов жене с Международной конференции по беспроволочной телеграфии: «В речи министра при открытии конференции мое имя было упомянуто в надлежащем месте и в должной форме впереди Маркони» [44, с. 134].

Акад. А. Н. Крылов в статье «Попов и Маркони» пишет: «. . . вопрос о приоритете в изобретении радио совершенно бесспорен: радио как техническое устройство изобретено Поповым, который и сделал об этом изобретении первую научную публикацию». Вместе с тем А. Н. Крылов назвал А. С. Попова «идеалистом» за то, что тот, опубликовав статью, «приступил к осуществлению первых практических радиоустановок, не заботясь о патентовании» [7, с. 339].

Недооценка патента как документа, дающего право на охрану промышленной собственности, была характерна для русской научной и технической мысли в XIX в. И А. С. Попов в этом отношении был сыном своего времени. Заметим, что и пресса того времени, упрекая русских ученых в «скромности», в том, что их ценные изобретения остаются почти неизвестными публике, ни слова не говорит о патентовании изобретений, об их защите от иностранного засилья.

На письмо Е. Дюкрете в 1897 г. по вопросу приоритета А. С. Попов отвечал: «Я не располагаю никакими печатными работами, которые могут доказывать мое участие в практическом решении задачи телеграфирования

без проводов, кроме известной Вам статьи».⁷ А. С. Попов справедливо считал, что его изобретение незаконно использовал Маркони для получения патента, хотя прямо об этом не заявлял. Поэтому далее он пишет: «Я, однако, считаю эту статью достаточной для заключения о тождестве составных частей и расположения их в моем приборе и в приемной станции г. Маркони» [38, с. 148].

В 1899 г. непосредственными помощниками А. С. Попова было открыто новое свойство когерера — так называемый детекторный эффект. На базе этого открытия А. С. Попов изобрел и получил в России привилегию на «телефонный приемник депеш» (патент № 6066 от 30 ноября 1901 г.). Аналогичные патенты были выданы Попову во Франции и Германии. Телефонные приемники радиосигналов стали широко применяться во многих странах мира, однако коммерческого приоритета изобретателю не получил. Возможно, когда предмет изобретения затрагивает особые, общечеловеческие интересы, каким является радиосвязь, охранная сила патента отступает перед стихийным, массовым использованием запатентованного изобретения. Кроме того, в России не было достаточного опыта борьбы за охрану имущественных прав изобретателя, не было в этой отрасли промышленности производственных и торговых фирм, которые могли бы извлечь выгоду из эксплуатации изобретения. Таким образом, объективно получилось, что открытая публикация А. С. Поповым своего изобретения в 1896 г. имела более важные последствия для развития радио и для самого изобретателя, чем его патент 1901 г.

На Западе влияние патентного права на прогресс науки и техники сказывается двояким образом. С одной стороны, оно стимулирует изобретательство, открывая дорогу частному предпринимательству, обогащению монополий, развитию и совершенствованию техники.

С другой стороны, патентное право, способствуя монополизации производства, подавлению конкурирующих фирм и замораживанию изобретений, может стать тормозом на пути развития науки и техники, если это выгодно патентовладельцу. Если бы Маркони удалось получить патенты на изобретение во всех основных странах мира, развитие радиотехники затормозилось бы.

⁷ Имеется в виду статья в январском номере журнала Русского физико-химического общества, 1896 г.

Только благодаря тому, что приоритет на изобретение радио А. С. Поповым в России был признан в Германии, Франции, США и некоторых других странах, радиотехника получила быстрое развитие.

Беспристрастный анализ приоритетного спора «Попов или Маркони» решает его в пользу А. С. Попова.

Глава V

Развитие авторского и изобретательского права после 1917 г.

Авторское право

Государственная монополия. После поражения первой русской революции 1905 г. вновь усилилась реакция. Репрессии обрушились и на печать. С октября 1905 по конец 1907 г. было закрыто 97 частных типографий, арестовано и осуждено около полутора тысяч издателей и редакторов, приостановлено почти 800 изданий. Казалось бы, в таких условиях невозможна легальная социал-демократическая пропаганда. Однако в 1908 г. в книжных лавках стали появляться миниатюрные брошюры, каждая тиражом 5100 экз., содержащие биографии К. Маркса, Ф. Энгельса, П. Л. Лаврова, Г. В. Плеханова, А. И. Герцена и других выдающихся революционеров и общественных деятелей. На обложке брошюр стояло: Издание В. О. Жеглинского, Вологда, 1908 г. По объему товарооборота «Северное издательство В. О. Жеглинского» опередило издательства П. Сойкина в Петербурге, И. Кнебея и М. Конради в Москве, Н. Оглоблина в Киеве. За полгода существования издательства 142 тыс. брошюр разошлись по России.

Как же такое могло произойти? Исследование причины появления легального социал-демократического издательства в годы реакции показало, что издатель В. О. Жеглинский воспользовался своим знанием патентного законодательства Российской империи. Каждая брошюра снабжена штампом: «Форма издания заявлена. Подделка преследуется законом» либо «Заявлено отд. пром. мин. торг. и пром.». В июне 1908 г. Жеглинский подал в отдел промышленности Министерства промышленности и торговли заявку на необычную форму издания краткой биографии с портретом на открытом письме. Свидетельства на фабричные модели и рисунки носили в то время названия упрощенных патентов. Проверка новизны при выдаче таких патентов не производилась, и через три-четыре месяца после подачи прошения авторы получали упрощенный

патент. Поэтому Жеглинский на всех нераспроданных и новых брошюрах стал ставить штампы, которые несколько месяцев вводили в заблуждение полицию [1].

В 1890 г. в Москве было основано «Книгоиздательство М. и С. Сабашниковых», продолжавшее свою самостоятельную деятельность до 1930 г. Ставившее перед собой научно-просветительные цели, оно встретило значительные трудности с выпуском произведений русской классики, так как все права на них уже принадлежали другим. По просьбе братьев Сабашниковых историк литературы С. А. Венгеров вел переговоры с издателями А. Ф. Марксом и И. Д. Сытиным о продаже литературных прав на выпуск произведений русских писателей в серии «Пушкинская библиотека».

18 января 1917 г. Венгеров писал М. В. Сабашникову: «Из намеченных мною авторов я вошел в сношения относительно всех почти и на днях получу сведения о Григоровиче, Якубовиче и надеюсь выяснить, кому принадлежат Успенский и Станюкович. Переговорю также со вдовой Мамина». В этом же письме Венгеров сообщает, что А. Маркс и Сытин отказали в уступке своих издательских прав на произведения умерших писателей: «Они сами предполагают издавать серию отдельных произведений. . . На Салтыкове, Лескове и даже Альбове и Терпигореве придется поставить крест. Вольф в принципе не отказывается вести переговоры относительно Писемского и ждет конкретного разговора об условиях. Всего намеченного, видимо, не даст, но тома на 2, вероятно, согласится. . .» [2, с. 88]. Но и на уступку двух томов Писемского «Товарищество М. О. Вольф» не согласилось.

В первый раздел («Античные писатели») серии «Памятники мировой литературы» должны были войти трагедии Еврипида, но права на издание переводов Еврипида, осуществленных поэтом И. Ф. Анненским, принадлежали с 1908 г. издательству «Просвещение». Это издательство еще при жизни И. Ф. Анненского выпустило первый том «Театра Еврипида» и на этом прекратило работу. С 1911 г. М. В. Сабашников вел переговоры с сыном поэта В. И. Анненским о приобретении прав на издание переводов Еврипида и сумел убедить его в высокой просветительской миссии издаваемой серии. В. И. Анненский уговорил издательство «Просвещение» уступить право на печатание всех переводов отца издательству М. и С. Сабашниковых [2].

29 декабря 1917 г. был опубликован Декрет ВЦИК о государственном издательстве. Этим декретом произведения русских авторов объявлялись собственностью социалистического государства, а монопольное право их выпуска предоставлялось государственным издательствам. Государственная монополия на печатание произведений русской классической литературы должна была исключить параллелизм и конкуренцию, обеспечить высокий научный уровень изданий, сделать книги максимально доступными массовому читателю.

Однако некоторые частные издательства, имевшие большие заслуги перед русской наукой и культурой, не были национализированы. А. В. Луначарский вспоминал: «При обсуждении вопроса о частных издательствах Вл. Ильич сказал мне: „Наиболее культурным из них, вроде Сабашниковых, надо помогать, пока не будем в силах их заменить полностью“».

Первым советским издательством, осуществлявшим государственную монополию, стал Литературно-издательский отдел Наркомата просвещения. С 1919 г. эти функции перешли к Госиздату. Основную работу по выпуску произведений русской классики выполняло его Ленинградское отделение — Ленгиз [3].

В феврале 1919 г. издательство М. и С. Сабашниковых получило от республики ссуду в 1 млн р. сроком на год (ссуда погашалась за счет продажи готовых выпусков). В марте и августе 1920 г. издательству было предоставлено еще 3 млн р. Опираясь на материальную помощь Советской власти, в трудных условиях гражданской войны издательство успешно продолжало свою работу. Владелец стал получать зарплату наравне с другими, а все доходы шли на погашение ссуды, содержание штатных сотрудников и на безвозмездную помощь своим авторам.

В России встречались издатели, никогда не извлекавшие прибыль из выпускаемых книг. Но, как правило, они имели капитал, который и давал им возможность заниматься «издательской филантропией», по выражению С. В. Белова. У С. М. Алянского, организовавшего в 1918 г. в Петрограде издательство «Алконост», не было материальных средств, но были любовь и уважение к А. А. Блоку. Через месяц после открытия издательства вышла первая книга «Алконоста» — поэма Блока «Соловьиный сад». Многие авторы, печатавшиеся в «Алконосте», жили в основном на гонорары, которые им высылал

Алянский. А между тем он сам часто нуждался не меньше своих авторов. На помощь пришли М. Горький, А. В. Луначарский, К. А. Федин. Литературно-издательский отдел Наркомпроса в 1919 г. оказал «Алконосту» материальную поддержку.

С. М. Алянский вспоминал: «Работа в издательстве „Алконост“ давала мне одно духовное удовлетворение. Мне пришлось для заработка одновременно работать еще в двух издательствах: в издательстве театрального отдела Наркомпроса и в издательстве отдела изобразительных искусств того же Наркомпроса» [4, с. 45].

Для первых лет советской власти характерен тот факт, что организованный при Петросовете журнал «Красный милиционер» в качестве гонораров выдавал авторам — М. Горькому, А. А. Блоку, К. И. Чуковскому, А. Белому, В. Шишкову и др. продовольственные пайки.

На фоне трудностей 20-х гг. казалось, что литературы уже не существует. Но кроме профессионалов-литераторов, считавших, что литература умерла и, таким образом, «причисливших себя либо к покойникам, либо к бессмертным» [5], во время революции взялось за перо множество молодых людей. Их к этому побудила потребность осмыслить революционный опыт. По инициативе Горького при издательстве «Всемирная литература» была организована студия переводчиков. Оплата труда в студии осуществлялась продовольственными пайками. Так рождалась советская литература.

Уже в 1919 г. в Петрограде также по инициативе Горького было организовано издательство З. И. Гржебина.

Договоры, заключаемые издательством с авторами, предусматривали практическую монополию Гржебина на их сочинения и полную свободу издателя в установлении сроков выпуска книг при соблюдении условия о регулярной выплате писателю стабильной денежной суммы. Подобный договор был подписан с Б. Бугаевым (А. Белым) в январе 1920 г. Однако, связав А. Белого договором, Гржебин ничего не предпринял для напечатания его произведений.

Получив разрешение на выезд к жене в Берлин в сентябре 1921 г., Белый направил Гржебину письмо:

«В течение 20 месяцев со времени подписания договора Вы не напечатали ни одной моей строки, заплатив мне всего 200 000 руб. Между тем мне со всех сторон предлагали печатать мои книги, платя мне по 500 000

рублей за художественную прозу (полистно). Сколько же миллионов Вы лишили меня? Весь этот год я вынужден был служить и зарабатывать средства к существованию себя и престарелой матери, отклоняясь от литературного труда. . .

Остается одно: порвать с Вами, ибо с Вашим договором вместо работы за границей (смысла моей поездки) я должен опять там зарабатывать себе и жене на пропитание. . . Я предлагаю Вам немедленно вступить в переговоры с моими доверителями Р. В. Ивановым и А. М. Шах-Назаровым о немедленном расторжении договора, ибо вопрос о расторжении его есть вопрос о возможности мне существовать и в России, и за границей. В случае Вашего отказа расторгнуть договор я подаю на Вас в Народный суд. Все соответствующие меры мною уже приняты» [6, с. 87]. Белый требовал также возвращения переданных Гржебину книг и рукописей и обещал вернуть полученный аванс.

18 октября 1921 г. договор «по обоюдному соглашению сторон» и «без всяких последствий для обеих сторон» был расторгнут. Разрыв с Гржебиным, однако, оказался временным: в 1923 г. в издательстве Гржебина, перенесенном в Берлин, вышел единственный прижизненный сборник всех стихотворных произведений А. Белого. 22 июня 1932 г. Белый пишет сотруднику «Издательства писателей в Ленинграде» Г. Э. Сорокину:

«Глубокоуважаемый Григорий Иммануилович, ГИХЛ¹ дал мне в мае право отдать рукопись мою „Мастерство Гоголя“ в „Книгоиздательство писателей в Ленинграде“ с оговоркой, что до заключения контракта с Вашим издательством ГИХЛ сохраняет право на эту рукопись за ним. После отправки этой рукописи Вашему издательству я никаких уведомлений о принятии издательством рукописи не получал, кроме сведений, что Алянский² взял рукопись. Теперь ГИХЛ, с которым заключен контракт, берется печатать эту рукопись. И потому прошу отослать мне имеющийся у Вас ремингтон книги „Мастерство Гоголя“, так как ГИХЛ отменяет свое решение мне отдавать эту рукопись и имеет на это право. . .» [6, с. 76].

¹ Государственное издательство художественной литературы.

² С. М. Алянский в 1932 г. поступил в издательство «Молодая гвардия» и обязанности заведующего «Издательства писателей в Ленинграде» перешли к Г. Э. Сорокину.

«Мастерство Гоголя» вышло в свет в ГИХЛе уже после смерти А. Белого, весной 1934 г.

В 1927 г. в Ленинграде творческая молодежь создает товарищеское кооперативное «Издательство писателей». К. А. Федин был избран председателем правления. 4 марта 1927 г. он направил письмо Горькому с изложением плана деятельности издательства.

Устав кооперативного «Издательства писателей в Ленинграде» гласил: «Товарищество организует на коллективных началах труд своих членов в области издания всякого рода литературных и художественных произведений. . . и имеет целью путем совместного ведения издательской работы содействовать материальному благосостоянию и культурному развитию своих членов, вовлекая их в общее социалистическое строительство страны» [5, с. 292].

Для закрепления за советскими писателями авторских прав в других государствах, Горький планировал в ряде случаев первоначально издавать их произведения за рубежом. С этой целью он написал предисловия к предполагавшемуся изданию на английском языке произведений Б. Л. Пастернака «Детство Люверс» и «Охранная грамота».

В 1924 г. в Москве состоялось общее собрание драматических писателей и композиторов. Было решено возобновить на новой основе деятельность Общества русских драматических писателей и оперных композиторов и образовать Правление МОДПИК (Московское отделение драматических писателей и композиторов). Председателем правления был избран В. И. Немирович-Данченко. Большое внимание вопросам авторского права уделял нарком просвещения А. В. Луначарский.

В 1928 г. вышло Постановление ВЦИК и СНК СССР «Об основах авторского права» — первый общесоюзный закон об авторском праве. Закон устанавливал твердые ставки авторского гонорара за публичное исполнение произведений в концертах, цирковых и тому подобных сборных программах. Установлены были также ставки гонораров авторам сценариев и композиторам за демонстрацию кинофильмов в кинотеатрах и музыкальное сопровождение кинофильмов.

В 1930 г. московское и ленинградское отделения ДПИК объединились во Всероссийское общество драматургов и композиторов, которое через три года было переимено-

вано в Управление по охране авторских прав при Союзе писателей. В 1934 г. было создано Управление по охране авторских прав при Союзе художников.

В 1938 г. образовано Всесоюзное управление по охране авторских прав (ВУОАП), в которое влились подобные организации Украины, Белоруссии, республик Закавказья и Средней Азии. ВУОАП осуществляло также отчисления для Литературного, Музыкального и Журналистского фондов СССР.

В 1973 г. на базе всех этих организаций создано Всесоюзное агентство по авторским правам (ВААП).

В 1988 г. в США вышла книга московских ученых «Советское гражданское право». В этом факте не было бы ничего сверхобычного, если бы не то курьезное обстоятельство, что выпущена она без ведома авторов, но «зато» с согласия ВААП. «Еще любопытнее то, — пишет по этому поводу «Литературная газета» (20.12.1989. № 51), — что ВААП разрешил осуществить американское издание без выплаты авторского гонорара... Парадоксально: нарушил авторские права общественный орган, призванный их защищать».

Такое положение, как это ни странно, зиждется на законных основаниях. Еще в 1957 г. Совмин РСФСР утвердил инструкцию, в которой сказано: «Авторский гонорар за публичное исполнение произведений выплачивается авторам исключительно через ВУОАП, выступающее при этом в качестве законного представителя авторов». Правопреемником этой организации и стал ВААП.

ВААП является монополистом и в сфере международной. Автор не вправе самостоятельно распорядиться использованием своего произведения за границей — договор может быть заключен только через ВААП; то же касается и использования произведений зарубежных авторов советскими организациями — только через ВААП.

Ни ВААП (ВУОАП), ни Союз писателей не встали на защиту авторских прав А. И. Солженицына. В сентябре 1965 г. были изъяты архивы писателя. Рукописи, не предназначенные для печати, в том числе 3 экземпляра романа «В круге первом», стали доступны для прочтения различным людям. Характерно, что в силу личной порядочности и честности такие видные литераторы, как А. Твардовский, К. Симонов, Г. Бакланов, Б. Слуцкий отказались читать эти рукописи без согласия автора.

Дальше — больше. Солженицын узнает, что за границей готовится «пиратское» издание «Ракового корпуса», и 21 апреля 1968 г. предлагает «Литературной газете», итальянской газете «Унита» и французской «Монд» напечатать его протест: «Заявляю, что никто из зарубежных издателей не получал от меня рукописи этой повести или доверенности печатать ее. Поэтому ничью состоявшуюся или будущую (без моего разрешения) публикацию я не признаю законной». Однако «Литературная газета» опубликовала это письмо лишь 26 июня, когда на Западе уже появилось незаконное издание повести, да еще и обвинила в этом самого Солженицына.

Весной 1968 г. был закончен «Архипелаг ГУЛАГ». В августе 1973 г. Солженицын узнает, что один из экземпляров рукописи «при загадочных обстоятельствах» попал в руки официальных органов, и дает согласие напечатать его за границей. В 1975 г. тогдашнее руководство страны лишает Нобелевского лауреата советского гражданства и высылает его за рубеж [7].

В «Литературной газете» были напечатаны две статьи Б. Иванова, который с пристрастных позиций оценивал работу писателя Г. Владимова. В беседе с сотрудницей «ЛГ» последний сказал, в частности: «Я думаю, что когда газета, основанная при участии Пушкина, печатает отрывки писем, захваченных при обыске, то это торжество Бенкендорфа. Даже хуже — Александр Христофорович не лез оценивать творчество писателя».

Нельзя не отметить сравнительно слабые теоретическую базу и практическую защищенность творческих прав в области сценического искусства. Кажется, только у нас, если говорить о высокоразвитых странах, не платят актеру определенный процент за показ по телевидению фильмов с его участием.

Не защищены от произвола продюсеров кино- и телережиссеры. Например, кинофильм «Петр I» режиссера Петрова безжалостно сократили по сравнению с первоначальным вариантом, уже шедшим на экранах. А в последние годы в прокате обрезали еще несколько сцен.

Ущемляются и права музыкантов, художников. Допускается исполнение музыкальных произведений без согласия композитора, кусками, в произвольном сокращении, в любой аранжировке.

Права художника нарушаются при незаконном репродуцировании, которое должно делаться только с согласия автора.

Не считаются и с авторским правом архитекторов, когда при строительстве заменяют, как хотят, материалы, краски, конструктивные элементы или детали и т. д.

Новые проблемы в части охраны авторских прав ставит стремительно развивающаяся техника размножения — компьютерное копирование, звуко- и видеозапись, кабельное телевидение. Англичане, например, установили, что из-за пиратской перезаписи авторы недополучают миллиарды фунтов стерлингов; эта нелегальная «индустрия» появляется и у нас.

Много неурядиц, а то и нелепостей связано с выплатой гонораров. Ну разве можно считать нормальным положение, когда размер авторского вознаграждения за книгу определяется главным образом числом печатных листов, за музыку — продолжительностью звучания, а за скульптуру — ее объемом!

Спорные вопросы об интеллектуальной собственности нередко решаются в пользу государства не в строгих рамках закона, а «силовым приемом» ретивого чиновника.

Художник Сергей Мироненко, отправляясь по частному приглашению за границу, взял с собой несколько своих работ. За день до отлета он явился в грузовое отделение аэропорта «Шереметьево» с разрешением Министерства культуры на вывоз картин и с самими работами. Однако пересечь границу им было не суждено — таможенные власти не пропустили их. Начальник таможни мотивировал свой отказ интересами охраны национального достояния. «Это же моя собственность, — попытался спорить художник.

Ваша, — согласился таможенник, — но и государства тоже».

Такой новый вид собственности, оказывается, имеется у нас. «Государственно-частная» — иронизирует по этому поводу Н. Загальская («Огонек». 1990. № 26).

Еще в середине 70-х гг. Эрнст Неизвестный, пораженный цинизмом чиновников от искусства, писал: «Даже мои скульптуры представлялись многим не моей собственностью, а их достоянием».

Автор художественного произведения — творец его персонажей и как таковой, казалось бы, волен распоряжаться ими по своему усмотрению. Сказав так, мы не погрешим против авторского права, но можем вступить в противоречие с жизненными реалиями. Автор не может произвольно навязывать своему герою поступки, не свойствен-

ные уже сложившемуся его образу, и тем более не вправе исказить облик исторического лица: в первом случае может пострадать качество художественного произведения, во втором — живые люди — сами герои, их родственники, память о них.

Ольга Александровна Лядская была арестована в 1948 г. по обвинению в измене Родине, пособничестве фашистам, и только малолетство спасло тогда ее от расстрела. В конце 1948 г. Лядскую этапировали из лагеря в Москву в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, которые, как намекнул следователь МГБ, описаны в только что вышедшем романе А. А. Фадеева «Молодая гвардия». Освободившись в 1956 г., Лядская возвращается к себе домой, в край, где жили родные и близкие казненных молодогвардейцев. Ни в чем не виновная, Ольга Александровна не опасалась гнева земляков, по ее словам, «земляки понимали побольше Фадеева» и предательницей ее никогда не считали. 16 марта 1990 г. военный трибунал вынес определение о полной реабилитации О. А. Лядской. «И не узнать нам, вспомнил ли Фадеев, собираясь застрелиться, 17-летнюю девочку Ольгу Лядскую, которую с не писательской жестокостью изобразил в своем произведении, — пишет С. Киселев. — Понимаю, мне могут возражать. „Молодая гвардия“ — роман, а не историческая хроника, поэтому здесь допустим вымысел. Согласен. Но это не просто роман, а роман исторический, и в историческом романе автор обязан соблюдать историческую правду» (Литературная газета. 1990. № 26).

Сильный читательский резонанс вызвала автобиографическая повесть А. Жигулина «Черные камни» — тоже о нелегальной молодежной организации, но созданной уже в первые послевоенные годы и имевшей антисталинскую направленность. Здесь сложилась картина иная: не опорочены были безвинные люди, а наоборот — обиделись живые современники автора книги, выступающие на ее страницах под вымышленными именами в ролях бериевских палачей, предателей, осведомителей. Что интересно: свои истинные имена они раскрыли сами, стремясь реабилитировать себя в немалочисленных обращениях и публикациях (Литературная газета. 1990. № 25).

Изобретательское право

У истоков советского изобретательства. Для организации изобретательской деятельности и охраны прав новаторов в начале 1918 г. был создан Комитет по делам изобретений и усовершенствований (Комподиз, или КИЗ), который по предложению В. И. Ленина возглавил старый большевик Ф. В. Ленгник.

КИЗ образовался из Комитета по техническим делам при бывшем Министерстве торговли и промышленности, переданного постановлением Совета Народных Комиссаров в ведение ВСНХ — сначала в качестве самостоятельного отдела (с 28 января 1918 г.), а с 9 августа 1918 г. — в качестве подотдела Научно-технического отдела ВСНХ.

Постановление Президиума ВСНХ, подписанное В. И. Лениным, содержало следующие основные положения.

Всякое изобретение, признанное полезным КИЗ, может быть объявлено достоянием РСФСР по соглашению с изобретателем или в случае несостоявшегося соглашения принудительно за особое вознаграждение, не подлежащее налоговому обложению.

Авторское право на изобретение сохраняется за изобретателем и удостоверяется авторским свидетельством, выдаваемым изобретателю. Всякое изобретение, совершенное на территории Российской республики, должно быть заявлено в России, прежде чем оно будет заявлено в других странах.

Главной трудностью при прохождении заявки через Комитет являлась экспертиза новизны. В связи с этим Президиум ВСНХ вынес постановление о введении явочного порядка регистрации изобретений, когда они рассматриваются не столько с точки зрения новизны и авторства, сколько главным образом с точки зрения полезности, целесообразности и осуществимости, а также своевременности.

Комподиз состоял из четырех отделов (управление делами; правовой; технический; учетно-оценочный), разбитых на отделения. В числе руководителей экспертных комиссий — И. А. Каблуков, почетный академик, крупный ученый в области физико-химии; акад. П. П. Лазарев, внесший большой вклад в биофизику, известный ученый-агроном В. П. Горячкин, другие видные ученые и инженеры. Задачи КИЗ были весьма обширны: от приема, рас-

смотрения и регистрации заявлений о сделанных изобретениях до их опытной разработки, испытания и применения.

Поступающие в КИЗ разработки рассматривались в бюро предварительной консультации, специалисты которого помогали изобретателю технически грамотно изложить свою мысль и давали предварительное заключение о новизне, а также логической и технической осмысленности предполагаемого изобретения. Из бюро все материалы поступали одновременно в комиссию экспертов для окончательного суждения о новизне и в технический отдел. В случае положительного решения изобретателю присуждалось авторское свидетельство, устанавливающее приоритет автора. Он получал право на вознаграждение, если изобретение найдет применение в технике и народном хозяйстве.

Суждение о полезности изобретения — функция технического отдела. Законченные проекты, получившие одобрение технического совета, публиковались для всеобщего сведения. Промышленным предприятиям и всем гражданам предоставлялось право свободного использования всех опубликованных изобретений. Предложения, нуждающиеся в проверке, передавались экспериментальному бюро, которое осуществляло расчеты, производство и испытание опытных экземпляров.

В начале своей деятельности Комподизу пришлось рассматривать преимущественно заявки прежних лет: в первом полугодии 1919 г. поступило всего 162 новые заявки. Объяснялось такое положение тем, что декрет, устанавливающий права изобретателей, еще не стал широко известным. Сказывалась также сложная политическая и экономическая обстановка в стране, не располагавшая в то суровое время к оформлению технических и научных достижений, — гораздо важнее было их добиться.

30 июня 1919 г. СНК утвердил положение «Об изобретениях» — первый закон Советской власти, установивший формы охраны прав изобретателей. Декрет, подписанный В. И. Лениным, устанавливал: «Авторское право на изобретение сохраняется за изобретателем и удостоверяется авторским свидетельством, выдаваемым изобретателю Комитетом по делам изобретений».

Ценные советские изобретения патентуются и за границей. Весной 1921 г. появилось сообщение, что бывший машинист Ташкентской железной дороги Ф. П. Казанцев изобрел новый тормоз, превосходящий конструкцию все-

мирно известной американской фирмы «Вестингауз». Раньше на каждом грузовом вагоне стоял винтовой механический тормоз, который по сигналу машиниста зажимал или ослаблял тормозильщик. Ф. П. Казанцев задался целью привести в действие тормозную систему всего состава одним машинистом и решил эту задачу еще до революции. Но неизвестному машинисту из глухого степного городка не удалось заинтересовать специалистов своим изобретением.

Изобретение изменилось после Октябрьской революции. Изобретатели выехали в Москву, где он получил возможность совершенствовать свою конструкцию. Тормоз, получивший имя Казанцева, нашел самое широкое применение.

Изобретение патентуется в Германии, Франции, Италии, Бельгии, Турции, Японии. Зарубежные фирмы одна за другой приглашают Казанцева на службу, предлагая стать акционером крупнейших железнодорожных компаний.

2 сентября 1924 г. принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О патентах на изобретения», которым вводилась патентная форма охраны изобретений. В условиях нэпа к хозяйственному строительству привлекался частный капитал. Патенты выдавались как отдельным лицам, так и предприятиям, но предоставление владельцу патента исключительного права на изобретение ограничивалось рамками частного сектора. В отношении государственных организаций предусматривалось, что они не могут препятствовать другим организациям использовать запатентованное изобретение.

9 апреля 1931 г. ЦИК и СНК СССР утвердили «Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях». Вводились две формы правовой охраны: авторское свидетельство и патент. Возможность выбора охранного документа предоставлялась изобретателю.

Право на признание предложения рационализаторским или изобретательским является основным правом рационализаторов и изобретателей, из которого возникают и другие их права. Этому праву соответствует и обязанность государственных организаций признать предложение, если оно удовлетворяет требованиям Положения [8].

Права на открытие удостоверяются дипломом, на изобретения — авторскими свидетельствами или патентами, на рационализаторские предложения — удостоверениями.

Статья 110 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик предусматривает, что «автор изобретения может по своему выбору требовать либо признания только своего авторства, либо признания за ним авторства и предоставления ему исключительного права на изобретение». В первом случае ему выдается авторское свидетельство, во втором — патент.

Заявка на выдачу авторского свидетельства или патента должна относиться к одному изобретению или к группе изобретений, если они образуют единый изобретательский замысел.

Такие изобретения могут объединять и разные объекты, например, вещество и способ его получения; способ и устройство для его осуществления и др. История некоторых изобретений подтверждает необходимость подачи объединенной заявки.

История фотоумножителя. Фотоэлектронный умножитель — электровакуумный прибор, широко применяемый для регистрации сверхслабых излучений в ядерной физике, астрономии, медицине, геологии, биологии и многих других областях науки и техники. Изобрел его инженер Л. А. Кубецкий, создавший первые действующие макеты прибора за 1930—1931 гг.

История этого изобретения развивалась по сложному, порой неясному пути. В заявке Кубецкого от 4 августа 1930 г. был сформулирован, с одной стороны, принцип действия электронного умножителя с фотоэмиссионным источником первичных электронов, с другой — описывалась конструкция прибора, реализующая этот принцип. Сейчас это была бы заявка по типу: способ и устройство для его осуществления. Но тогда изобретателю не удалось получить авторское свидетельство, защищающее в полном объеме единый творческий замысел. 30 ноября 1931 г. Госкомизобретений выдал авторское свидетельство на «Многоэлементный электронный прибор» применительно к конкретной конструкции, и только 31 января 1936 г. был защищен авторским свидетельством «Способ усиления электронных токов». Казалось бы, приоритет Л. А. Кубецкого и страны сохранен, так как в обоих документах содержалась ссылка на дату подачи первичных материалов заявки — 4 августа 1930 г. Но именно с 1930 по 1936 г. в иностранных патентных и журнальных публикациях появились сведения о создании ряда приборов на основе электронного умножения. То обстоятельство, что способ

Кубецкого в этот период еще не был опубликован, давало формальное основание считать его только автором одного из вариантов прибора, тогда как на самом деле он являлся создателем принципиальной основы приборов нового класса.

Опубликование способа не поколебало сложившегося за рубежом мнения о том, что электронный умножитель создан иностранными учеными. Таким образом, разделение первоначальной заявки и выдача двух авторских свидетельств с интервалом в 5 лет сослужили плохую службу нашей стране и Л. А. Кубецкому, автору целого ряда замечательных изобретений [9].

Прежде всего — приоритет, ибо датой его определяются и новизна, и существенность отличий предполагаемого изобретения, и авторство открытия.

Создание радиолокации. Приоритет изобретения, открытия, научной теории — это и вопрос престижа страны. Утрата приоритета оборачивается часто прямым экономическим ущербом, когда государство вынуждено покупать за границей дорогостоящее оборудование, машины, аппаратуру, идея создания которых принадлежит его гражданам. Недооценка значения приоритета или запоздание с опубликованием (в частности, по соображениям секретности) может привести к потере права на изобретение.

Характерным в этом плане является создание радиолокации. Вот как описывает историю этого изобретения один из его авторов, П. К. Ощепков [10]. Летом 1932 г. он находился на краткосрочной службе в Псковском зенитном артиллерийском полку. Здесь его увлекла задача повышения точности стрельбы, потребовавшая прежде всего быстрого и надежного обнаружения цели. Широко разрекламированные зарубежные системы обнаружения, основанные на применении звуковой и оптической техники для улавливания излучения объекта, этому требованию не удовлетворяли. Молодой инженер пришел к твердому убеждению, что решение проблемы может быть найдено только при использовании посылаемой наблюдателем энергии электромагнитных волн.

Вскоре П. К. Ощепкова направляют в Москву, в Главное управление противовоздушной обороны РККА. Здесь окончательно окрепло мнение, что для обнаружения самолетов наиболее целесообразно использовать радиоволны. В августе 1933 г. состоялась встреча с наркомом

обороны, на которой присутствовал и его первый заместитель М. Н. Тухачевский. Военные руководители одобрили выдвинутые предложения и распорядились выделить необходимые средства и включить исследование проблемы в план важнейших работ Наркомата обороны с обязательным завершением первого их этапа уже в следующем году.

В конце августа произошла встреча изобретателя с президентом АН СССР А. П. Карпинским в его ленинградской квартире на Васильевском острове, который предложил привлечь к обсуждению проблемы академиков А. Н. Крылова, А. Ф. Иоффе и С. И. Вавилова. А. Н. Крылов, между прочим, напомнил, что еще изобретатель радио А. С. Попов предлагал использовать электромагнитные волны для обнаружения кораблей, и рекомендовал продолжить начатое дело. С. И. Вавилов заявил, что избранный путь представляется наиболее перспективным и что электромагнитные волны достаточно короткой длины с успехом могут решать поставленную задачу. Не было никаких сомнений на этот счет и у А. Ф. Иоффе.

16 января 1934 г. состоялось расширенное совещание в Академии наук СССР с участием виднейших советских ученых и инженеров, а также представителей Наркомата обороны. В принятом на совещании постановлении было подчеркнуто, что с помощью импульсов коротких электромагнитных волн можно не только обнаруживать на больших расстояниях воздушные цели, но и определять их координаты. К этому времени идея радиолокации была осознана в нашей стране не только по своему назначению, но и по методам осуществления.

На Западе подобные работы тогда вообще еще не проводились. В официальной истории США об изобретении радара сообщается: «В 1935 году (...) конгресс США ассигновал Морской исследовательской лаборатории 100 000 долларов на научные работы. Это была первая сумма, отпущенная специально для развития радиолокационной техники»; «первый контракт с промышленностью на изготовление шести станций для обнаружения самолетов был подписан в октябре 1939 г.». В статье американцев Э. Реймонда и Дж. Хачертонa, опубликованной в журнале «Лук» в 1946 г., говорится: «Советские ученые успешно разработали теорию радара за несколько лет до того, как радар был изобретен в Англии».

11 июля 1934 г. под Ленинградом начались испытания первой действующей радиолокационной станции. То были

первые в мире опыты по радиолокационной технике, полностью подтвердившие правильность заложенных в них идей. У. Черчилль вскоре после окончания второй мировой войны заявил в парламенте, что именно они, англосаксы, подарили миру радиолокацию — величайшее, как он выразился, военное изобретение за последние 50 лет. «Постановка проблемы и весь ход ее разработки в нашей стране, — пишет П. К. Ощепков, — коренным образом отличались от частнопредпринимательской инициативы, как это бывает за рубежом. Нам с самого начала было ясно, что техника этого рода при своем развитии перерастет рамки своего первоначального предназначения и будет необходима для многих отраслей народного хозяйства и науки». Лучшие творческие силы страны, работая над отдельными задачами, были объединены общностью идеи и цели, что и помогло достичь решающего успеха за самое короткое время. Первый договор с заводом на постройку пяти опытных станций был заключен 26 октября 1934 г. — на пять лет раньше, чем в США.

В 1937 г. Павла Кондратьевича Ощепкова арестовали в связи с «делом» Тухачевского; работы по радарам были практически прекращены. В конце 1938 г. стало известно о развитии радиолокации за рубежом. У наркома обороны назначается совещание по «радиоуправляемым самолетам», и П. К. Ощепкова доставляют в Москву. Короткий период плодотворной творческой работы, и снова тюрьма — Лефортовская, затем Саратовская, где сокамерником его оказывается акад. Н. И. Вавилов. Здесь — это кажется невероятным — получает он полное заботы и сочувствия письмо акад. А. Ф. Иоффе: «Сейчас, как и тогда, я уверен в Вашей невинности и сделаю все, что в моих силах, чтобы это доказать. Ваша инициатива и любовь к делу и на этот раз принесут нашей Родине и Красной Армии пользу. Начатое Вами дело успешно продолжается и близится к завершению, при докладе правительству я особенно резко подчеркну Вашу роль в этом деле». Вскоре П. К. Ощепкова освободили; его творческая деятельность продолжилась.

Слова «радиолокация» у нас в то время еще не было. Оно появилось в 1941 г. вместе с закупленными иностранными станциями и никак не говорило об отечественном приоритете в этой области. «Да и мало кого это интересовало. В то время важно было иметь нужную технику, а не историю ее возникновения», — замечает П. К. Ощеп-

ков. Действительно, в Европе уже грохотали гусеницы немецких танков.

Идея использования электромагнитных волн для обнаружения самолетов родилась в нашей стране даже раньше первых работ П. К. Ощепкова. Еще в 1930 г. по инициативе военного инженера М. А. Федосенко Научно-исследовательский институт связи Красной Армии провел экспериментальную работу по улавливанию электромагнитного излучения от системы зажигания двигателя. Этот опыт не дал удовлетворительных результатов для практики, так как самолет обнаруживался только на расстоянии до 1 км, а при экранировке системы зажигания способ вообще становился неэффективным. Но главное его значение заключается в том, что он позволил М. А. Федосенко и Г. С. Гойлову прийти к единодушному выводу о том, что единственное решение проблемы следует искать в использовании радиоволн и что, наращивая мощность излучения и повышая чувствительность радиоприемных устройств, можно непрерывно добиваться совершенствования средств радиообнаружения. Разрабатывая в 1930 г. по указанию начальника вооруженных сил РККА И. П. Уборевича систему обеспечения Красной Армии новыми средствами связи и ПВО, Военно-техническое управление (ВТУ) РККА предусмотрело и проведение исследований по обнаружению самолетов на принципе активного применения радиоволн. Летом 1931 г. ВТУ обсудило эти вопросы и решило привлечь другие институты, которые могли бы провести необходимые работы, — а координацию их возложило на работника Главного артиллерийского управления (ГАУ) Наркомата обороны М. М. Лобанова.

В сентябре 1933 г. М. М. Лобанов обратился к руководителю группы дециметровых волн Центральной радиолaborатории (ЦРЛ) Ю. К. Коровину с предложением провести опыты по радиообнаружению самолетов. 26-летний инженер без длительных размышлений согласился на работы в новом направлении. Основанием для уверенности в успехе были положительные результаты опытов по двусторонней радиосвязи на дециметровых волнах, проведенные в том же году под Ленинградом.

В октябре 1933 г. между ГАУ и ЦРЛ был заключен договор, явившийся первым юридическим документом по планомерным научным исследованиям и опытно-конструкторским работам в области радиообнаружения

и систематическому финансированию таких работ. Подготовка аппаратуры и проведение опытов были поручены группе Ю. К. Коровина. Интереснейший эксперимент, проведенный на территории Гребного порта у кроншпица Галерной гавани Ленинграда, убедительно подтвердил, что электромагнитные волны не только отражаются от самолета, но и могут быть приняты наземным устройством.

В 1934 г. инженеры Ленинградского электро-физического института М. Д. Гуревич, Б. К. Шембель и др. подали ряд заявок на изобретения в области радиоприема, свидетельствовавших о том, что уже тогда практические работы развернулись довольно широко [11].

Вовремя подать заявку. Многочисленные случаи, когда новые результаты получаются практически в одно и то же время. Сейчас более, чем когда-либо, авторам следует заботиться о том, чтобы без промедления утвердить приоритет свой и своей страны. Недаром в некоторых зарубежных патентных ведомствах введена даже почасовая регистрация изобретений. Значительные преимущества в этом отношении дает участие страны в Парижской конвенции, согласно которой в течение года с момента приоритета заявки на изобретение можно подать аналогичную заявку в любом государстве — участнике Парижской конвенции и снова получить для нее приоритет.

Институт катализа Сибирского отделения АН СССР совместно с бельгийской фирмой разработал процесс получения нового вещества адипонитрила. Аналогичными исследованиями занималась конкурирующая японская фирма «Осахи Кемикал», поэтому чрезвычайно важно было не только разработать высокоэффективный процесс, но и своевременно защитить его патентами за границей. Наша заявка, зафиксировавшая отечественный приоритет, была подана в Советском Союзе и опередила фирму «Осахи Кемикал» всего на один месяц. Институт удачно использовал это время, для того чтобы защитить наше изобретение за границей.

Аналогичное положение сложилось с изобретением «Жидкие самотвердеющие смеси», на которое проданы лицензии во многие страны. Известно, что над проблемой улучшения условий труда в литейных цехах велась работа одновременно во многих странах, и не случайно некоторые разработки окончились одинаковыми результатами. Так, почти к одному и тому же решению пришли ученые ЦНИИТМАШа, японская фирма «Мицубиси», английская

фирма «Фосэко». Однако приоритет остался за Советским Союзом благодаря тому, что наша заявка была подана несколько раньше. Если бы этого сделать не удалось, то преимущество было бы отдано одной из этих фирм, и наша страна не смогла бы заключить весьма выгодные торговые соглашения.

К сожалению, слишком часто случается так, что национальный приоритет утрачивается по вине самих же авторов, не приложивших достаточных усилий для утверждения своего первенства, — как по объективным (например, войны), так и по субъективным причинам. С разницей в неделю комбинационное рассеяние обнаружили Л. И. Мандельштам и Г. С. Ландсберг в Москве и Ч. Раман в Калькутте. Последний немедленно опубликовал свои наблюдения, а советские физики занялись проверкой результатов. Раман получил Нобелевскую премию.

Летом 1941 г. советские ученые Е. К. Завойский, С. А. Альтшулер и Б. М. Козырев наблюдали сигналы ядерного магнитного резонанса (ЯМР), но не опубликовали своих наблюдений. Это сделали в 1946 г. американцы Э. Перселл и Ф. Блох, которые и считаются авторами открытия ЯМР.

Многие изобретатели ошибочно полагают, что заявку следует подавать уже после внедрения изобретения. Забывают при этом, что одна из главных функций авторского свидетельства — информация о новых технических решениях. Даже не внедренное изобретение становится одним из аналогов будущих, более совершенных разработок, способствует развитию техники и ограничивает объем возможных притязаний, защищая нашу экономику от влияния иностранных патентов и конкурентной борьбы.

«Пугало» Диллера. Многие зарубежные авторы и фирмы резко умножают в последние годы число «бумажных» и «дезинформирующих» патентов. Берутся патенты на технические решения, основанные на теоретических соображениях и недостаточно, а то и вовсе не апробированные, окруженные к тому же частоколом всевозможных вариаций. Это в сущности то же пресловутое «пугало» Томаса Севери, стоящее на пути развития отрасли. Характерным примером в этой области является патент американского ученого М. Диллера, полученный им в 1966 г. и суливший значительную экономию электрической энергии при электролизе алюминия. В этом чрезвычайно

энергоемком производстве значительная часть расхода энергии (около трети) обусловлена падением напряжения в электролите. Понятен поэтому интерес специалистов к патенту Диллера, заявившего, что сопротивление электролита можно снизить в несколько раз, если обработать его несколькими мощными электрическими импульсами. Более того, утверждал он, если смешать такой «активированный» электролит, даже пролежавший три года на складе, с обычным — последний тоже снизит свое сопротивление. Крайне заманчивое и в принципе не противоречащее теории предложение это неоднократно пытались проверить на практике. Условия, оговоренные в патенте, скрупулезно воспроизвели ученые Йельского университета (США) в 1976 г., но ожидаемого эффекта не обнаружили. Эксперименты, проведенные у нас, в том числе с участием авторов этой книги, его не установили. И тем не менее тот, кто возможно, добьется в будущем успеха в аналогичном направлении, встретит немалые трудности, пытаясь обойти «пугало» М. Диллера.

Более удачным в этом отношении оказался опыт изобретателя В. Пяткова. Незадолго до Великой Отечественной войны он предложил новую систему охлаждения поршня двигателя внутреннего сгорания. Холодная стенка поршня использовалась как местный поглотитель тепла, а между горячим днищем и стенкой циркулировало масло. Раньше в тяжелых дизелях устраивали сложные системы телескопических труб, подводивших воду к поршню. Новая система не требовала трубок, была дешевле, проще и надежнее в работе. В выдаче авторского свидетельства заявителю было отказано по причине отсутствия новизны, в доказательство чего приводилась ссылка на патент иностранца Юнкерса (г. Дессау, Ангальт, Германия). Начавшаяся война, в которой сыграли свою зловещую роль самолеты и подводные лодки Юнкерса, прервала работу над изобретением, и автор вернулся к ней только в 1946 г. Он изучил и теоретически исследовал все тринадцать вариантов изобретения Юнкерса, указанных в патенте. «Эти тринадцать вариантов, — пишет В. Пятков, — надежной сетью охраняли приоритет хозяина. Мое изобретение посчитали похожим на один из этих вариантов. Оно застряло в одной из петелек этой дьявольской сети». Оказалось, что идея патента не лишена «коварства и дяческой авантюристичности. Из всех тринадцати вариантов, — продолжает свой рассказ изобретатель, — только

один выдержал мои теоретические проверки. Позже мне стало известно, что только он один и реализован на практике. Все остальные, в том числе и мой „прототип“, оказались технически неосуществимыми.

Для чего же понадобилось Юнкерсу закрепить патентом вместе с единственно годным вариантом и двенадцать его мертворожденных братьев? Здесь я впервые в своей жизни познакомился с одним из уродств капиталистической патентной системы. Все двенадцать вариантов были умышленно поставлены вокруг одного главного, чтобы оградить его от конкурента, который вздумал бы взять патент на аналогичную систему» [12]. В 1949 г. В. Пятков получил авторское свидетельство на свое изобретение.

Эксперт не должен ошибаться. Бывают случаи отказа в выдаче авторского свидетельства по мотивам отсутствия положительного эффекта. Это может быть правомерным, если предложенное техническое решение не имеет преимуществ по сравнению с выбранным прототипом. Спор по этим вопросам затрудняется тем, что экспертиза зачастую противопоставляет другие аналоги, а сравнительная проверка параметров требует значительного времени и средств. Ошибка экспертизы в выборе прототипа может привести к существенному ущемлению прав изобретателя и к другим отрицательным последствиям морального и материального порядка.

Инженер Д. Раксин с группой товарищей в августе 1969 г. подал руководству фабрики № 2 ВПО «Труд» рационализаторское предложение № 3881/55, обеспечивающее безотходную технологию раскроя меховых шкур. До подачи предложения шкурки разрезались на две половинки по хребту и удалялись дефекты. Затем обе половинки сшивались и правились на правилках, после чего производилась отделка по лекалам. Новатор решил «...шкурки норки и других видов не разрезать... оставлять трубкой, и удаление дефектов производить с целой шкурки... После этого шкурки натягиваются вверх волосом на лекало-правило, имеющее форму заданного фасона и размера, и сушатся». Это скромное на первый взгляд предложение сулило не миллионную даже — миллиардную экономию!

В январе 1970 г. Д. В. Раксин подал заявку на «Приспособление для правки воротников пушнины шалевого фасона» и получил авторское свидетельство № 283585. В редакции экспертизы отличительные признаки предмета

изобретения формулировались так: «Шаблон состоит из двух профильных пружинящих пластин, два конца которых соединены неподвижно, а два других — посредством фиксатора. . . причем одна из пластин имеет продольный паз для перемещения ножа в момент разрезания шкурки». Эксперт ошибся: доска с шаблоном известна исстари, и этот признак следовало поместить в ограничительной части формулы. Отличительная же часть требовала уточнения: «Пластины изогнуты в одну сторону и имеют форму половины воротника».

Ошибка экспертизы дорого обошлась и автору, и государству. По протесту работников Министерства легкой промышленности СССР Госкомизобретений аннулировал авторское свидетельство № 283585. Автор тяжело заболел, с предприятия уволился и по специальности больше не работал. Между тем авторские свидетельства на аналогичные устройства стали получать другие лица, в частности Б. И. Варначев на «Приспособление для сушки и формования мехового воротника», Л. В. Розенштейн и др. на «Устройство для формирования и раскроя воротников из меховой шкурки трубчатой формы». Граждане Франции Ж. Ляфорге и Ж. Келиз предложили нам купить у них лицензию на способ изготовления воротников шалевого фасона. «Метод этот раньше был русский, а теперь — французский!» — едко заметила по этому поводу передовая работница меховой фабрики Л. А. Красильникова [13].

Эта коллизия имеет еще один юридический аспект. Когда автор обратился в Госкомитет с возражением, ему сообщили, что доводы его не могут быть рассмотрены ввиду истечения установленного срока — одного года со дня публикации в Бюллетене изобретений. С декабря 1978 г. этот срок продлен до 3 лет.

Внедрение изобретений — дело самих изобретателей? Более тридцать лет назад технолог завода Ташсельмаш М. П. Егоров изобрел безболтовой съемник хлопка. При машинном сборе этой ценной культуры три четверти затрат труда и четверть материальных средств идут на ручной подбор, так как к концу сезона вращающийся съемник хлопка изнашивается и машина сбивает хлопок на землю. Съемник состоит из нескольких металлических планок с закрепленной в них щетиной. Чтобы снять такую планку на четырехрядной машине, необходимо отвернуть почти восемьсот болтов и отогнуть столько же замковых шайб.

В конструкции Егорова планка снимается одним движением, изготовление ее упрощено. Годовая экономия могла составить многие миллионы рублей. Вслед за Егоровым предлагает свой вариант съемника заместитель главного конструктора завода Муравьев. Конструкция оказалась неработоспособной, но Муравьев подал на нее заявку и получил авторское свидетельство № 185610. Егоров же, не придавая особого значения правовой стороне дела, удосужился подать заявку лишь много позже и получил авторское свидетельство № 210529. Муравьев заявляет протест, который сначала отклоняется, но затем авторское свидетельство М. П. Егорова аннулируется в пользу более раннего по дате приоритета. Тогда, скрупулезно анализируя оба предложения, Егоров устанавливает, что из одиннадцати признаков изобретения у Муравьева отсутствуют шесть. Кроме того, никто и никогда ранее не ставил под сомнение его авторство, в том числе и сам Муравьев, если не считать протеста [14].

В каждом отдельном случае пренебрежение к правам изобретателя травмирует его, наносит ущерб престижу государства, его экономике, а иногда и способствует злоупотреблениям должностных лиц на предприятиях народного хозяйства. В 1977 г. А. В. Захаров и В. Г. Рубцов предложили новый способ получения копий лепных и скульптурных произведений. С давних времен тираж с оригинала художника делается на гипсовых или формопластовых формах. Они позволяют получить лишь несколько отливок, после чего изготавливаются заново. Сложный оригинал требует изготовления большого количества форм, каждая для отдельной его части; потом все отливки соединяются, а швы зачищаются вручную. При этом, естественно, страдает качество и резко возрастает трудоемкость процесса. Суть нового способа состоит в том, что на оригинал наносят самотвердеющую смесь, концентрацию которой с каждым слоем меняют, а между слоями кладут армирующий корд. Готовые эластичные формы точно повторяют оригинал независимо от его сложности и рода материала, выдерживают до 11—13 тыс. отливок. Способ использовали в Воронежских художественно-производственных мастерских Худфонда СССР. Но поскольку официальное признание новшества повлекло бы за собой пересмотр тарифов заработной платы и норм расхода материалов, факт реализации его скрыли, а расценки и нормы расхода оставили старые. Так нарушение

изобретательского права привело к хищению государственных средств.

Нередко возникают ситуации, когда изобретатель оказывается практически единственным лицом, заинтересованным во внедрении новшества. Предприятие или организация, куда он обращается со своим предложением, будучи связано производственным планом, лимитом средств и фондов материально-технического снабжения, далеко не всегда находит возможности для испытания и внедрения «чужих» идей.

Изобретатель В. И. Сидоров более полувека занимался ветровыми электростанциями. Сейчас, когда со всей очевидностью выявилось, что расходуемые топливные ресурсы не безграничны, обострился интерес к так называемым альтернативным источникам энергии, в том числе к ветроэнергетике. Для работы в этой области было создано специальное НПО «Ветроэн», которое выпускало новые машины — хоть и посредственные, и маломощные, зато «свои». В то же время не получали путевки в жизнь более совершенные конструкции В. И. Сидорова, защищенные рядом авторских свидетельств. Он предлагал строить мощные ветровые станции по оригинальной схеме — ветер вырабатывает электричество, а оно в свою очередь разлагает воду на водород и кислород, запасая энергию впрок. Предусматривалось сжигание водорода в специальном парогенераторе, а также получение аммиака для использования в двигателях внутреннего сгорания.

Ознакомившись с результатами испытаний опытной ветроводородной станции в Подмоскowie, акад. А. Н. Фрумкин отмечал серьезные преимущества этого типа станций, экономически чистых, позволяющих получать энергию в любой точке земной поверхности и в любое время, заменять тысячи крупных электростанций и экономить миллионы тонн топлива. Тем не менее институт «Гидропроект», являющийся головной организацией по ветроустановкам большой мощности, отверг разработки В. Сидорова. Причина проста: проектируемые здесь установки в корне отличаются от конструкций изобретателя. Тем временем за рубежом уже построили средние и спроектировали мощные ветроводородные электрические станции. «Неужто будем утешаться тем, что приоритет у нас, зная, что станции работают у них», — справедливо сетует газета «Социалистическая индустрия» от 28 августа

1986 г., изложившая «долгую и печальную» историю важного народнохозяйственного изобретения.

Носит имя автора. Автор научно-технического достижения имеет право на присвоение последнему своего имени или специального названия. Будучи одной из форм морального стимулирования творческого труда, практическая реализация этого права существенна также для утверждения государственного и личного приоритета и оценки значимости творческого достижения. Общеизвестны таблица Менделеева, самолет Антонова или драгоценный камень фианит (аббревиатура — Физический институт Академии наук СССР); нарицательными стали названия дизель, монгольфьер, маузер и др.

В начале 20-х гг. агроном Тимофеев обнаружил близ горного закавказского селения неизвестную дотоле пшеницу. Несколько позднее научный сотрудник ВИРа (Всесоюзный институт растениеводства) П. М. Жуковский определил и описал находку, выделенную в отдельный вид и вошедшую в научную систематику как пшеница Тимофеева и Жуковского. Ее называют чемпионом устойчивости из-за исключительно высокого иммунитета к самым различным вредителям.

Сотрудник ВИРа А. Я. Камераз после десятилетней работы передал в 1940 г. для государственных испытаний выведенный им новый сорт картофеля, который был назван впоследствии именем автора. Сорт картофеля «камераз» и в наши дни выращивают на полях страны, в частности на Дальнем Востоке.

Относительно чаще, чем изобретения, отмечаются именем автора открытия. Когда была открыта радиосвязь, считалось, что длинные волны более пригодны для передачи на большие расстояния, чем короткие: они как бы огибают поверхность Земли. Но радиолюбители, пользовавшиеся коротковолновыми диапазонами, вскоре обнаружили, что короткие волны могут обеспечить связь на огромные расстояния, вплоть до космических. Ученые нашли и объяснение этому факту: короткие волны хорошо отражаются от верхних, ионизированных слоев атмосферы. Однако никому и в голову не приходило, что радиосигнал можно принять в том же самом месте, откуда он был послан. Только в 1947 г. инженер Н. И. Кабанов экспериментально установил, что посланный на коротких волнах сигнал будет многократно отражаться от ионосферы и поверхности Земли, а в силу сложного характера этого

явления в числе отраженных лучей должны быть и такие, которые в точности совпадают по направлению с первоначальным сигналом. Это было новое и смелое умозаключение, впоследствии подтвержденное экспериментально и ставшее широко известным под названием «эффект Кабанова».

Важнейшее значение имеет присвоение имени автора для защиты личного и национального приоритета, особенно когда это касается научных теорий, не защищаемых охранными документами.

Штурман Е. Гернет в ноябре 1923 г. был назначен командиром парохода «Индирикка». Вероятно, в рейсах на Японские острова в северных широтах у Гернета зародилась идея книги «Ледяные лишай». Отпечатанная в Токио, она имела подзаголовок «Новая ледниковая теория, общедоступно изложенная». 500 экземпляров этой книги автор увез с собой в Ленинград, когда работа в Японии была завершена.

Первым, кто заметил новую книгу, был писатель К. Г. Паустовский. Вот строки из его повести «Золотая роза»: «Я рассказал Горькому о теории Гернета. . . Он был захвачен этой теорией, ее стройной неопровержимостью. . . долго обсуждал ее, все больше оживляясь, и попросил прислать ему эту книгу, чтобы переиздать ее большим тиражом».

Профессор О. П. Чижов в послесловии к переизданию книги в 1981 г. писал: «В 1955 г., через 25 лет после выхода книги Гернета, в журнале „Сайенс“ появилась статья американского геолога В. Стокса под названием „Иной взгляд на ледниковый период“. Это был действительно иной взгляд, но высказанный впервые . . . Гернетом. . . Отечественный приоритет в теории колебаний климата и оледенения необходимо восстановить. Ее следует назвать именами тех, кто предложил ее впервые, — теорией Гернета—Стокса».

Да, именно Гернет впервые высказал новую мысль о взаимодействии ледников, океана и морских льдов с атмосферой и доказал, что не изменения климата способствовали развитию ледников, а наоборот, сами они изменяли климат, распространяясь подобно лишаям по телу планеты» [15, с. 40].

В электротехнике широко применяются схемы для выпрямления однофазного и трехфазного переменного тока с помощью вентилях-диодов, пропускающих электри-

ческий ток только в одном направлении: «мостик Греча» и «мост Ларионова». Здесь совместно с именем автора употребляется и метафорическое название «мост», ассоциирующееся, по-видимому, с графическим изображением, не противоречащее, кстати, и смысловой интерпретации: мост от переменного тока к постоянному.

Защита в суде. Когда права новаторов ущемляются (а наиболее часто это происходит при выплате вознаграждения), на защиту их встают общественные организации, пресса и, наконец, суд.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О применении судами законодательства, регламентирующего отношения, возникающие в связи с открытиями, изобретениями и рационализаторскими предложениями» (1984) прямо ориентирует суды на преимущественную защиту прав новаторов. Тем же постановлением рекомендуется, чтобы изобретательские дела рассматривались областными и республиканскими судами для обеспечения более высокого уровня разбора. Таких дел сравнительно немного (в 1984 г., например, судами страны их было рассмотрено 112), и суть заключается не в количестве, а в предупреждении случаев нарушения законодательства в области научно-технического творчества. Судья не вправе отказать автору в возбуждении дела потому лишь, что тот не представил данные об экономическом или ином положительном эффекте. В случае необходимости судья может назначить экспертизу, при выборе вопросов для которой учитывается мнение авторов — участников процесса. Истцы освобождаются от оплаты судебных расходов, в том числе госпошлины: эти суммы взыскиваются с ответчика в доход государства. Суд не рассматривает лишь вопросы, связанные с признанием предложения и его квалификацией. Суд принимает меры для привлечения к ответственности виновных и выносит частные определения в адрес соответствующих организаций и должностных лиц.

«...Изобретатели, новаторы должны быть уверены в защите своих прав на случай конфликта... В этом огромное моральное значение рассмотрения дел в суде», — указывает газета «Правда» от 17 октября 1985 г., публикуя статью В. Черткова «Тяжба о вознаграждении. Почему изобретатели обращаются в суд?». Когда западные фирмы отказали Советскому Союзу в поставке труб большого диаметра, инженеры В. Смирнов, А. Шмырев и др. пред-

ложили новую технологию выплавки металла для таких труб. Экономический эффект благодаря отказу от импорта, по данным Внешторга, составил десятки миллионов рублей. Но возник вопрос: как выделить выигрыш непосредственно от внедрения изобретений? Дело дошло до суда, процесс длился с 1983 по 1985 г. Московский районный народный суд постановил взыскать авторское вознаграждение с Министерства черной металлургии СССР, которому подчинены заводы, освоившие новую технологию. Московский городской суд отклонил жалобу Минчермета и утвердил решение районного суда. Изобретатели были вознаграждены по заслугам.

Одна из причин невыплаты или неправомерного занижения суммы вознаграждения — некий психологический барьер: «Рука не поднимается принимать решение о выплате таких больших денег». Изобретатель предложил новый способ контроля за состоянием каналов телефонной связи, позволивший отказаться от дорогостоящего оборудования. За первый год использования изобретения автору было выплачено около 1000 р. Потом выявился необычайный скачок экономического эффекта, автору полагалась большая денежная выплата, но производить ее предприятие не намеревалось. Судебное дело тянулось более шести лет, изобретателю трижды отказывали в иске, однако Верховный Суд РСФСР решение об отказе отменил.

Решают суды и вопросы об авторстве. К. Б. Розин, автор около 30 изобретений, главным образом в области производства силикатного кирпича, предложил сменные втулки на быстроизнашивающихся участках штампов для получения кирпича. Но с отсылкой заявки на изобретение он задержался, так как считал, что патентованию за рубежом может быть нанесен ущерб, если тщательно не проверить новинку. Поэтому в 1971 г. изобретатель с готовностью откликнулся на просьбу руководства ВНИИ строительных материалов и конструкций передать документацию на штамп со сменными втулками. А там скопировали конструкцию, получив к тому же авторское свидетельство № 612794 на чужое изобретение. Розин послал новоявленным авторам В. А. Степанову и Е. А. Каткову вежливое письмо с надеждой, что совесть и разум преодолеют у них «другие, менее благородные начала». Преодолеть указанные «начала» не удалось, и обворованный изобретатель обратился в суд. Тяжба затянулась на годы, к ней были

привлечены квалифицированные эксперты, адвокаты, свидетели. . . Процесс ведет опытный судья. Техническая экспертиза твердо заявляет: авторское свидетельство получено ответчиками незаконно, автор изобретения — К. Б. Розин. Суд, поддержав это мнение, оглашает приговор: Катков и Степанов лишаются авторских прав, на них накладывается денежный штраф. Московский областной суд оставил приговор в силе [16].

О правах рационализаторов. Вопросы, связанные с рационализаторскими предложениями, решаются проще, чем изобретательские, как в силу иного уровня значимости, так и потому, что их оформление, принятие и использование производятся на одном и том же предприятии. Это не означает тем не менее отсутствия конфликтных ситуаций, отмеченных последовательной деятельностью общественных и правоохранительных органов в защиту прав и интересов рационализаторов.

Отработан и действует правовой механизм массового технического творчества, и нарушения в этой области становятся досадным исключением. Об одном из них рассказал еженедельник «Ленинградский рабочий». Речь шла о конфликте ленинградского рационализатора Ю. Д. Гамзаева с руководством СКБ «Ленгидросталь». По инициативе новатора с 1978 г. в узлах трения гидротехнических сооружений вместо традиционных дорогостоящих материалов стал применяться очень дешевый полимер капролон с высокими антифрикционными свойствами и механической прочностью. Но далее история рацпредложения запутывается настолько, что приобретает почти детективный характер. 19 декабря 1978 г. представители СКБ и Волгоградского района гидросооружений подписывают акт испытания затвора шлюза, в опорных полозьях которого были установлены вкладыши из капролона, и констатируют в заключении: «Эксплуатационный режим не обеспечивается». Обратим внимание на дату, согласно которой испытания проводились, когда . . . Волгу сковал лед. В акте же от 31 октября 1978 г. утверждалось обратное: «Результаты испытаний показали, что материал капролон. . . удовлетворяет требованиям нормальной эксплуатации». Зачем же понадобилось одним и тем же лицам составлять два противоречащих друг другу документа? «А затем, — отвечает еженедельник, — чтобы, так сказать „изолировать“ Гамзаева от рацпредложения и стать единоличными соавторами идеи. У специалистов

СКБ выиграла амбиция: ведь повышать эффективность гидросооружений их прямая обязанность, а тут никому не известный инженер».

В ответе на жалобу новатора в Министерство энергетики и электрификации СССР первый заместитель министра Ф. В. Сапожников утверждал, что инициатором применения капролона является дирекция Волжской ГЭС, что «технические качества капролона не отличаются более высокими показателями по сравнению с другими антифрикционными материалами» и что технический совет министерства не может квалифицировать данное предложение рационализаторским по причине общеизвестности капролона. Здесь ошибочно и неверно все. Во-первых, не подлежит сомнению авторство Ю. Гамзаева. В видоизмененной конструкции Гамзаева, предложенной заводом СКБ Н. И. Ивановым на Волгоградском районе гидросооружений, ширина капролонового вкладыша сужена со 120 до 55 мм, что успеха не принесло, зато послужило поводом для проявления соответственной «инициативы». Больше того, простое изменение параметров вообще не подлежит защите как новое техническое решение. Во-вторых, для рационализаторского предложения в отличие от изобретения достаточно обладать новизной только на том предприятии, где оно подано, даже если на других оно известно. В-третьих, механическая прочность капролона в 3—5 раз выше, чем других традиционных материалов, он в несколько раз износоустойчивее и дешевле их. Замена же одного материала другим может составить предмет не только рационализаторского предложения, но и изобретения.

Позиция, занятая специалистами СКБ, дорого обошлась государству. По свидетельству Главного управления водных путей и гидросооружений Минречфлота РСФСР, «применение капролона позволило в ряде случаев отказаться от принудительной смазки деталей, сократить объем профилактического ухода, увеличило срок службы подшипниковых узлов, суммарный экономический эффект от его внедрения только в 1982 г. составил 24 тыс. р.». Убедительно просил отпустить капролон для деталей узлов трения и Куйбышевский гидроузел. Но так как все механическое оборудование его шлюзов запроектировано СКБ «Гидросталь», под контролем которого находятся и работы по техническому перевооружению, нужное дело застопорилось. Нельзя допустить, — заключает газета, — чтобы

амбиция отдельных лиц послужила тормозом для внедрения «новшества, направленного на оперативное устранение аварийных ситуаций, способных возникнуть из-за неправильного отношения к применению на гидросооружениях страны прогрессивных материалов» [17].

Право на открытие

В 1879 г. в Лондоне состоялся конгресс Международного литературного и художественного союза, на котором был впервые поставлен вопрос о правовой охране научных открытий. Но в XIX в. так и не было выработано законов о правовой защите научных произведений и открытий.

В то время преобладал взгляд на открытие как на обнаружение того, что существует, в отличие от изобретения, которое создает новое. Осознание открытия требует созидательной деятельности мышления, создания понятия, отражающего сущность того, что открыто. Рассматривая проблему авторства в открытии кислорода, Ф. Энгельс отмечал, что Шееле и Пристли хотя обнаружили и описали кислород, но не поняли его значения для химии, в то время как Лавуазье фактически открыл этот новый элемент, так как понял его значение и преобразовал учение о теплоте [18, с. 19—20].

Многие наряду с М. В. Ломоносовым наблюдали затмение Венеры в 1761 г., но только он понял, что планета имеет «пупырь», воздушную оболочку, и построил новое понятие «атмосфера Венеры» [19].

Постановка вопроса об охране приоритета в научных открытиях объясняется многочисленными случаями обвинения в плагиате. Например, открытие Т. Юнгом волокнистой структуры хрусталика глаза в 1793 г. вызвало обвинения в том, что он воспользовался чужими исследованиями. Юнгу пришлось заявить, что он отрекается от своей теории.

В научной деятельности Юнга был и совершенно противоположный случай, когда французский ученый К. Френель добровольно отказался от борьбы за приоритет в открытии волновой природы света. Френель писал Юнгу в 1807 г.: «Когда веришь, что сделал открытие, то не без сожаления узнаешь, что кто-либо другой сделал его до тебя; и я со всей искренностью признаюсь Вам, сэр,

что таковы были чувства, которые я испытал, когда Араго показал мне, что в моем представленном в Институт мемуаре было очень небольшое число действительно новых наблюдений. Однако если что-нибудь и могло меня утешить в том, что я не имею преимущества приоритета, так это то, что судьба свела меня с ученым, который обогатил физическую науку большим количеством важных открытий». Через 14 лет, по поводу приоритета в доказательстве поперечности световых колебаний, Френель вновь уступил первенство Юнгу: «Будучи смелее в своих предположениях и меньше доверяя взглядам математиков, г-н Юнг опубликовал эту гипотезу раньше меня, хотя, быть может, открыл ее позднее, и, следовательно, ему принадлежит приоритет и в отношении этой теоретической идеи, как и в отношении многих других» [19, с. 28—29].

В Москве живет и трудится доктор геолого-минералогических наук Г. А. Чернов. Именно этот человек открыл еще в 1930 г. крупнейшее Воркутинское месторождение углей, является первооткрывателем огромных нефтяных запасов в Большеземельской тундре.

Мы поздно слышали о нем: и приоритет первооткрывателя, и честь замечательного ученого были похищены у Георгия Александровича на долгие десятилетия. В 30-х гг. кем-то была создана легенда об охотнике В. Я. Попове, нашедшем якобы еще в 1919 г. «горюч-камень» вблизи тундровой речки Воркуты. В ГУЛАГе красивая легенда понравилась, в 1947 г. НКВД представил Попова к награждению орденом Ленина, а в Воркуте был даже сооружен прижизненный памятник ему.

Понадобились десятки лет борьбы, чтобы восстановить истину. Когда после XX съезда КПСС раскрылись архивы НКВД, нашли рукопись Остапа Вишни (она хранится в Воркутинском музее), где упоминается о приезде партии «вольнонаемных геологов, среди которых оказался и геолог Г. А. Чернов, тот самый, который в прошлом году открыл Воркутинское месторождение угля».

Г. А. Чернову много лет не давали в печати слова, он был обвинен в присвоении чужого открытия. Лишь в 1970 г. он восстановлен в звании первооткрывателя воркутинских углей, и только в 1987 г. ему присвоено звание «Заслуженный геолог РСФСР» (Литературная газета. 1990. № 25).

26 июня 1957 г. Госкомизобретений принял решение о признании открытием «эффекта Кабанова» и о внесении

его в государственный реестр открытий СССР за № 1. Этим актом было положено начало государственной регистрации научных открытий и защите авторства на них. Впервые в мире был принят закон, охраняющий право на открытие, хотя этот вопрос неоднократно обсуждался еще в рамках Лиги наций, в ЮНЕСКО, на ряде научных и юридических конгрессов в буржуазных странах. Суть проблемы заключается в том, что многие исследования завершаются на таком уровне, когда не представляется возможным подать заявку на конкретное техническое решение (устройство, способ или вещество) и получить авторское свидетельство или патент. Обычная публикация также не решает проблемы, ибо фиксирует лишь приоритет, но не дает ответа на главный вопрос — о наличии открытия как такового. Кроме того, среди огромного количества публикаций важные открытия могут остаться незамеченными, а затем они снова «переоткрываются» либо в СССР, либо за рубежом. Не достигает правоохранительной цели и система различных премий, так как они способны выделить лишь отдельные работы, а не все достижения в области естественных наук, которые признаются открытиями. Лишь в 1967 г. Стокгольмская конференция, в работе которой участвовало более 100 стран мира, в том числе и Советский Союз (нашу делегацию возглавлял председатель Госкомизобретений, приняла решение о выделении научных открытий в качестве особого объекта права.

Были, однако, в научном мире и высказывания против регистрации открытий. Некоторые ученые считают, что подавать заявки на сделанные ими открытия неэтично. Это мнение сложилось под влиянием правил присуждения Нобелевских премий за открытия, которые гласят, что ученый, выдвинувший себя на премию, дискредитируется, а его работа снимается с обсуждения. Однако при этом не учитывают, что диплом на открытие и поощрительное вознаграждение не являются одним из видов премий. В регистрации открытий заинтересован не только автор, но и государство, поэтому подача заявки не может рассматриваться как нескромность автора.

Говорят также, что при проведении экспертизы открытий и их регистрации встречаются значительные организационные трудности. Но ведь нельзя отказываться от правового института только на том основании, что трудно проводить экспертизу.

Главной целью государственной регистрации открытий является подтверждение их ценности и достоверности, с тем чтобы использовать их для научных разработок и создания изобретения. Нельзя ждать, пока открытие пробьет себе дорогу «в естественном порядке». Правовые нормы должны помогать созданию условий, ускоряющих решение судьбы научного открытия.

Принятая в нашей стране система государственной регистрации и правовой охраны научных работ, выполняемых на уровне открытий, позволяет наметить наиболее эффективные пути развития народного хозяйства: ведь именно научные открытия и важнейшие перспективные изобретения должны составлять основу для планирования научно-технического прогресса на длительный период. При этом отпадает и необходимость в ожидании публикации за рубежом о результатах исследований советских ученых. К сожалению, из-за отсутствия такой системы в предыдущие годы, никто не может сказать о количестве открытий, сделанных тогда отечественными учеными.

Целый ряд открытий приходится на те научные учреждения, где придается серьезное значение вопросам защиты государственных интересов в области открытий и изобретений и обеспечению высокого уровня научно-технических исследований: Физический институт им. П. Н. Лебедева АН СССР, Объединенный институт ядерных исследований (г. Дубна), Московский государственный университет и др.

Открытия представляют собой решение научно-познавательной проблемы. В отличие от изобретений они не дают конкретного технического решения задачи, а выражаются в обнаружении закономерностей, свойств и явлений материального мира, которые существуют независимо от воли и желания человека. Именно новые открытия дают толчок к созданию принципиально новых орудий труда, технологических процессов и материалов.

Многие открытия внесли коренные изменения в существовавшие ранее представления и явились базой для принципиально новых практических разработок. Так, на основе открытия чл.-кор. АН СССР Н. С. Ениколопова в химии полимеров сделан ряд важных изобретений, в том числе создан новый отечественный способ производства блок-сополимеров, намного превосходящих монополюно выпускаемые американской фирмой «Дюпон». Автору открытия выдано 11 авторских свидетельств на изобре-

ния, которые успешно внедряются в промышленность и патентуются за границей.

По истечении годичного срока после регистрации и при условии отсутствия обоснованных протестов Госкомизобретений выдает автору диплом на открытие и единовременное поощрительное вознаграждение в размере до 5000 р. В отличие от изобретения допускается предварительное, до подачи заявки, опубликование сущности открытия в открытой печати, по дате которого может быть установлен и приоритет. Заявки на открытия составляют около 1 % всех рассматриваемых в Госкомизобретений заявок.

Визитная карточка изделия

Открытия, изобретения, рационализаторские предложения. . . Но список объектов технического творчества, подлежащих правовой охране, будет не полным, если не сказать о промышленных образцах и товарных знаках. Промышленный образец — это новое художественно-конструкторское решение изделий, определяющее его внешний вид.

Не признаются промышленными образцами крупные сооружения, изделия узко функционального назначения (болты и гайки, например), а также изделия, противоречащие по своему назначению и оформлению общественным интересам, принципам гуманности и этики.

Разработка и правовая охрана промышленных образцов должны соответствовать повышению качества изделий, в том числе их внешнего вида, на который прежде всего обращает внимание покупатель. Права автора, предприятия-изготовителя закрепляются свидетельством или патентом на промышленный образец. Так, новая модель автомашины «Москвич-2141» защищена от повторения другими заводами свидетельством № 20322/50, новым признано художественно-конструкторское исполнение внешнего вида легкового автомобиля ГАЗ-3102, мотоцикла ТМЗ-5.951.

Главной целью правовой охраны товарных знаков является повышение ответственности предприятий за качество выпускаемой ими продукции. К ним приравниваются знаки обслуживания для предприятий сферы услуг, которые также подлежат регистрации в Госкомизобретений.

Широко применяются словесные товарные знаки, которые хорошо запоминаются, выразительны («Геркулес», например — для овсяных хлопьев) и удобны для рекламы. Всем памятны рекламные строчки В. Маяковского: «Нами оставляются от старого мира только папиросы „Ира“».

Изобразительные товарные знаки представляют собой разнообразные рисунки, символы: бегущий олень на радиаторе автомашины «Волга», стилизованное изображение древнерусской ладьи на автомобилях Волжского автозавода.

Комбинированные товарные знаки содержат в себе знаки изобразительного и словесного ряда.

Прообраз товарного знака — фабричная марка, клеймо. Герой романа Евг. Пермяка, глава преуспевающей уральской фирмы говорит: «Фирменный знак, или фабричная марка, не просто нарисованная фигурка, отличающая одну фирму от другой. Это ее визитная карточка, это сфокусированное выражение лица фирмы. Фирменный знак должен быть нарисован очень просто и выразительно, чтобы его можно было поставить на любое изделие, вплоть до головки гвоздя» [20, с. 317]. На именном жетоне, который получал каждый работник фирмы, крупными буквами были вычеканены слова: «Улучшающий вознаграждается» [20, с. 319].

«Ласковый май» — музыкальный ансамбль, пользующийся столь же феноменальной популярностью, сколь и противоречивой репутацией. У него возникло много подражателей, преследующих явно спекулятивные цели. Руководитель ансамбля А. Разин рассказывает корреспонденту еженедельника «Аргументы и факты» (1990. № 27): «...сейчас по стране разъезжает порядка двадцати псевдо-«Ласковых маев», и в Ленинграде вполне официально работает «Ласковый май-2», который, используя наше название и частично репертуар, заработал, по нашим подсчетам, уже около миллиона рублей. Мы пытаемся бороться с самозванцами, запатентовали название, неоднократно обращались в прокуратуру, но пока с двойниками ничего сделать не можем».

При Советской власти регистрация товарных знаков началась в июле 1923 г. согласно Декрету «О товарных знаках». Как и в современном законодательстве, оговаривались и такие случаи, когда обозначения не допускаются к регистрации в качестве товарного знака. В годы нэпа двум частным заявителям и одному госпредприятию было

отказано в регистрации этикетки для махорок и папирос, которая представляла собой несколько искаженное изображение червонца. Комитет по делам изобретений усмотрел возможность использования его недобросовестным лицом с целью обмана малосознательного населения. Было отказано в регистрации слова «Coly» как словесного товарного знака для парфюмерии. Комподиз усмотрел здесь попытку подделки под фирму «Coty», парфюмерные товары которой пользовались мировой известностью. Отказано в регистрации слов «Пеногон Богатырь» в качестве словесного товарного знака для огнетушителя по тем соображениям, что «пеногон» определяет способ действия большинства огнетушителей, а название «Богатырь» применяется на многих предприятиях. Таким образом, это сочетание слов лишено оригинальности по отношению к товару. В 50-х гг. появились в продаже крабовые консервы с загадочным названием «Chatka». Оказывается, слово «Камчатка» («Kamchatka») пришлось «урезать» до бессмыслицы только из-за того, что оно еще раньше было применено иностранной фирмой в качестве товарного знака для аналогичной продукции.

Решением Ленинградского городского суда центр научно-технического творчества молодежи (НТТМ) «Источник» лишен своего названия. Почему же? Вновь возникающие коммерческие предприятия не очень затрудняют себя поисками названия. И вот вдруг в производственное объединение «Источник» стали приходить деловые бумаги, к его деятельности отношения не имеющие, а предназначенные для одноименного центра НТТМ, недавно организованного. Новоявленный тезка начал вводить в заблуждение и зарубежных партнеров, привыкших считать марку фирмы ее неприкосновенной собственностью. Претензии объединения полгода ходили по разным инстанциям, пока наконец городской суд после шестичасовых дебатов не вынес решение в пользу объединения.

Убытки центра НТТМ от смены вывески следует отнести на счет некомпетентности молодых предпринимателей в вопросах хозяйственного права и маркетинга [21].

«Лицензинторг» предлагает

Licensintorg offers. «Вниманию иностранных читателей! Лицензинторг предлагает! Attention of our foreign readers! Licensintorg offers».

Так начинаются рекламные публикации о продаже

советских лицензий. Лицензия (от латинского слова *licentia* — свобода, право) — разрешение. Выдается владельцам патента на использование изобретения или иного технического достижения.

Патенты и лицензии служат для правовой охраны как советских достижений за рубежом, так и иностранных на территории нашей страны. В отличие от авторского свидетельства патент, кроме признания авторства, предоставляет владельцам исключительное право на изобретение. «Патентообладатель вправе за плату или бесплатно выдать разрешение (лицензию) на использование изобретения или полностью уступить патент» (п. 10 Положения. . .).

По сравнению с торговлей готовыми изделиями «невидимый экспорт» — лицензионная торговля СССР развивается опережающими темпами. Более 20 капиталистических стран производят сейчас товары по советским лицензиям. Наибольшее количество их продано в США, Японию, ФРГ, Англию и Италию. Всесоюзное объединение «Лицензинторг» заключило соглашение об оказании услуг Индии в области космических исследований, связанных с запуском индийского искусственного спутника Земли советской ракетой-носителем. В январе 1984 г. в Бразилии был пущен первый в Западном полушарии завод по производству метанола из эвкалиптовой древесины. Технология разработана Рижским научно-исследовательским институтом. Церемонию пуска завода возглавил президент Бразилии. Журналисты поинтересовались, почему была выбрана именно советская, а не американская технология. Глава государственной компании «Коалбра» кратко ответил: «В мире сейчас две страны владеют этой технологией: только Советский Союз и только Бразилия» [22, с. 196].

Силикальцит — новый строительный материал, изобретенный в Эстонском научно-исследовательском и проектно-институте (Таллинн) в 1956 г. Сотни домов построены из него в Эстонии. Советскую лицензию купила итальянская фирма «Свилуппо силикальците», сумевшая организовать широкое производство нового материала и получить большие доходы. Уже в 1967 г. она выпускала силикальцит 30 различных оттенков. Из итальянского силикальцита построены целые комплексы, в частности крупный больничный комплекс в Неаполе, состоящий из 20 зданий высотой от 8 до 20 этажей. Тем более досадно, что в СССР этот материал не получил должного распространения.

Случаи такого рода не единичны. «Иногда приходится покупать за рубежом материалы и оборудование, изготовленные по нашим же лицензиям», — пишет акад. Б. Е. Патон [23]. Вот пример. Как утверждает популярный журнал «Наука и жизнь», ни одно фармацевтическое средство не оказывает на организм человека столь много-стороннего благотворного влияния, как древнейший напиток джигитов — кумыс. Он активизирует кровообращение, повышает работоспособность, стимулирует обмен веществ, улучшает пищеварение. Советские ученые разработали технологию получения кумыса из коровьего молока или молочного порошка на основе специальной закваски молочнокислого и спиртового брожения. Этот напиток не уступает традиционному кумысу ни по химическому составу, ни по питательной и биологической ценности и даже превосходит его по содержанию минеральных солей и микроэлементов. Медики рекомендуют его при лечении органов пищеварения, нервных расстройств, туберкулеза.

«Лицензинторг» предлагает ноу-хау на состав закваски и технический опыт ее культивирования. «Спрос на лицензию имеется, и будет просто обидно, если из-за неповоротливости Минлегпищепрома и Госагропрома СССР, от которых зависит решение проблемы массового производства кумыса, мы будем привозить этот целебный напиток из дальних стран», — заключает журнал.

Предлагается также по лицензии ноу-хау, основу которого составляет способ закваски кефира. На прилавках магазинов Голландии, Чехословакии и других европейских стран можно увидеть бутылочки с кефиром, который напоминает традиционный напиток лишь названием: пока только в нашей стране производится кефир, практически идентичный тому, который на протяжении столетий готовили народы Кавказа [24].

Изобретения, защищенные авторским свидетельством СССР, на внешнем рынке могут использоваться практически беспрепятственно, если они не запатентованы.

Объем продажи советских патентов и лицензий нельзя признать достаточным, особенно если учесть, что в нашей стране трудится почти четверть ученых всего мира. За границей ежегодно патентуется примерно тысяча советских изобретений. В Ленинграде же, например, патентуется лишь около 100 изобретений, в то время как США патентуют около 20 тыс. изобретений в год, ФРГ — 10 тыс.,

Япония — 6 тыс., Англия и Франция — по 5 тыс. [25]. По черной металлургии, в частности, на 2000 технических решений, признанных изобретениями, приходится всего 10 лицензионных соглашений [26]. Стоит заметить, что зарубежные специалисты довольно неплохо знакомы с советскими изобретениями, даже с теми, которые не патентуются. Особенно обстоятельная экспертиза проводится при судебном разбирательстве. Известны случаи, когда на основании авторских свидетельств СССР (например, на плавающие буровые вышки) американские фирмы опротестовывали правильность выдачи за границей патентов и выигрывали судебные процессы [27].

Правда, не всегда и не всякое изобретение целесообразно патентовать. Прежде всего следует помнить, что за содержание патента надо платить, причем в течение довольно длительного срока: в Японии — 15 лет, в США — 17, во Франции — 20. За что же платит патентовладелец? За возможность получения прибыли с тех, кто будет использовать запатентованное техническое решение, а иногда за рекламу. Наивно было бы считать, что стоит получить патент, как в советскую казну будут отчисляться проценты. Если предложенное изобретение приносит мало прибыли, то, будь оно даже сверхполезным, патент останется без употребления. Но за него наша страна все равно должна будет платить, принося прибыль другой стране. Очевидно поэтому, что держать патент за рубежом имеет смысл только в том случае, если его будут использовать, а сумма прибыли превысит сумму налога (пошлины).

Как правило, владение патентом приносит прибыль нашему государству лишь тогда, когда вместе с патентом продается лицензия. При этом покупателю передается вся техническая документация, рабочие чертежи и оказывается помощь в налаживании производства. Разумеется, прежде всего это надо иметь у себя — и налаженное производство, и обученные кадры, иначе разговоры об экономической выгоде государства за счет патентования окажутся беспредметными. Некоторые очень перспективные изобретения, запатентованные за рубежом, не были своевременно проданы по лицензиям только из-за отсутствия промышленного освоения, например установка для непрерывного получения нетканых материалов из стеклянных волокон и др.

Большой вред государству и авторам наносит преждевременная публикация результатов исследований. По мет-

кому замечанию Н. Н. Смелякова, пытаться продать потом лицензию на эту принципиально новую разработку — «все равно что стеречь конюшню, из которой давно уже украли лошадей» [22]. Но не только: тормозится продажа уже освоенной ранее серийной продукции предыдущего типа, что может принести существенные убытки. Не даром же в условиях острой конкурентной борьбы западные фирмы принимают самые серьезные меры против утечки информации о новых машинах и приборах. Опасаясь промышленного шпионажа, строго охраняют испытательные площадки и полигоны, которые строят теперь вдали от больших городов. Да и устройство готовых изделий, уже поступивших в продажу, стараются, насколько возможно, сохранить в тайне, предпочитая конструктивное выполнение отдельных самостоятельных узлов (а то и целиком) в виде «черного ящика». Тот же Смеляков при посещении одного из заводов фирмы ФИАТ захотел познакомиться с устройством американского квантометра — прибора для анализа состава металла. Однако предусмотрительная фирма-производитель заранее все опломбировала и в контракте оговорила, что вскрывать прибор может только ее представитель.

«Наблюдения и открытия, производимые внутри страны, сообщались за границу до их опубликования в России и, к стыду Академии, там использовались ими раньше, чем у нас.

... Г.г. академики не должны отныне сообщать подобные открытия за границу, пока Академия не извлекла из них славу для себя путем печати и пока государство не воспользовалось ими» [28, с. 78].

«Какие старые слова», но как живо звучат они даже 200 лет спустя после того, как были записаны в отчете президента Академии наук и Российской Академии Екатерины Романовны Дашковой. Двести лет! И тем не менее. . .

Авторы ценного изобретения «Способ получения кислородных ванадиевых бронз» преждевременно разгласили существо этой работы в сборнике «Труды института химии Уральского филиала АН СССР», в связи с чем им отказано в выдаче авторского свидетельства и утрачена возможность зарубежного патентования. Если бы не преждевременная публикация, могли быть запатентованы и проданы по лицензиям за границу «Портативный нейтронный монитор», «Малогабаритная ионосферная станция» и дру-

гие важные работы Сибирского института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн.

«Широкий размах заимствования и передачи опыта, существующий между странами, свидетельствует об ошибочности той точки зрения, согласно которой импорт лицензий якобы говорит о технической отсталости страны-покупателя и ущемляет его престиж, а экспорт лицензий воздвигает на почетный пьедестал, — считает Смеляков. — Статистика мировой торговли лицензиями говорит о том, что платежи за покупку их значительно превышают поступления от продажи в таких странах, как ФРГ, Италия, Франция, Япония, Голландия, Швеция и других, имеющих высокоразвитую промышленность» [22, с. 191]. Покупаем лицензии и мы.

Технические идеи, а тем более собственно техника и технология в наше время быстро стареют, поэтому время от их приобретения до реализации должно быть минимальным. Примером оперативности может служить внедрение в автомобильную промышленность сварочных роботов по лицензии ФРГ или автоматической станочной техники, закупленной в Японии.

Игнорирование закупок некоторых лицензий может привести к отставанию отрасли, перерасходу средств. Примером такой недальновидности может служить история создания дорожно-строительных машин на базе трактора мощностью 330—500 лошадиных сил на Чебоксарском заводе Минсельхозмаша. Руководство министерства в 70-е гг. отказалось от закупки лицензии, хотя никакого опыта в проектировании и производстве подобных агрегатов у нас не было. Был построен завод, куплено на 200 млн р. оборудования, но и через полтора десятка лет годной машины страна не получила, конструкция трактора оказалась неудачной. За это время, практически потерянное для нас, зарубежные фирмы стали производить современные машины мощностью до 600 лошадиных сил; фирма «Катерпиллер» (США) выпустила образцы на 700, а японская фирма «Комацу» — на 1000 лошадиных сил. Дорожно-строительные машины на базе этих тракторов оснащаются герметическими кабинами, механическая часть их рассчитана на самые тяжелые условия работы. Такой ценный опыт игнорировать явно не следовало. «Печально, — пишет Смеляков, — что болезненная гордость некоторых лиц и даже организаций дорого обходится государству. Известный принцип „мы сами с усами“ не

так уж редко побеждает в серьезных делах. Чего здесь больше — бюрократизма или незнания дела, низкой культуры или зазнайства?» [22, с. 199].

Однако верно и то, что закупка лицензий требует осмотрительности и расчета, так как в некоторых случаях может не ускорить, а, напротив, задержать решение важных технических задач, привести к добровольному отказу от лидерства. На общем собрании Академии наук СССР в марте 1985 г. ее тогдашний президент акад. А. П. Александров выдвинул задачу создания эффективных технологий, освобождающих страну от дорогостоящего импорта материалов и оборудования.

Нередко приобретается импортное оборудование, в то время как имеются более эффективные, экономичные и дешевые отечественные аналоги или соответствующие разработки.

В Японии были приобретены декарбонизаторы для производства цемента. До сих пор с этими аппаратами, которые то и дело простаивают, мучаются на цементном заводе в Кривом Роге. Не лучше ли было бы помучиться со своими разработками, которые пылятся на полках, чем «доводить до ума» чужие, менее эффективные и неэкономичные аппараты? — так ставит вопрос автор статьи «Заграничные бублики за наши рублики» в журнале «Изобретатель и рационализатор» [29].

А с какой целью Мингазпром приобрел недавно за рубежом укрытия для компрессорных станций на 56 млн р.? Швеллеры, балки и шиферную крышу не отличит от отечественных ни одна комиссия. Подписана новая сделка с ФРГ на домостроительный комплект для Калужской области, где и без того в избытке мощности крупнопанельного домостроения. На десятки миллионов рублей закупает Миннефтепром импортные жилые комплексы, тогда как сызранский завод того же ведомства выпускает домики ничуть не хуже и раз в десять дешевле [30].

В некоторых зарубежных странах практикуется правовая защита не только конкретных технических решений и открытий, но также идей, принципов действия. Фирмы затрачивают огромные суммы на покупку таких патентов. Советским патентным законодательством не предусмотрена охрана научных идей до их конкретного воплощения, что приводит к экономическому ущербу. Так, в 1957—1959 гг. в Физическом институте АН СССР были предложены основные принципы создания полупроводниковых

лазеров, разработаны теория и принципы отбора материалов. Несмотря на это, патент на полупроводниковый лазер получен в США [26].

* * *

Развитие мировой цивилизации, рост взаимосвязей между странами и народами выдвинули на передний план человеческую мысль. Облеченная ли в форму литературного произведения или кардинальной технической идеи, она представляет собой интеллектуальную собственность и становится в ряд крупных ценностей, подлежащих охране и защите закона. Идеал собственности, утверждает д-р биол. наук Б. М. Миркин, совпадает с законами нашей эволюции, базируется на инстинктивной основе родительского поведения. Иными словами, стремление автора утвердить свой приоритет, право собственности — схоже с родительским чувством и так же естественно для человека (Химия и жизнь. 1990. № 5).

Новые научно-технические идеи — это товар, который находит все больший спрос на мировом рынке, тем более что природные ресурсы не безграничны. Курьезно, но факт: японцы просят продать им забракованные Всесоюз. науч.-исслед. ин-том гос. патентной экспертизы заявки в небезосновательной надежде найти в этой массе «жемчужные зерна». В Венгерской республике создан специальный инновационный банк, который отбирает ценные идеи и финансирует их реализацию. Сейчас и в нашей стране появились научно-технические центры, которые готовы покупать идеи и воплощать их в жизнь. Согласимся с Вольтером: «Введение новых изобретений есть главнейшее из человеческих дел».

ЛИТЕРАТУРА

Глава I

1. История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1983. Ч. 1.
2. *Борухович В. Г.* В мире античных свитков. Саратов, 1976.
3. История древнего мира: Упадок древних обществ. 2-е изд. М., 1983. Т. 3.
4. Хрестоматия по истории средних веков. М., 1949. Т. 1.
5. *Варбанец Н. В.* Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. М., 1980.
6. *Сухоруков К. М.* Лондонская гильдия книгопечатников и книготорговцев в XVI—первой половине XVII в. // Книга : Исследования и материалы. М., 1984. Вып. 18.

Глава II

1. *Орлов А. С.* Курс лекций по древнерусской литературе. М.; Л., 1939.
2. Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні XVI—перша половина XVII ст. // Зборн. докл. Київ, 1975. № 93.
3. *Бородин А. В.* Московская гражданская типография и библиотекар Киприановы // Тр. Ин-та книги: Документы и письма. М.; Л., 1936. Вып. 5.
4. *Кондакова Т. И.* К вопросу о становлении издательского права в России // Федоровские чтения. 1979. М., 1982.
5. *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция. М., 1929.
6. *Герцен А. И.* Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Екатерина Дашкова. Записки 1743—1810. Л., 1985.
7. Гос. Публичная библиотека. Отдел рукописей. XV, 0.26, л. 1.
8. *Мартынов И. Ф.* Новое о В. С. Сопикове // Книжное дело Петербурга—Петрограда—Ленинграда. Л., 1981.
9. *Кулакова Л. И., Салита Е. Г., Западов В. А.* Радищев в Петербурге. Л., 1976.
10. Известия Тамбовской учредительной архивной комиссии. Тамбов, 1888. № 18.

11. Крылов И. А. Соч. СПб., 1904. Т. 3.
12. Из неизданной переписки В. А. Жуковского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. Л., 1981.
13. Пасецкий В. М. Иван Федорович Крузенштерн. М., 1974.
14. Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981.
15. Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз. Л., 1983.
16. Руденская М. П., Руденская С. Д. Пушкинский лицей. Л., 1980.
17. Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982.
18. Друзья Пушкина. М., 1984. Т. 1, 2.
19. Живые страницы. М., 1970.
20. Пушкин А. С. Соч. М., 1954. Т. 1.
21. Добринская Л. Б. Рассказы из Пушкинского дома. Л., 1983.
22. Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979.
23. Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929.
24. Аксаков С. Т. Полн. собр. соч. СПб., 1914.
25. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 2.
26. Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. Л., 1974.
27. Бройтман Л. Пятницы у Полонских. Смена. 1986. 18 сент. № 217.
28. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1969. Т. 1.
29. Куни М. Нотопечатание. М., 1966.
30. Салита Е. Г. Стасовы в Петербурге—Петрограде. Л., 1982.
31. Санкт-Петербургские ведомости. 1867. № 108, 136.
32. Конисская Л. М. Чайковский в Петербурге. Л., 1969.
33. Орлова А. А. Мусоргский в Петербурге. Л., 1974.
34. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин: Середина пути. М., 1984.
35. Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1981.
36. Жуков Д. А. Звезда вдохновенья. Тула, 1986.
37. Чивилев Б. А. Отрывочные воспоминания о Тургеневе // Русские ведомости. 1883. 2 окт. № 270.
38. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1969. Т. 2.
39. Трайнин В. Я. М. П. Беляев и его кружок. Л., 1975.
40. Советская музыка. 1933. № 5.
41. Динерштейн Е. А. Издательская деятельность А. В. Суворина // Книга: Исследования и материалы. М., 1984. Т. 43.
42. Литературное наследство. М., 1977. Т. 87.
43. Катаев В. Обоюдный старичок // Новый мир. 1985. № 7.
44. Филиппов В. Ранние постановки «Горя от ума» // Литературное наследство. М., 1945. Т. 47—48.
45. Литературное наследство. М., 1978. Т. 88, кн. 2.
46. Федор Иванович Шаляпин. М., 1958.

Г л а в а III

1. Белый Ю. А. Тихо Браге. М., 1982.

2. *Пипуныров В. Н.* История часов с древнейших времен до наших дней. М., 1982.
3. *Шухардин С. В.* История науки и техники. М., 1974. Ч. 1.
4. *Беккерт М.* Железо : Факты и легенды. М., 1984.
5. *Менделеев Д. И.* Соч. Л.; М., 1952. Т. 17.
6. *Джибсон Ч.* Великие изобретения. М.; Л., 1925.
7. *Забаринский П.* Первые «огневые» машины в Кронштадтском порту. Л., 1936.
8. *Виргинский В. С.* Горно-металлургическое производство Франции во 2-й половине XVIII в. // Тр. Ин-та ист. естествозн. и техники. М., 1959. Т. 20.
9. *Уилсон М.* Американские ученые и изобретатели. М., 1975.
10. *Демидов В.* Пойманное пространство. М., 1983.
11. *Вендровский К. В.* Изобретение господина Дагера // Химия и жизнь. 1984. № 9.
12. *Вендровский К. В.* Джентльмен с независимым характером // Химия и жизнь. 1985. № 3.
13. *Якоби Б. С.* Работы по электрохимии. М.; Л., 1957.
14. История динамомашины: Документы и материалы. Л., 1934.
15. *Федоренко В. В.* Обход патентов в зарубежной практике. Киев, 1969.
16. *Буш Г. Я.* Тайны изобретательства. Рига, 1973.
17. *Богуславский М. М.* Патентные вопросы в международных отношениях. М., 1962.
18. *Пиленко А.* Право изобретателя. СПб., 1902.
19. *Беляев А. И.* История алюминия // Тр. Ин-та ист. естествозн. и техники. М., 1959. Т. 20.
20. *Черненко Г. Т.* Брод надежды. Л., 1986.
21. *Могилевский Б.* Серебро из глины. М.; Л., 1939.
22. *Дебар Р.* Алюминий, его производство и применение. М., 1932.
23. *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956.
24. *Шейпак А.* Донат Банки, изобретатель карбюратора // Изобретатель и рационализатор. 1985. № 9.
25. *Кемпферт В.* Великие изобретения. М.; Л., 1928.
26. *Павлов Е.* Патентная война братьев Райт // Изобретатель и рационализатор. 1983. № 4, 5.
27. *Морев В.* В одном ряду с Циолковским // Изобретатель и рационализатор. 1983. № 3.
28. Америка. 1983. Апрель. № 314.

Г л а в а IV

1. *Сахаров А. Н.* Мы от рода русского. Л., 1986.
2. *Вознесенский И. Н.* Автоматическое регулирование паровых котлов // Тр. научно-технической сессии по котлостроению. Л.; М., 1948.
3. *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. М.; Л., 1933. Т. 3.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1830. Т. 3. № 2383.

5. *Алебастров И.* «В 1825 году я изобрел подводное судно» // Изобретатель и рационализатор. 1982. № 4.
6. *Лантев Б. Л. Н. И. Лобачевский и его геометрия.* М., 1976.
7. *Крылов А. Н.* Мои воспоминания. Л., 1979.
8. Архив АН СССР, ф. 187, оп. 1, л. 1.
9. Отечественные записки. Т. 1, отд. 8. Смесь. 1839.
10. *Беккерт М.* Железо : Факты и легенды. М., 1984.
11. *Храмой А. В.* Очерк истории автоматики в России. М., 1956.
12. Архив АН СССР, ф. 187, оп. 1, № 352.
13. *Константинов К. И.* Материалы по истории применения электричества к баллистическим изысканиям. СПб., 1868.
14. *Comptes Rendus.* Paris, 1945. Vol. 20, N 3.
15. *Ibid.* N 21.
16. *Ibid.* N 23.
17. Журнал Артиллерийского комитета. 1867. 16 февр. № 36.
18. *Манолов К.* Великие химики. М., 1985. Т. 2.
19. *Быков Г. В.* О приоритете А. М. Бутлерова в создании теории химического строения // Материалы по истории отечественной химии. М., 1953.
20. *Быков Г. В.* История классической теории химического строения. М., 1960.
21. Архив АН СССР, ф. 329, оп. 1, № 143.
22. *Brown H. C.* Foundations of the structural theory // *J. Chem. Educ.* 1959. V. 36.
23. *Добротворский Н., Мозгалева И.* Изобретатель наборной машины // Книжное обозрение. 1980. 22 февр.
24. *Вересаев В. В.* Спутники Пушкина. М., 1937.
25. *Fiquier L.* L'année scientifique et industrielle. Paris, 1875.
26. Журнал Русского физико-химического общества. Часть физическая. 1880. Т. 12. Вып. 3.
27. *Брамский К.* К 100-летию изобретения трамвая // Изобретатель и рационализатор. 1980. № 8.
28. *Святловский Е. Е.* Занимательная статистика. Л., 1933.
29. *Кудрявцева Т. С.* Новые данные об исследованиях Д. И. Менделеева в области пороходелия // Материалы по истории отечественной химии. М., 1953.
30. *Гуло Д. М. Умов Н. А. М.,* 1977.
31. Электронная техника / Сер. Электровакuumные и газоразрядные приборы. 1982. Вып. 4 (93).
32. *Лейбензон Л. С.* Николай Егорович Жуковский. М.; Л., 1947.
33. *Венецкий С. И.* О редких и рассеянных. М., 1980.
34. *Голубев Е.* Мир русских изобретений. СПб., 1913.
35. *Смирнов Г.* Не забывая о Цусиме // Изобретатель и рационализатор. 1984. № 1.
36. *Черненко Г. Т.* Второе призвание. Л., 1982.
37. Советская Россия. 1984. 28 авг. № 198.

38. Изобретение радио: А. С. Попов. Документы и материалы. М., 1966.
39. Кронштадтский вестник. 1985. 30 апреля. № 51.
40. Котлин. 1897. 1 апреля. № 73.
41. Петербургская газета. 1897. 8 июня. № 84.
42. Новое время. 1897. 9 июня, № 7673.
43. Там же. 22 июня. № 7686.
44. Бренев И. В. Начало радиотехники в России. М., 1970.
45. Попов А. С. Сборник документов. Л., 1945.
46. Центр. Гос. архив Военно-Морского флота, ф. 427, оп. 1, д. 1642, л. 54.
47. Там же. д. 1269, л. 12.
48. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25.
49. Журнал Русского физико-химического общества. Часть физическая. СПб., 1908. Т. 40.

Г л а в а V

1. Спектор У. Форма издания заявлена // Изобретатель и рационализатор. 1984. № 1.
2. Белов С. В. Книгоиздатели Сабашниковы. М., 1974.
3. Шомракова И. А. Формирование принципов издания русской классической литературы в Госиздате 1919—1929 гг. // Книжное дело Петербурга—Петрограда—Ленинграда. Л., 1981.
4. Белов С. В. Мастер книги. Л., 1979.
5. Федин К. А. Горький среди нас. М., 1977.
6. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981.
7. Собеседник. 1989. № 15 (268).
8. Мамиофа И. Э. Охрана прав изобретателей и рационализаторов. Л., 1982.
9. Электронная техника / Сер. Электровакуумные и газоразрядные приборы. 1985. Вып. 6 (111).
10. Ощепков П. К. Жизнь и мечта. М., 1977.
11. Лобанов М. М. Развитие советской радиолокационной техники. М., 1982.
12. Пятков В. А. Учись изобретать смолоду. Краснодар, 1985.
13. Техника и наука. 1984. № 7.
14. Изобретатель и рационализатор. 1980. № 8.
15. Вокруг света. 1986. № 3.
16. Изобретатель и рационализатор. 1982. № 4.
17. Ленинградский рабочий. 1986. 12 сент.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24.
19. Кляус Е. М. Поиски и открытия. М., 1986.
20. Пермяк Е. Очарование темноты. М., 1980.
21. Ленинградская правда. 1989. 14 июня. № 138.
22. Новый мир. 1986. № 3.

23. Правда. 1985. 3 янв.
24. Наука и жизнь. 1986. № 9.
25. *Артемьев Е. И.* Технический прогресс, изобретательство и патентно-лицензионная работа. М., 1980.
26. Изобретатель и рационализатор. 1984. № 7.
27. Защита приоритета и государственных интересов в области изобретений и открытий. М., 1969.
28. *Лозинская Л. Я.* Во главе двух академий. М., 1978.
29. Изобретатель и рационализатор. 1985. № 8.
30. Техника и наука. 1985, № 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Зарождение авторского и изобретательского права . . .	6
Авторы и издатели в древнем мире	6
Тайна печатного станка	13
Издательское право получает «права гражданства» . . .	18
Издатели, авторы и «пираты»	21
Глава II. Авторское право в России	27
Печатник И. Федоров. Первые типографы и издатели	27
Надо ли оплачивать литературный труд?	30
А. С. Пушкин — профессиональный литератор	42
«Мы обязаны с тобою охранять свои права»	51
Меценаты и издатели	63
Антрепренеры	69
Глава III. О праве первородства. Изобретательское право за рубежом	75
Защищайте свое право	75
«Пугало» Томаса Севери	81
Стремись все — найти, изобрести	83
Творчество ради выгоды	96
Мега, раздувающие пламя гения	102
Глава IV. Изобретатели России	113
Манифест императора	113
Борьба за приоритет	119
Охотники за изобретениями	129
Не только творцы, но и хранители тайны	133
Попов или Маркони? Попов	142
Глава V. Развитие авторского и изобретательского права после 1917 г.	154
Авторское право	154
Изобретательское право	164
Право на открытие	185
Визитная карточка изделия	189
«Лицензинторг» предлагает	191
Литература	199

**Леонид Михайлович Вишневецкий,
Борис Ильич Иванов,
Лев Григорьевич Левин**

**ФОРМУЛА ПРИОРИТЕТА.
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
АВТОРСКОГО И ПАТЕНТНОГО ПРАВА**

*Утверждено к печати
Редакционной коллегией серийных изданий
Академии наук СССР*

Редактор издательства А. И. Строева
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Н. А. Кругликова
Корректор Г. Н. Мартынова

ИБ № 33367

Сдано в набор 06.04.90. Подписано к печати
02.10.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная
№ 1. Гарнитура литературная. Фотонабор. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 13. Усл. кр.-от. 13.66.
Уч.-изд. л. 12.25. Тираж 4900. Тип. зак. № 281.
Цена 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука».
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

Книги издательства «Наука» можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

- 117393 Москва**, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»

или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой»:

- 480091 Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370001 Баку, Коммунистическая ул., 51 («Книга — почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский пр., 140 («Книга — почтой»);
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252025 Киев, ул. Осипенко, 17;
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
194064 Ленинград, Тихорецкий пр., 4;
220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);

142284 **Протвино** Московской обл., ул. Победы, 8;
142292 **Пушино** Московской обл., МР «В», 1 («Книга — почтой»);
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700000 **Ташкент**, ул. Ю. Фучика, 1;
700029 **Ташкент**, ул. Ленина, 73;
700070 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
700185 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 **Уфа**, ул. Коммунистическая, 49;
720001 **Фрунзе**, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

Коммерческий успех

Идея + ВоплощениеОформлениеПризнание приоритетаУтечка информацииПредприимчивостьКонъюнктура рынкаУровень технологий